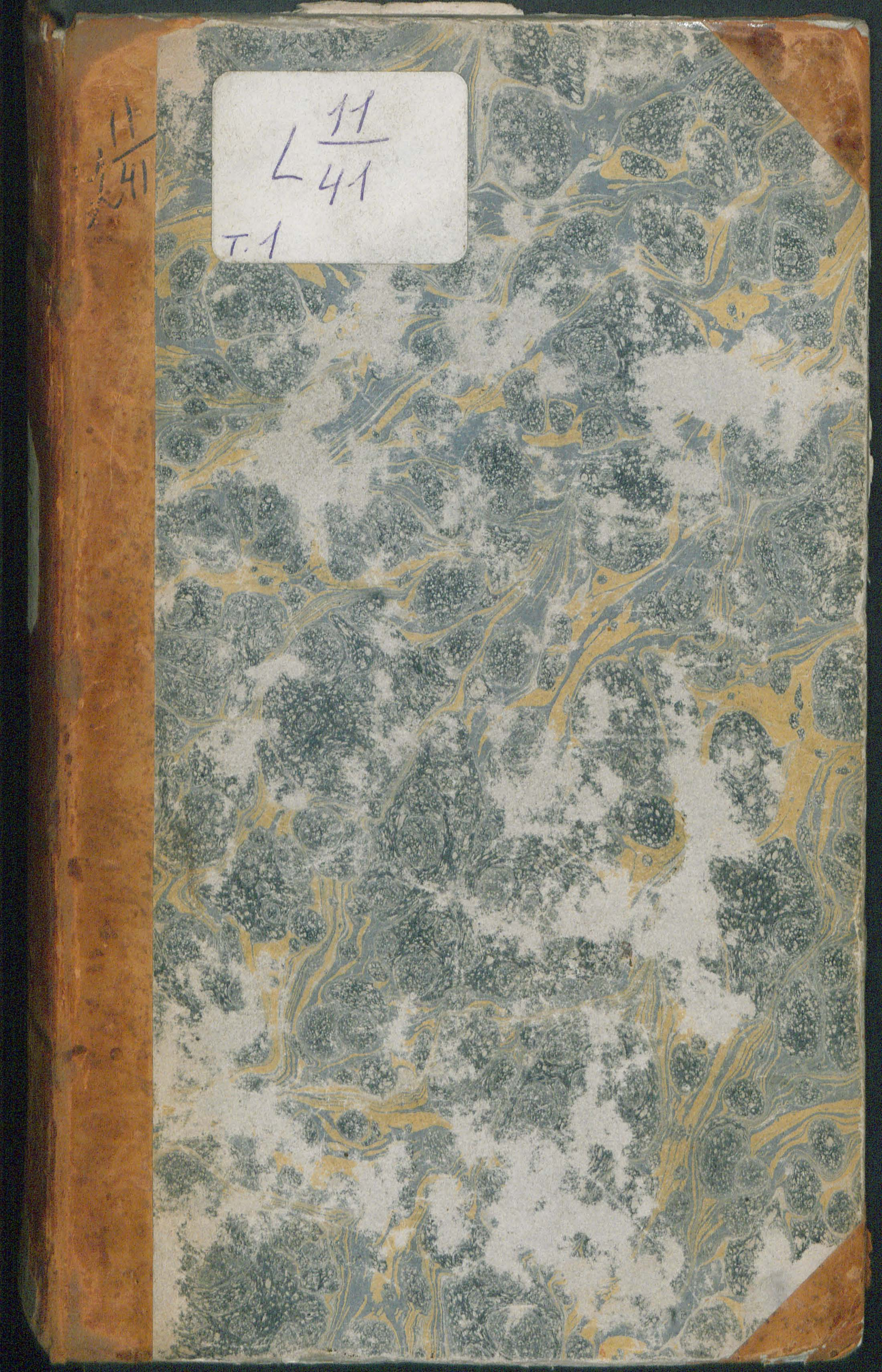

СОЛОНЪ.

Ч 1

ПУТЕШЕСТВІЕ
МЛАДШАГО
АНАХАРСИСА
ПО ГРЕЦІИ

въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова,

Переведено съ Французскаго Императорской Россійской Академіи Президентомъ Андреемъ Нартовымъ,

и оною Академіею издано.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ.
1804 года.

2010514803

Предувѣдомленіе.

Я предполагаю, что Скиѳъ по имени Анахарсисъ, пріѣзжаетъ въ Грецію за нѣсколько лѣтъ до рожденія Александра великаго, и что онъ изъ Аѳинъ, обыкновеннаго своего мѣстопребыванія, предпринимаетъ многія путешествія въ сосѣдственныя области, примѣчаетъ повсюду нравы и обычаи народовъ, присутствуетъ при празднествахъ ихъ, разсматриваетъ состояніе ихъ правленій; иногда посвящаетъ свободные часы свои изслѣдованіямъ успѣховъ человѣческаго разума; иногда же бесѣдуетъ съ великими и славными мужами тогдашняго времени, какъ то съ Эпаминондомъ, Фокіономъ, Ксенофонтомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Димосѳеномъ и проч. Сколь скоро видитъ онъ Грецію порабощенною Филиппу, отцу Александрову, то возвращается въ Скиѳію; здѣсь приводитъ онъ въ порядокъ записки своихъ пу-

тешествій; и чтобъ не прервать своего повѣствованія, описываетъ во введеніи достопамятныя происшествія, случившіяся въ Греціи до его отъѣзда изъ Скиѳіи.

Избранное мною время, такъ какъ одно изъ важнѣйшихъ, каковыя представляетъ намъ бытописаніе народовъ, можетъ быть разсматриваемо подъ двумя видами. Въ разсужденіи словесныхъ наукъ и художествъ, сопрягаетъ оно вѣкъ Перикловъ съ вѣкомъ Александровымъ. Скиѳъ мой имѣлъ знакомство со многими Аѳинянами, жившими во единое время съ Софокломъ, Эврипидомъ, Аристофаномъ, Ѳукидидомъ, Сократомъ, Зевксисомъ, и Паррасіемъ. Я упомянулъ такъ же о нѣкоторыхъ славныхъ писателяхъ, которыхъ онъ зналъ; при немъ вышли преизящныя творенія Праксителя, Эвфранора и Памфила, равномѣрно и первые опыты Апеллеса и Протогена; и въ послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Греціи родились Эпикуръ и Менандръ.

Сїе время не менѣе примѣчанїя достойно и по второму виду. Анахарсисъ былъ свидѣтелемъ перемѣны, преобразившей Грецїю, и вскорѣ послѣ того разрушившей Персидскую имперїю. По прибытїи своемъ нашелъ онъ младаго Филиппа при Эпаминондѣ. Онъ видѣлъ его возшедшимъ на престолъ Македонскїй; видѣлъ его въ теченїе 22 лѣтъ всѣ силы ума своего употребившимъ противъ Грековъ, и принудившимъ наконецъ сихъ гордыхъ республиканцевъ покориться его власти.

Я сочинилъ паче путешествїе, нежели бытописанїе, потому что все находится при путешествїи въ дѣйствїи, и позволяются въономъ подробности, дѣеписателю возбраняемыя. Сїи подробности, когда онѣ касаются до обычаевъ, часто означаются весьма кратко у древнихъ писателей; а новѣйшихъ изслѣдователей нерѣдко приводятъ въ разногласїе. Я разсматривалъ ихъ всѣ прежде, нежели употреблялъ ихъ въ дѣло.

Большую часть изъ нихъ уничтожилъ я при пересмотрѣ; и можетъ статься, что сїе мое пожертвованїе недовольно еще было велико.

Сїе творенїе началъ я въ 1757 году, и съ того времени не преставалъ надъ нимъ трудиться. Не предпрїялъ бы я сего, естьли бы менѣе былъ прельщенъ изяществомъ предмета, и совѣтовался бы болѣе съ моими силами, нежели съ моимъ ревнїемъ. Слѣдующая здѣсь роспись, покажетъ наблюденный мною въ семъ творенїи порядокъ.

Бартелеми.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ,

Содержащее сокращеніе повѣствованія о Греціи съ самаго древняго времени по взятіе Аѳинъ въ 404 году до Рождества Христова.

стран.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГРЕЦІИ.

Дикое состояніе Греціи.

Первые обитатели Греціи, естьли вѣрить древнимъ преданіямъ, не имѣли иныхъ жилищъ, кромѣ глубокихъ пещеръ, и выходили изъ оныхъ для того только, чтобы сражаться со звѣрями за суровую, а иногда и вредную ихъ пищу. Потомъ, соединясь подъ предводительствомъ отважныхъ начальниковъ, умножили они свое просвѣщеніе, свои нужды и бѣдствія. Чувствованіе своей слабости дѣлало ихъ несчастными; они содѣлались таковыми же чувствуя свои силы. Началась война, воспламенились сильныя страсти, и слѣдствія ихъ были ужасны. Надлежало проливать рѣки крови, для утвержденія за собою какой либо земли. Побѣдители пожирали побѣжденныхъ; смерть была надъ всѣми главами; а мщеніе во всѣхъ сердцахъ.

Прибытїе восточныхъ поселенїй.

Но, или по тому, что человѣкъ утомляется наконецъ отъ своей свирѣпости, или климатъ Грецїи умягчаетъ рано или поздно свойство въ немъ обитающихъ, многїя сонмища дикарей прибѣгали къ законодателямъ, вознамѣрившимся ихъ просвѣтить. Сїи законодатели были Египтяне, пришедшїе ко брегамъ Арголиды для сысканїя себѣ на оныхъ убѣжища. Здѣсь основали они Государство. Зрѣлище было безъ сомнѣнїя прекрасное, когда сїи грубые и свирѣпые народы со трепетомъ приближались къ иностранному поселенїю, удивлялись спокойному ихъ трудолюбїю, какъ они посѣкали свои дубравы современныя началу мїра, разверзали подъ самыми ихъ стопами новую неизвѣстную землю и творили оную плодоносною, распространялись со стадами своими по лугамъ и пажитямъ, и достигли наконецъ до того, что въ невинности провождали дни спокойные и веселые, которые симъ отдаленнымъ временамъ доставили именованїе злащаго вѣка.

Инахъ и Фороней.

1970 года до Р. Х. Сїе преобразованїе началося при Инахѣ,

приведшемЪ вЪ Грецію первыхЪ ЕгипетскихЪ поселенцевЪ, существовавшихЪ и при ФоронеЪ, его сынЪ. ВЪ краткое время Арголида, Аркадія и окрестныя страны восприяли новый образЪ.

По прошествіи почти трехЪ вѣковЪ явились КекропЪ, КадмЪ и Данай; первый вЪ АттикЪ, вторый вЪ Віотіи, а третій вЪ Арголидѣ. Они привели сЪ собою новыя поселенія ЕгиптянЪ и ФиникіянЪ. Промышленность и художества распространились за предѣлы Пелопониса и успѣхи ихЪ присовокупили, такЪ сказать, новые народы вЪ человѣческому роду. ВЪ 1657 1594 и 1586 г. до Р. Х.

Между тѣмЪ часть дикихЪ людей удалилась вЪ горы или кЪ полунощнымЪ странамЪ Греціи. Они напали на возраждающіяся общества, которыя, преоборая звѣрское свирѣпство храбростію, принудили ихЪ повиноваться законамЪ или уклониться вЪ другія страны, и пользоваться тамо зловредною независимостію.

Царствованіе Форонея есть древнѣйшая эпоха вЪ Греческой исторіи; а царствованіе Кекропа вЪ исторіи Аѳинской. ОтЪ времени сего послѣдняго государя до окончанія Пелопониской войны миновало почти 1250 лѣтЪ.

Я раздѣляю ихъ на два междовременія; одно простирается до первыя Олимпіады, второе оканчивается взятіемъ Аѳинъ Лакедемонянами. Здѣсь опишу я главнѣйшія происшествія обоихъ сихъ временъ, а наипаче касающіяся до Аѳинъ; и предъувѣдомляю, что въ первомъ междовременіи, какъ истинныя дѣянія, такъ и баснословныя повѣсти, къ уразумѣнію вѣры, обычаевъ и памятниковъ Греческихъ, предложены будутъ такъ, какъ они въ преданіяхъ древнихъ находятся. Можетъ быть самый слогъ мой покажетъ, что я много читалъ тѣхъ писателей, съ которыми справлялся. Находясь въ странѣ вымысловъ, весьма трудно не заимствовать иногда и языка оныя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кекропъ.

Поселенцы Кекроповы производили свое происхожденiе отъ Египетскаго города Саиса. Они оставили благословенные брега Нила, желая избавиться отъ законовъ жестокосердаго победителя. По долговременномъ плаванiи прибыли они ко брегамъ Аттики, обитаемымъ такимъ народомъ, котораго дикiя Греческiя племена почитали недостойными ихъ покоренiя. Безплодныя его поля не представляли добычи, а безсилiе его не внушало имъ страха. Народъ сей, привыкнувъ къ прiятностямъ мира, наслаждаясь вольностiю, не зная цѣны оной, паче грубъ нежели жестокосердъ, долженъ былъ безъ затрудненiя соединиться съ иностранцами, которыхъ научило несчастiе. Вскорѣ Египтяне и жители Аттики содѣлались единымъ народомъ; но первые надъ вторыми воспрiяли то преимущество, каковое рано или поздно отдается превосходству просвѣщенiя; и Кекропъ признанный главнымъ начальникомъ тѣхъ и другихъ, возъимѣлъ твердое намѣренiе доставить блаженство новоизбранному своему отечеству.

Древнїе сея страны жители видѣли возраждающїеся ежегодно дикїе плоды дуба, и полагались на природу въ произращенїи для пропитанїя ихъ нужномъ. Кекропъ предложилъ имъ пищу прiятнѣйшую и научилъ ихъ доставлять себѣ оную навсегда. Различные роды сѣмянъ ввѣрены были землѣ. Маслина перенесена изъ Египта въ Аттику; прочїя древа, дотолѣ неизвѣстныя, простирали надъ богатыми жатвами свои обремененныя плодами вѣтьви. Аттическїй житель, возбужденный примѣромъ Египтянъ искусныхъ въ земледѣлїи, усугублялъ свои подвиги и укрѣплялся въ трудолюбїи; но не былъ еще поощряемъ тѣми сильными побужденїями, которыя могли бы усладить его заботы и ободрять его въ трудахъ.

Бракъ подверженъ былъ законамъ; и сїи установленїя, источники новаго порядка добродѣтелей и удовольствїй, заставили узнать преимущесва благопристойности, прелести цѣломудрїя, желанїе нравиться, счастїе любить и необходимость любить всегда. Отецъ во глубинѣ сердца своего услышалъ сокровенный гласъ природы , услышалъ его въ сердцѣ супруги и чадъ своихъ. Удивился проливая слезы, которыя уже не печаль у него

изторгала, и содѣлавшись чувствительнымъ, научился почитать самаго себя. Вскорѣ семейства соединились союзами родства, или взаимными нуждами; всѣ члены общества безчисленными соплелися цѣпями. Благо, которымъ они наслаждалися, не было больше личное, и зло, которое не они ощущали, не было уже имъ чуждо.

Другія еще побужденія споспѣшествовали исполненію ихъ обязанностей. Первые Греки покланялися Богамъ, коихъ именъ не знали, и кои, бывъ удалены отъ смертныхъ и устремляя все свое могущество къ управленію теченія вселенной, едва являли изволенія свои въ маломъ Додонскомъ округѣ въ Эпирѣ. Иностранные переселенцы давали симъ Божествамъ тѣже имена, какія имѣли онѣ въ Египтѣ, въ Ливіи, въ Финикіи, и приписывали каждому изъ оныхъ владычество опредѣленное и особенныя должности.

Городъ Аргосъ посвященъ былъ собственно Юнонѣ; Аѳины Минервѣ; Ѳивы Вакху. Чрезъ сіе легкое прибавленіе къ Богопочитанію, казалось, что Боги приближились ко Греціи и раздѣлили между собою ея области. Народъ почиталъ ихъ удобоприступнѣй-

шими, когда вѣрилъ, что они меньше могущи и меньше заняты дѣломъ. Онъ находилъ ихъ вездѣ во кругъ себя; и увѣренъ будучи, что впредь они со вниманїемъ на него взирать будутъ, возъимѣлъ высшїя понятїя о человѣческой природѣ.

Кекропъ умножилъ предметы всенароднаго богопочитанїя. Онъ покланялся владыкѣ боговъ подъ именемъ Всевышняго; воздвигъ повсюду храмы и жертвенники; но запретилъ приносить кровавыя жертвы, либо для сбереженїя животныхъ къ земледѣлїю определенныхъ, либо для внушенїя подданнымъ своимъ ужаса къ тому безчеловѣчїю, которое происходило въ Аркадїи. Человѣкъ, царь, свирѣпый Ликаонъ принесъ тамо младенца въ жертву богамъ, которые завсегда почитаютъ себя оскорбленными, когда оскорбляется природа. Кекроповы жертвоприношенїя достойнѣйшїя ихъ благости, были не иное что, какъ класы или зерна, начатки благословенныхъ жатвъ, коими безсмертные обогощали Аттику и хлѣбы прѣсны, яко дань того искуства, которое жители ея познавать начали.

Всѣ учрежденїя Кекроповы исполнены мудростїю и человѣколюбїемъ. Ими даровалъ

онъ подданнымъ своимъ спокойную жизнь, и доставилъ имъ почтенїе даже и послѣ самой смерти. Онъ хотѣлъ, чтобы мертвенные ихъ остатки полагаемы были въ нѣдрѣ общей матери людей, и чтобы покрывающая ихъ земля тотчасъ была засѣваема, дабы и сей участокъ земли не былъ похищенъ у земледѣльца. Родственники съ увѣнчанными главами предлагали погребательную трапезу; и при оной, не внимая гласу лести или дружбы, воздавали честь памяти мужа добродѣтельнаго и поносили память злодѣя. Сїи трогательные обряды являли народамъ, что человѣкъ малопекущїйся о сохраненїи, по смерти своей, другой жизни въ общемъ почтенїи, долженъ, по крайней мѣрѣ, оставить по себѣ такое имя, котораго бы дѣти его не стыдились.

Таже мудрость сїяла въ установленїи судилища, которое кажется учреждено или въ послѣднихъ лѣтахъ жизни сего Государя или въ началѣ царствованїя его преемника. Судилище сїе именовалось Ареопагомъ, которое съ самаго своего начала никогда не провозглашало такого рѣшенїя, на кое могли бы жаловаться и которое наиболѣе способствовало

ко внушенїю Грекамъ первыхъ познанїй о правосудїи.

Ежели бы Кекропъ былъ основатель какъ сихъ достопамятныхъ, такъ и многихъ другихъ учрежденїй на пользу и просвѣщенїе Аѳинянъ имъ содѣланныхъ; то онъ былъ бы первымъ изъ законодателей и величайшимъ изъ смертныхъ; но онѣ были творенїе цѣлаго народа, старавшагося усовершить ихъ въ теченїи многихъ столѣтїй. Кекропъ принесъ оныя изъ Египта; и произтекающее отъ нихъ благо столь скоро подѣйствовало, что Аттика въ краткое время населилась двадцатью тысячами жителей, кои раздѣлились на четыре колѣна.

Толь быстрые успѣхи обратили на себя вниманїе народовъ, живущихъ едиными хищенїями. Морскїе разбойники приставали ко брегамъ Аттики. Вїотїйцы опустошали ея предѣлы и распространяли ужасъ повсюду. Кекропъ симъ воспользовался, уговорилъ своихъ подданныхъ сближить ихъ жилища, разсѣянныя тогда по полямъ, и защитить оныя оградою отъ претерпѣваемыхъ ими набѣговъ. Аѳины основанїе свое получили на томъ холмѣ, гдѣ нынѣ находится замокъ. Один-

надцать другихъ городовъ возрасли по разнымъ мѣстамъ, и жители объятые страхомъ безъ прекословія пожертвовали тѣмъ, что было имъ драгоцѣннѣе всего. Они отреклись отъ свободы сельской жизни и заключились въ стѣны, которыя почитали бы жилищемъ неволи, есть ли бы не надлежало ими пользоваться, яко убѣжищемъ слабости. Защищаемые своими укрѣпленіями были они первые изъ Грековъ, кои отложили во время мира сіи убійственныя оружія, которыхъ прежде никогда не покидали.

Кекропъ умеръ, царствовавъ пятьдесятъ лѣтъ. Супруга его была дщерь единаго изъ знаменитыхъ жителей Аттики. Онъ имѣлъ отъ нея сына, который еще при жизни его умеръ, и трехъ дщерей, которымъ Аѳиняне воздавали послѣ честь божескую. Гробъ Кекроповъ сохраняется еще и донынѣ во храмѣ Минервы, и память его незагладимыми знаками начертана въ созвѣздіи Водолея, ему отъ Аѳинянъ посвященнаго.

Послѣ Кекропа царствовали въ теченіе почти пяти сотъ шестидесяти пяти лѣтъ, семьнадцать Государей, изъ коихъ Кодръ былъ послѣдній.

Большая часть Кекроповыхъ преемниковъ не заслуживаетъ вниманія потомства. Какая въ томъ нужда, что нѣкоторые изъ нихъ низвержены были своими преемниками съ той степени, которую сами похищали, и что имена другихъ случайно спаслись отъ забвенія? Изыщемъ въ теченіи ихъ царствованія тѣ только дѣянія, кои вліяніе возъимѣли въ свойство народа, или кои долженствовали способствовать его благоденствію. Въ царствованіе Кекропа и преемника его Краная, жители Аттики наслаждалися миромъ почти непрерывнымъ. Привыкнувъ къ пріятности и зависимости общежитія, они научались должностямъ своимъ изъ нуждъ своихъ, и нравы ихъ примѣрами образовались.

Познанія ихъ, возросшія отъ толь тѣснаго союза, умножились еще отъ обращенія съ сосѣдственными народами. Нѣсколько лѣтъ послѣ Кекропа восточное просвѣщеніе проникло въ Віотію. Кадмъ, предводитель поселенія Финикіянъ, принесъ туда превосходнѣйшее искуство удерживать простыми чертами бѣглые звуки слова и тончайшія дѣйствія ума. Таинство писать введенное въ Аттику, назначено было по нѣкото-

ромЪ времени кЪ сохраненію памяти знаменитыхЪ произшествій.

Не можемЪ вЪ точности опредѣлить времени, когда другія искуства стали тамЪ извѣстны. ВЪ семЪ случаѣ можемЪ мы сообщить единыя токмо преданія. ВЪ царствованіе Ерихѳонія поселеніе Кекропово научило коней, кЪ броздамЪ уже приобыкшихЪ, влачить тяжкую телѣгу, и пользовалось трудами пчелЪ, разводимыхЪ непрерывно на горѣ Иметѣ. При Пандіонѣ приобрѣло оно новые успѣхи вЪ земледѣліи; но долговременная засуха, потребившая всю надежду земледѣльца, удовлетворена была вЪ его нуждѣ жатвами Египта; сЪ того времени начали они имѣть нѣкоторое понятіе о торговлѣ. Эрихѳей, преемникЪ ПандіоновЪ, прославилЪ царствованіе свое учрежденіями полезными, и Аѳиняне посвятили ему храмЪ послѣ его смерти.

Сіи постепенныя открытія усугубляли дѣятельность народа, и, доставляя ему изобиліе, приготовляли его кЪ поврежденію: ибо сколь скоро онЪ позналЪ, что находятся вЪ жизни такія наслажденія, которыя присоединяются искуствомЪ кЪ естественнымЪ наслажденіямЪ, то пробуди-

вшїяся страсти устремились къ сему новому образу благополучїя. Слѣпое подражанїе, сей сильный возбудитель большой части дѣянїй человѣческихъ, и которое съ начала устремляло людей къ соревнованїю кроткому и благотворному, вскорѣ произвело любовь къ отличностямъ, желанїе къ преимуществамъ, зависть и ненависть. Знаменитые граждане, приводя по волѣ своей въ движенїе сїи различныя пружины, наполняли общество смятенїями и простирали взоры свои даже ко престолу. Амфиктїонъ принудилъ Краная оставить оный, но и самъ принужденъ былъ уступить его Эрихѳонїю.

По мѣрѣ, какъ царство Аѳинское приобрѣтало новыя силы, царства Аргоское, Аркадїйское, Лакедемонское, Коринѳское, Сикїонское, Ѳивское, Ѳессалїйское и Эпирское увеличивались постепенно и продолжали перемѣны свои на позорищѣ мїра.

Между тѣмъ древнее варварство показывалось паки въ противность законовъ и обычаевъ; отъ времени до времени появлялись люди сильные, кои кочевали при дорогахъ и нападали на прохожихъ; появлялись такъ же Государи, которыхъ хладная жестокость возлагала на невинныхъ медленныя и мучите-

альныя казни. Но природа, непрестанно наблюдающая равновѣсїе между зломъ и благомъ, произвела къ ихъ потребленїю людей еще сильнѣйшихъ, нежели первые, но столькоже могущихъ какъ вторые и гораздо справедливѣйшихъ, нежели тѣ и другїе. Они странствовали по Грецїи и очищали ее отъ грабительства Царей и частныхъ людей; являлись по средѣ Грековъ яко смертные высшей степени; и сей дѣйствовавшїй еще народъ, незнавшїй умѣренности ни въ благодарности ни въ боязни, толико прославлялъ и малѣйшїе ихъ подвиги, что слава защищать его содѣлалась честолюбїемъ людей сильныхъ и мужественныхъ.

Сей родъ иройства неизвѣстнаго слѣдующимъ вѣкамъ, незнаемаго отъ другихъ народовъ, способнѣйшаго однакожъ согласить выгоды гордости съ выгодами человѣчества, возникалъ повсемѣстно и упражнялся во всякихъ предметахъ. Естьли лютый звѣрь выходилъ изъ среды лѣсовъ, распространялъ ужасъ въ сельскихъ жилищахъ; то ирой той страны ставилъ себѣ должностїю побѣждать его предъ глазами такого народа, которой почиталъ тѣлесную силу первымъ совер-

шенствомъ, а мужество высочайшею добродѣтелїю.

Сами Государи, льстившїеся присоединить къ титламъ своимъ превосходство заслуги весьма почитаемой въ ихъ вѣкъ, вступали въ сраженїя, которыя, показывая ихъ храбрость, еще болѣе оправдывали власть ихъ. Но вскорѣ стали они любить уже опасности, которыхъ прежде только не боялись. Они искали ихъ въ дальнихъ странахъ, или во кругъ себя; и какъ добродѣтели превозносимые похвалами легко увядаютъ, то храбрость, превратившаяся въ дерзость, не меньше перемѣняла свое свойство и предметы, на кои устремлялась. Благополучїе народовъ не управляло ихъ предприятїями. Все служило жертвою сильнымъ страстямъ, коихъ ненаказанность усугубляло своевольство. Рука, низвергнувшая тиранна съ престола, грабила у справедливаго Государя богатство, въ наслѣдїе отъ праотцевъ ему оставшееся, или похищала супругу, отличающуюся своею красотою. Жизнь древнихъ ироевъ посрамлена сими постыдными дѣлами.

Аргонавты.

Около 1360 года до Р. Х.

Многїе изъ нихъ, будучи извѣстны подъ именемъ Аргонавтовъ, восприяли намѣренїе

отправиться въ дальную страну, дабы завладѣть тамо сокровищами Эйтиса Царя Кольхидскаго. Надлежало имъ преплывать неизвѣстныя моря и отваживаться непрестанно на новыя опасности; но каждый изъ нихъ отличилъ уже себя толь многими подвигами, что соединившись вмѣстѣ почитали себя непобѣдимыми, и таковыми были дѣйствительно. Между сими ироями находилися Язонъ, прельстившій и похитившій Медею, дщерь Эйтиса, но потерявшій въ отсутствіе свое Ѳессалійскій престолъ, по праву рожденія ему принадлежавшій; Касторъ и Поллуксъ, сыны Тиндара Царя Спартанскаго, прославившіеся своею храбростію, но еще болѣе взаимною дружбою своею, за которую содѣлалися они достойными олтарей; Пелей Царь Фтіотійскій, который былъ бы почтенъ великимъ мужемъ, естьли бы сынъ его Ахиллъ не былъ его болѣе; Стихотворецъ Орфей, раздѣлявшій подвиги, которые услаждалъ онъ своимъ пѣніемъ; наконецъ Иракль изъ смертныхъ знаменитѣйшій и первый изъ полубоговъ.

Иракль.

Вся земля исполнена слухомъ о его имени и памятниками его славы. Онъ происхо-

дилъ отъ Царей Аргоскихъ. Сказуютъ, что онъ сынъ Юпитера и Алкмены, супруги Амфитріоновой; что подъ его ударами пали и левъ Немейскій, и волъ Критскій, и вепрь Ериманоскій, и гидра Лернейская, и чудовища еще свирѣпѣйшія; Вузиридъ Царь Египетскій, который измѣннически багрилъ свои руки въ крови чужеземцовъ; Анеей Ливійскій, который, преодолѣвъ ихъ прежде въ борьбѣ, предавалъ смерти; Исполины Сицилійскіе и Кентавры Ѳессалійскіе и всѣ разбойники на землѣ, коей поставилъ онъ предѣлы на западѣ, такъ какъ Вакхъ утвердилъ оные на востокѣ. Присовокупляютъ, что онъ расторгнулъ горы, дабы сближить народы; прокопалъ проливы, дабы соединить моря; побѣдилъ адъ и способствовалъ богамъ къ преодолѣнію исполиновъ, съ коими они сражались. Повѣсть его есть сплетеніе чудесъ или, лучше сказать, она есть повѣсть всѣхъ носившихъ тоже имя и подъявшихъ тѣ же труды, какъ и онъ. Подвиги ихъ съ лишкомъ увеличены; древніе, отнеся оные къ единому человѣку и приписавъ ему всѣ великія предпріятія, коихъ исполнители были неизвѣстны, воздали ему такую славу, которая по видимому на весь родъ человѣческій распространяется: ибо

Иракл, которому поклоняются, есть призракъ величїя, воздвигнутый между небомъ и землею какъ бы для того, чтобы наполнить онымъ праздное между ими разстоянїе. Истинный Ираклъ разнствовалъ отъ другихъ смертныхъ токмо силою и походилъ на Греческихъ боговъ только слабостями своими; благо изло, которое онъ въ частыхъ своихъ походахъ дѣлалъ, доставили ему во время жизни его такую пресловутость, которая даровала новаго защитника Грецїи въ особѣ Ѳисея.

Ѳисей.

Сей Государь былъ сынъ Эгея, Царя Аѳинскаго и Еѳры, дщери мудраго Питѳїя, правителя Трезены. Онъ воспитанъ въ семъ городѣ, гдѣ слава дѣлъ Иракловыхъ подстрекала его непрестанно; онъ внималъ повѣствованїямъ объ оныхъ съ жаромъ тѣмъ болѣе безпокойнѣйшимъ, что союзъ крови соединялъ его съ симъ ироемъ, и нетерпѣливая душа его трепетала и силилась расторгнуть заключавшїя ея преграды; ибо открывалось пространное поле его надеждѣ. Разбойники начали паки появляться; чудовища выходили изъ дебрей; Ираклъ былъ въ Лидїи.

Для удовлетворенія сея кипящія храбрости, Еѳра открываетъ сыну своему тайну его рожденія; ведетъ его къ камню величины огромной и повелѣваетъ поднять оный. Онъ находитъ тутъ мечъ и другіе знаки, по которымъ долженствовалъ отецъ его нѣкогда узнать Ѳисея. Снабдѣнный симъ залогомъ пріемлетъ путь къ Аѳинамъ. Тщетно мать и дѣдъ убѣждаютъ его возсѣсть на корабль; благоразумные совѣты оскорбляютъ его столькоже, какъ совѣты робкіе. Онъ предпочитаетъ путь опасности и славы, и скоро является предъ Синниса. Сей жестокій мучитель привязывалъ побѣжденныхъ къ древеснымъ вѣтвіямъ, кои нагибалъ съ усиліемъ, и кои мгновенно паки поднимались съ растерзанными и окровавленными членами сихъ несчастныхъ; далѣе, Скиронъ занималъ узкую тропу на горѣ, откуда проходящихъ низвергалъ въ море; еще далѣе, Прокрустъ простиралъ ихъ на ложѣ, по длинѣ коего тѣлеса ихъ вытягивалъ съ ужаснымъ мученіемъ. Ѳисей нападаетъ на сихъ разбойниковъ, и предаетъ ихъ смерти тѣми же муками, какія они изобрѣли.

По многихъ сраженіяхъ и побѣдахъ является онъ ко двору отца своего, возмущенному

сильными раздорами, угрожавшими опасностію самому Государю. Паллантиды, одно могущественное въ Аѳинахъ семейство, съ прискорбіемъ взирали, что скипетръ былъ въ рукахъ старца, по ихъ мнѣнію, ни права, ни силы носить его не имѣвшаго; съ явнымъ презрѣніемъ оказывали они надежду о скорой его смерти и желаніе раздѣлить все его имѣніе. Присутствіе Ѳисеево разрушаетъ ихъ замыслы: боясь, чтобъ Егей усыновивъ сего иностранца, не нашелъ въ немъ мстителя и законнаго наслѣдника, внушаютъ ему всякія недовѣрія, къ какимъ только слабая душа удобна: но въ самое то мгновеніе, когда Егей хотѣлъ погубить смертію сына своего, узнаетъ его и повелѣваетъ народу признать его преемникомъ своего престола. Паллантиды возстаютъ противу его; Ѳисей разсѣваетъ ихъ, летитъ немедлѣнно въ поля Мараѳонскіе, кои яростный волъ опустошалъ уже нѣсколько лѣтъ; нападаетъ на него, преодолѣваетъ и приводитъ его въ цѣпяхъ предъ Аѳинянъ толико же удивленныхъ побѣдою, колико устрашенныхъ сраженіемъ.

Вскорѣ послѣ того другое дѣяніе безмѣрно ихъ удивило. Миносъ, Царь Критскій обвинялъ ихъ въ убіеніи сына своего

Андрогея, и силою оружїя принудилъ ихъ давать себѣ въ назначенныя времена нѣкое число юныхъ отроковъ и младыхъ дѣвицъ. Избранїе ихъ опредѣлялось по жребїю, а рабство или смерть были ихъ участїю. Въ третїй разъ исторгались тогда у несчастныхъ родителей залоги ихъ нѣжности. Аѳиняне утопали въ слезахъ; но Ѳисей ободряетъ ихъ, предпрїемлетъ освободить ихъ отъ толь ненавистной дани, и для исполненїя толь великодушнаго намѣренїя, помѣщаетъ себя въ число сихъ жертвъ и отправляется на караблѣ въ Критъ.

Аѳиняне сказываютъ, что дѣти ихъ, по прибытїи на сей островъ, заключались въ Лавиринѳѣ и вскорѣ потомъ пожираемы были Минотавромъ, чудовищемъ изъ половины человѣка и половины вола образованнымъ, происшедшимъ отъ позорной любви Пасифаи, Царицы Критской. Присовокупляютъ еще, что Ѳисей убивъ Минотавра привелъ обратно младыхъ Аѳинянъ и провождаемъ былъ Арїадною, дщерїю Миноса, которая помогала ему выйти изъ Лавиринѳа и которую оставилъ онъ на брегахъ Наксоса. Критяне напротивъ сего повѣствуютъ, что заложники Аѳинскїе назначаемы были побѣдителямъ на играхъ, отправляемыхъ въ честь Андрогея; что Ѳисей

получивъ позволенїе участвовать въ поприщахъ, побѣдилъ Тавра, вождя Миносовыхъ войскъ, и что сей Государь изъ великодушїя отдалъ справедливость храбрости Өисеевой и простилъ Аөинянъ.

Свидѣтельство Критянъ сообразуется больше съ качествомъ Государя, правосудїемъ и мудростїю прославившагося; а свидѣтельство Аөинянъ не что иное есть, какъ дѣйствїе вѣчной ненависти къ побѣдителямъ, ихъ унизившимъ. Но изъ обоихъ мнѣнїй явствуетъ, что Өисей избавилъ народъ свой отъ постыднаго рабства и, отважнвая жизнь свою, достойно заслужилъ престолъ, оставшїйся празднымъ по смерти Эгея. Вступивъ на оный немедлѣнно восхотѣлъ онъ положить предѣлы своей власти и доставить правительству образъ постояннѣйшїй и правильнѣйшїй; дванадесять Аттическихъ градовъ, основанныхъ Кекропомъ, учинились дванадесятью республиками. Каждая имѣла особенныхъ правителей и начальниковъ почти не зависимыхъ; частныя ихъ выгоды противуборствовали одна другой непрестанно, отъ чего и частыя войны происходили. Естьли крайнїя опасности принуждали ихъ иногда прибѣгать къ покровительству Госу-

даря, то наставшая послѣ бури тишина возбуждала въ нихъ древнюю ревность и зависть; ибо царская власть иногда бывъ неограниченна, а иногда уничиженна, вперяла въ нихъ или ужасъ или презрѣнїе; и народъ, по недостаточному государственному учрежденїю, коего сущность ни Государю ни подданнымъ не была извѣстна, не имѣлъ никакого средства защищать себя ни отъ чрезмѣрнаго рабства, ни отъ чрезмѣрной вольности.

Ѳисей сдѣлалъ свое расположенїе, и презирая малыя препятствїя, принялъ на себя точное исполненїе онаго; онъ проѣхалъ разные уѣзды Аттики и вездѣ старался приобрѣсть къ себѣ любовь. Народъ съ усердїемъ принялъ его намѣренїе, которое казалось возстановляло первобытную его свободу; но богатѣйшїе, боясь потерять похищенную ими власть, и видя, что возставится нѣкоторое равенство между гражданами, роптали на новизну уменьшавшую царское преимущество, но не смѣли противиться явно волѣ такого Государя, который старался получить увѣщанїями то, чего могъ требовать силою, и дали на то свое согласїе въ намѣренїи, при благопрїятнѣйшихъ обстоятельствахъ, уничтожить оное.

Учреждено было тогда, что Аѳины будутъ столицею и средоточіемъ государства. Что градскія верховныя судилища будутъ уничтожены; что законодательная власть предоставится общему народному собранію, раздѣленному на три степени: на именитыхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ; что главные судіи, выбранные изъ первой степени, воспріимутъ на себя все попеченіе хранить святыя вещи и толковать законы; что различныя степени гражданъ соблюдать будутъ между собою равновѣсіе; ибо первой предоставлены будутъ достоинства и почести, второй важность службы, а третьей превосходство числа. Наконецъ постановлено, что Ѳисей, яко верховный начальникъ всея республики, будетъ защитникъ законовъ, ею изданныхъ, и вождь всѣхъ войскъ, къ защищенію ея опредѣленныхъ.

Такими расположеніями правленіе Аѳинское въ существѣ своемъ содѣлалось демократическимъ; и поелику оно было сообразно съ духомъ Аѳинянъ, то и удержалося въ своей силѣ, не смотря на потрясенія во время Пизистрата приключившіяся. Ѳисей установилъ торжественный праздникъ, коего обряды напоминаютъ еще и до нынѣ соединеніе раз-

ныхъ Аттическихъ народовъ; повелѣлъ построить судилища для градоправителей, распространилъ столицу и украсилъ ее, колико несовершенство тогдашнихъ художествъ позволяло. Иностранцы къ обитанїю въ нее призываемые стекались со всѣхъ странъ, и сливались съ прежними жителями. Ѳисей присовокупилъ страну Мегарскую къ государству: поставилъ на перешейкѣ Коринѳскомъ столпъ, отдѣлявшїй Аттику отъ Пелопониса и возобновилъ при семъ памятникѣ Истмическїя игры въ подражанїе играмъ Олимпїйскимъ, отъ Иракла учрежденнымъ.

Казалось, что все благопрїятствовало его желанїямъ. Онъ повелѣвалъ народами свободными, которые кроткою его умѣренностїю и его благодѣянїями содержимы были въ зависимости, предписывалъ законы мира и человѣчества народамъ сосѣднимъ; и предварительно уже наслаждался тѣмъ глубокимъ почитанїемъ, которое воздаютъ постепенно памяти мужей великихъ.

Но не былъ онъ столь великъ, чтобъ довершить славныя свои дѣла. Мирныя почести ему оказуемыя, и удобоисполнимыя добродѣтели, кои были источникомъ первыхъ, содѣлались для него постылы. Два обстоятельства еще болѣе питали въ

немъ сїе отвращенїе. Бдящая непрестанно надъ поступками Иракла душа его тревожима была новыми дѣянїями, коими сей ирой ознаменовалъ возвращенїе свое въ Грецїю. Съ другой стороны, или для испытанїя Ѳисеевой храбрости, или для отвлеченїя его отъ покоя, Пириѳой, сынъ Иксїоновъ и Царь части Ѳессалїи, воспрїялъ намѣренїе соотвѣтственное духу древнихъ ироевъ. Въ поляхъ Мараѳонскихъ похитилъ онъ стада Царя Аѳинскаго; и когда Ѳисей предсталъ отмстить за сїю обиду, то Пириѳой пораженный сокровеннымъ удивленїемъ и простершїй ему руку въ знакъ мира, сказалъ ему: „Буди судїя мой. Какого требуешь удовлетворенїя? Быть моимъ братомъ, сподвижникомъ,“ отвѣчалъ Ѳисей. По сихъ словахъ они утверждаютъ клятвою неразрывный союзъ и купно помышляютъ приступить къ великимъ предпрїятїямъ.

Ираклъ, Ѳисей, Пириѳой, друзья и соперники великодушные, всѣ трое устремленные въ одинакое поприще, алкая единыхъ опасностей и побѣдъ, ужасая беззаконїе и въ трепетъ приводя невинность, обращали тогда на себя взоры всея Грецїи. Ѳисей то послѣдовалъ первому, то сопровождаемъ былъ третьимъ, иногда вмѣшивался въ сонмъ ироевъ; словомъ, Ѳисей пригла-

шаемъ былъ ко всѣмъ славнымъ подвигамъ. Онъ побѣдилъ, сказываютъ, Амазонокъ какъ на брегахъ Ѳермодонскихъ въ Азіи, такъ и на поляхъ Аттическихъ; участвовалъ на ловитвѣ того ужасной величины вепря Калидонскаго, противу котораго Мелеагръ, сынъ Царя сего города, собралъ Князей неустрашимѣйшихъ того времени; отличилъ себя противу Кентавровъ Ѳессалійскихъ, сихъ отважныхъ людей, которые первые научась сражаться на коняхъ, имѣли болѣе средствъ наносить смерть и уклоняться отъ оной.

Среди дѣяній толь славныхъ, но безполезныхъ для благоденствія его народа, вознамѣрился онъ съ Пириѳоемъ похитить Царевну Спартанскую и Царевну Эпирскую, дѣвицъ отмѣнной красоты, которая содѣлала ихъ и славными и несчастными. Первая была Елена, которой прелести заставили потомъ пролить толь много крови и слезъ; вторая была Прозерпина, дщерь Эдонея, Царя Молоссовъ въ Эпирѣ.

Они нашли Елену пляшущую во храмѣ Діаны и исторгнувъ ее изъ среды собесѣдницъ ея, спаслись бѣгствомъ отъ казни угрожавшей имъ въ Лакедемонѣ, и ожидавшей ихъ въ Эпирѣ: ибо Эдоней, увѣдомленный о ихъ

намѣренія, предалъ Пириѳоя страшнымъ псамъ, его пожравшимъ; а Ѳисея ввергъ въ ужасную темницу, изъ которой освободился дружескимъ стараніемъ Иракла.

Возвратясь въ свои области, нашелъ онъ семейство свое покрытое безчестіемъ, и городъ терзаемый крамолами. Царица, его супруга, сія Федра, коея имя раздается часто на зрѣлищѣ Аѳинскомъ, воспылала любовію къ Ипполиту, Ѳисееву сыну, рожденному отъ Антіопы, Царицы Амазонской, которую сама проклинала, отъ которой младый Князь съ ужасомъ отвращался и которая вскорѣ причинила гибель обоимъ. Въ тоже время Паллантиды, предводительствуя главными гражданами, домогались похитить себѣ верховную власть обвиняя его, что онъ ее ослабилъ: народъ, пришедшій въ своевольство и управляя самъ собою, потерялъ любовь къ порядку и чувствіе къ благодарности. Народъ огорчился на Ѳисея еще больше по причинѣ прибытія и жалобъ Кастора и Поллукса, братіевъ Елениныхъ, которые прежде освобожденія сестры своей изъ рукъ, въ кои вѣрена была Ѳисеемъ, опустошали Аттику, возбуждали роптаніе противъ такого Царя, который всемъ жертвовалъ страстямъ сво-

имъ, и оставлялъ попеченіе о государствѣ своемъ, дабы въ дальныхъ странахъ предпринимать безчестныя дѣянія, и за стыдъ оныхъ носить позорныя оковы.

Тщетно старался Ѳисей разсѣять сіи вредоносныя впечатлѣнія. Отсутствіе, подвиги и несчастія его сочтены ему были въ преступленіе; и когда хотѣлъ онъ употребить силу, то узналъ, что ничто такъ не слабо, какъ Государь, пришедшій въ презрѣніе и ненависть у своихъ подданныхъ.

Въ сей крайности, произнесши противъ Аѳинянъ всѣ укоризны, удалился къ Царю Ликомеду, на островъ Скиросъ и тамъ по нѣкоторомъ времени погибъ или отъ слѣдствій нѣкоего приключенія, или отъ измѣны Ликомеда, старавшагося сохранить дружбу со Мнесѳіемъ, преемникомъ Ѳисеевымъ.

Дѣянія его и впечатлѣнія ихъ надъ умами произведенныя во время младости, въ началѣ его царствованія и при концѣ его жизни, показуютъ намъ его попеременно, въ образѣ ироя, Царя и странствующаго витязя, и по разнымъ симъ отношеніямъ заслужилъ онъ удивленіе, любовь и презрѣніе Аѳинянъ.

Послѣ того забыли они его заблужденія

и стыдились, что противЪ его возставали. КимонЪ, сынЪ МильтіадовЪ, по повеленію Оракула перенесЪ кости Ѳисеевы вЪ Аѳины. НадЪ гробомЪ его сооруженЪ былЪ храмЪ художествами украшенный и содѣлавшійся послѣ убѣжищемЪ несчастныхЪ. Различные памятники представляютЪ его нашему взору, или напоминаютЪ о его царствованіи. ОнЪ есть единЪ изЪ геніевЪ, кои управляютЪ днями каждаго мѣсяца; единЪ изЪ ироевЪ, кои почтены празднествами и жертвоприношеніями. Аѳины наконецЪ почитаютЪ его первымЪ основателемЪ своего могущества и гордятся тѣмЪ, что именуются градомЪ ѲисеевымЪ.

ГнѣвЪ боговЪ, изгнавшій Ѳисея изЪ областей его, давно уже угрожалЪ царству Ѳивскому. КадмЪ сверженЪ былЪ сЪ престола, имЪ самимЪ воздвигнутаго; ПолидорЪ растерзанЪ Вакханками; ЛавдакЪ похищенЪ преждевременною смертію; и оставшійся единый его сынЪ вЪ колыбели окруженЪ уже былЪ врагами. Такова была участь царскаго поколѣнія сЪ самаго начала, какЪ Лаій сынЪ и преемникЪ Лавдака, терявшій и возвратившій два раза вѣнецЪ, понялЪ вЪ супруги Епикасту или Іокасту, дщерь Менекееву;

сему то браку предоставлены были ужаснѣйшія бѣдствія. Младенецъ, отъ онаго рожденный, вѣщалъ прорицатель, будетъ убійцею отца своего и супругомъ своей матери. Младенецъ сей родился, и родители осудили его предать въ снѣдь дикимъ звѣрямъ; но вопль его или незапный случай открылъ его въ пустынномъ мѣстѣ. Онъ принесенъ былъ Царицѣ Коринѳской, которая воспитала его при дворѣ своемъ, подъ именемъ Эдипа, яко сына своего.

По прошествіи младенческихъ лѣтъ, увѣдомясь о опасностяхъ ему угрожавшихъ, вопрошалъ онъ боговъ. Служители ихъ подтвердили отвѣтомъ своимъ изглаголанное до рожденія его прорицаніе, и такимъ образомъ вовлеченъ былъ въ то несчастіе, котораго избѣжать хотѣлъ съ намѣреніемъ, чтобъ не возвращаться паки въ Коринѳъ, который почиталъ своею отчизною, воспріялъ онъ путь въ Фокиду, и встрѣтя на узкой стезѣ старца повелѣвающаго съ киченіемъ, чтобъ онъ далъ ему свободное шествіе и хотящаго принудить его къ тому силою. Сей былъ Лаій. Эдипъ бросился на него и умертвилъ.

Послѣ сего плачевнаго случая, царство Ѳивское и Іокаста обѣщаны были избавите-

лю Ѳивянъ отъ угнѣтавшихъ бѣдствій. Сфинксъ, побочная дочь Лаїева, соединясь съ разбойниками, опустошала удолія, останавливала путешественниковъ вопросами коварными и совращала ихъ въ распутія горы Финейскія, дабы предать ихъ вѣроломнымъ своимъ товарищамъ. Эдипъ узналъ ея сѣти, разсѣялъ участниковъ ея злодѣяній, и воспользуясь плодомъ своея побѣды, исполнилъ изрѣченіе прорицателя во всемъ его пространствѣ.

Кровосмѣшеніе торжествовало на землѣ; но небо спѣшило остановить продолженіе онаго. Вдругъ мерзостныя о себѣ познанія привели въ ужасъ обоихъ супруговъ. Іокаста кончила несчастіе свое насильственною смертію. Эдипъ исторгъ, по сказанію нѣкоторыхъ писателей, себѣ глаза и умеръ въ Аттикѣ, гдѣ Ѳисей далъ ему убѣжище. Но, слѣдуя преданіямъ другихъ, осужденъ онъ былъ сносить дневный свѣтъ, чтобъ видѣть мѣста бывшія свидѣтелями его беззаконій, и оставлена ему жизнь для расположенія чадъ его вящше порочнѣйшихъ и толикоже несчастныхъ, какъ и онъ. Сіи были Этеоклъ, Полиникъ, Антигона и Исмена, которыхъ онъ имѣлъ отъ Эвриганеи, вторыя своея супруги.

Сколь скоро оба Царевича достигли лѣтъ удобныхъ къ царствованію, заключили они Эдипа въ царскихъ его чертогахъ и сами согласились править государствомъ погодно. Этеоклъ возшелъ первый на сей престолъ, подъ которымъ хотя бездна пребывала всегда отверзстою, но онъ не соглашался его оставить Полиникъ прибѣгнулъ къ Адрасту, Царю Аргоскому, который въ супруги далъ ему дщерь свою и обѣщалъ ему сильную помощь.

Первая Ѳивская война.

Сей-то былъ поводъ къ первому походу, въ которомъ Греки показали нѣкоторыя знанія въ военномъ искуствѣ. До того времени видали толпы народа безъ воиновъ, наводнявшія вдругъ сосѣдственную область и возвращавшіяся, паки по учиненіи скоропостижныхъ непріятельскихъ дѣйствій и лютостей. Но въ Ѳивской войнѣ видѣли благоразумныя расположенія, исполняемыя съ твердостію; видѣли разныхъ народовъ во единомъ станѣ включенныхъ, подчиненныхъ единой власти, мужественно сносившихъ суровость годовыхъ временъ, продолжитель-

Въ 1729 году до Р. Х.

ность осады и опасности ежедневныхЪ сраженій.

АдрастЪ раздѣлилЪ начальство надЪ воинствомЪ сЪ ПолиникомЪ, котораго хотѣлЪ возстановить на престолѣ ѲивскомЪ; сЪ храбрымЪ ТидеемЪ, сыномЪ Енея, Царя Этолискаго; сЪ стремительнымЪ КапанеемЪ; сЪ прорицателемЪ АмфіараемЪ; ИппомедономЪ и ПарѳенопеемЪ. За сими воителями слѣдовали вкупѣ отличившіеся родомЪ и мужествомЪ, но низшіе степенію вЪ заслугахЪ и достоинствахЪ, знатнѣйшіе жители Мессеніи, Аркадіи и Арголиды.

Воинство, отправясь вЪ походЪ, вошло вЪ лѣсЪ Немейскій, гдѣ полководцы учредили игры, которыя еще и по нынѣ сЪ величайшимЪ торжествомЪ отправляются. ПрошедЪ перешеекЪ Коринѳскій, вступило вЪ Віотію и принудило толпы Этеокловы запереться вЪ стѣнахЪ ѲивскихЪ.

Греки не разумѣли еще искуства брать крѣпости, защищаемой сильнымЪ охраннымЪ войскомЪ. Всѣ домогательства осаждающихЪ стремились ко вратамЪ, вся надежда осаждаемыхЪ состояла вЪ частыхЪ вылазкахЪ. Послѣдовавшія чрезЪ сіе сраженія истребили

ужѐ множество людей съ обѣихъ сторонъ; ужѐ храбрый Капаней низверженъ былъ съ высоты лѣствицы, къ стѣнѣ имъ приставленной, какъ Этеоклъ и Полиникъ рѣшились кончить свою распрю единоборствомъ. День и мѣсто были назначены; народы во слезахъ; войско въ глубокомъ молчанїи; оба царевича устремились другъ противъ друга, и пронзенные ударами испустили послѣднее дыханїе, не насытивъ ярости своей. Положили ихъ на одинъ костеръ; и дабы выразить въ страшномъ образѣ чувствїя, одушевлявшїя ихъ въ жизни, полагали, что и пламя, проникнутое ихъ ненавистїю, раздѣлилось для того, чтобъ не смѣшать ихъ пепла.

Креону, брату Іокасты, поручено было во время малолѣтства Лаодама, сына Этеоклова, продолжать войну, которая со дня на день становилась бѣдственнѣе для осаждающихъ, и кончилась сильною вылазкою Ѳивянъ. Сраженїе было смертоубїйственное. Тидей и большая часть Аргїйскихъ полководцовъ на ономъ погибли. Адрастъ, принужденный оставить осаду, не могъ почтить погребенїемъ оставшихся на мѣстѣ побоища. Ѳисей долженствовалъ употребить власть свою, чтобъ

принудить Креона покориться народному праву, начинавшему тогда входить въ употребленіе.

Вторая Ѳивская война или война Эпигонянъ.

Побѣда Ѳивянъ отлагала только на время ихъ погибель. Военачальники Аргійскіе оставили сыновей, достойныхъ за себя мстителей. Сколь скоро настало время, сіи младые Князи, извѣстные подъ именемъ Эпигонянъ, то есть *наслѣдниковъ*, между коими блистали Діомидъ, сынъ Тидеевъ, и Сѳенелъ, сынъ Капанеевъ, вошли предводительствуя страшнымъ воинствомъ въ области своихъ непріятелей. Въ 1319 до Р. Х.

Вскорѣ дошло до сраженія; и Ѳивяне бывъ побѣждены оставили городъ преданный грабительству. Спустя нѣсколько лѣтъ Ѳерсандръ, сынъ и наслѣдникъ Полиниковъ, былъ убитъ, когда отправлялся къ осадѣ города Трои.

По смерти его владѣли въ Ѳивахъ два Государя изъ того же поколѣнія; но второй объятъ былъ внезапно страшнымъ бѣшенствомъ; и Ѳивяне, увѣренные, что Фуріи неразлучны пребудутъ съ кровію Эдипа, до-

коле капля оныя останется на земле, возвели другой родъ на престолъ. После трехъ поколенїй, избрали они республиканское правленїе, которое еще и понынѣ продолжается.

Спокойствїе, которымъ Грецїя после второй Ѳивской войны наслаждалась, не могло быть долговременно. Начальники сего похода возвратились облеченными славою; а воины обогащенными добычею: какъ тѣ, такъ и другїе являлись съ тою надменностїю, которую раждаетъ побѣда; и разсказывая чадамъ своимъ и друзьямъ, около ихъ тѣснившимся, повѣствованїе о своихъ трудахъ и подвигахъ, возбуждали чрезъ сїе сильно воображенїе и воспаляли въ сердцахъ всѣхъ пылкую жадность къ сраженїямъ. Нечаянное приключенїе вскрыло сїи пагубныя впечатлѣнїя.

Война Троянская.

На брегу Азїи, противу Грецїи лежащемъ, жилъ миролюбивый одинъ Государь, котораго предки были всѣ самодержавные властители и который былъ главою многочисленнаго семейства, состоявшаго почти изъ младыхъ ироевъ. Прїамъ царствовалъ въ Троѣ; и го-

сударство его какъ изобилїемъ и храбростїю народовъ, подверженныхъ его законамъ, такъ союзами своими съ Ассирїйскими Царями блистало въ сей области Азїи съ такимъ же сїянїемъ, какъ царство Микенское въ Грецїи.

Родъ Аргоса, во градѣ Микенѣ владѣвшїй, признавалъ Агамемнона, сына Атреева, верховнымъ начальникомъ. Сей присовокупилъ еще къ областямъ своимъ Коринѳъ, Сикїонъ и многїе сосѣдственные города. Могущество его, увеличенное могуществомъ Менелая, брата его, сочетавшагося съ Еленою, наслѣдницею Спартанскаго царства, доставили ему великое влїянїе на ту часть Грецїи, которая по имени дѣда его Пелопса называлась Пелопонисомъ.

Танталъ, прадѣдъ его, владѣлъ сперьва Лидїею; и, противу всѣхъ правъ священнѣйшихъ, держалъ въ оковахъ царевича Троянскаго по имени Ганимеда. Гораздо еще недавнѣе, Ираклъ, отрасль царей Аргоскихъ, раззорилъ городъ Трою, убилъ Лаомедона и похитилъ дщерь его Гезїону.

Воспоминанїе сихъ оскорбленїй, безъ отмщенїя оставшихся, питало въ обоихъ домахъ Прїама и Агамемнона злобу наслѣдственную и непримиримую, которая со дня на

денъ завистію къ могуществу, ужаснѣйшею изъ всѣхъ убивственныхъ страстей, увеличивалась. Парисъ, сынъ Пріамовъ, предназначенъ къ воспламененію сихъ искръ раздора.

Парисъ отправился въ Грецію и прибылъ ко двору Менелаеву, гдѣ красота Еленина всѣхъ взоры на себя обращала. Царевичъ Троянскій соединялъ съ величавымъ видомъ желаніе нравиться и купно удачное стеченіе пріятныхъ дарованій. Сіи преимущества, одушевляемыя надеждою успѣха, содѣлали такое впечатлѣніе въ царицѣ Спартанской, что она оставила все, дабы за нимъ слѣдовать. Тщетно старались Атриды получить благопріятствомъ удовлетвореніе, обидѣ соразмѣрное. Пріамъ зрѣлъ въ сынѣ своемъ только истителя великаго оскорбленія, какое племя его и вся Азія претерпѣла отъ Грековъ, и отвергалъ предлагаемыя ему средства къ примиренію.

При семъ странномъ извѣстіи раздается повсюда шумный и кровожаждущій вопль, яко провозвѣстникъ сраженій и смерти. Греческіе народы движутся подобно дубравѣ, бурею колеблемой. Цари, коихъ власть заключена въ единомъ градѣ, и тѣ, коихъ владычество простирается надъ многими народами, объятыя совокупно

иройскимъ духомъ, собираются въ Микену. Они клянутся признавать Агамемнона главою сего предпріятія, мстить за Менелая и обратить Иліонъ въ пепелъ. Когда нѣкоторые Государи противились въ началѣ приступить къ союзу, то вскорѣ вовлекались убѣдительнымъ краснорѣчіемъ престарѣлаго Нестора, Царя Пилоскаго; коварными рѣчами Улисса, Царя Итакскаго; примѣромъ Аякса Саламинскаго; Діомида Аргоскаго; Идоменея Критскаго; Ахилла сына Пелеева, который владѣлъ въ области Θессалійской, и примѣромъ множества младыхъ воиновъ, упоенныхъ напередъ успѣхами себѣ обѣщеваемыми.

По долговременныхъ приготовленіяхъ, воинство, составлявшее около ста тысячъ человѣкъ, собралось къ пристанищу Авлидскому, и перевезено было почти на 1200 судахъ на брега Троадскіе.

Городъ Троя, огражденный валомъ и башнями, обороняемъ былъ еще многочисленнымъ воинствомъ, которымъ повелѣвалъ Экторъ сынъ Пріамовъ. Подъ его начальствомъ находилось множество союзныхъ Государей, соединившихъ войска свои съ Троянскими. Всѣ сіи войска, на морскомъ брегу собранныя, представляли страшное противуополчище Гре-

ческому воинству, которое отразивъ Троянъ, оградилось станомъ съ наибольшею частїю своихъ кораблей.

Оба воинства испытали снова силы свои, и сомнительный успѣхъ многихъ сраженїй, предъявлялъ продолжительность осады.

Съ утлыми судами и съ малымъ знанїемъ мореходства, не могли Греки учредить непрерывнаго сообщенїя между Грецїею и Азїею. Съѣстныхъ припасовъ начало не доставать. Одной части морскаго ополченїя поручено было грабить, или обсѣвать острова и брега сосѣдственные, между тѣмъ какъ другїе отряды, разсѣянные по полямъ, расхищали жатвы и стада. Еще другая причина содѣлывала сїи отряды необходимыми. Городъ не былъ еще никогда осаждаемъ; и какъ Прїамовы войска предохраняли оный отъ непрїятельскихъ дѣйствїй, то предпрїяли напасть на союзниковъ сего Государя, дабы воспользоваться ихъ добычами, или чтобъ лишить его помощи ихъ. Ахиллъ свирѣпствовалъ всюду огнемъ и мечемъ, разливаяся аки рѣка, всѣ мѣста опустошающая, возвращался съ чрезмѣрною корыстїю, раздаваемою воинству и съ безчисленными плѣнниками, которыхъ полководцы между собою раздѣляли.

Троя лежала при подошвѣ горы Иды, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря; шатры и корабли Греческіе занимали берегъ; междо-мѣстіе было позорищемъ иройской храбрости и лютости. Трояне и Греки вооруженные копьями, палицами, мечами, стрѣлами и дротиками, прикрытые шлемами, бронями, набедренниками и щитами, сомкнутые рядами, предводительствуемые полководцами, наступали другъ на друга; первые съ великимъ крикомъ, другіе въ тишинѣ болѣе устрашающей.

Предводители вдругъ сдѣлавшись простыми воинами и ревнуя болѣе подавать великіе примѣры, нежели мудрые совѣты, ввергались въ опасность и почти всегда предоставляли случаю пещися о успѣхѣ, котораго ни предуготовлять, ниже пользоваться имъ не умѣли; войска ударялись другъ о друга, и подобно волнамъ въ проливѣ Эвбейскомъ вѣтромъ туда и сюда гонимымъ, взаимно и въ разстройствѣ сокрушались. Нощь разлучала ратоборцевъ, городъ или окопы служили убѣжищемъ для побѣжденныхъ, побѣда стоила многой крови, и ничего не рѣшила.

Въ слѣдующіе дни, пылающій костеръ пожиралъ тѣхъ, иоихъ смерть скосила; память

ихъ чествована слезами и потребательными играми. Перемиріе оканчивалось, и паки начинался бой.

Часто въ величайшемъ жару сраженія, воинъ возвышалъ гласъ свой и вызывалъ на бой ратоборца противныя стороны. Войска взирали на нихъ въ молчаніи, то бросавшихъ другъ въ друга дротиками, то преогромными камнями, то стремившихся другъ на друга съ мечемъ и почти всегда, для раздраженія своея ярости, поносными словами взаимно ругавшихся. Злость победителя не погасала съ его победою. Естьли не могъ онъ поругать тела врага своего и лишить его погребенія; то домогался онъ по крайней мере ограбить его доспехи; но въ тотъ же мигъ войска съ обеихъ сторонъ сближалися либо для исторженія у него добычи, или чтобъ его въ ней обезопасить; и сраженіе паки было общее.

Оно становилось такъ же общимъ, когда одно изъ обеихъ воинствъ видело, что жизнь ратника находится въ опасности, или когда онъ старался спасти ее бегствомъ Обстоятельсства могли оправдать сіе последнее намереніе. Позоръ и презреніе помрачали славу того, которой убегалъ безъ боя; посилику во

всякое время надлежитъ пренебрегать смерть, чтобъ быть достойнымъ жизни. Но къ тому, кто не прежде спасался бѣгствомъ отъ превосходства силъ своего соперника, какъ испытавъ оное, оказывали снизхожденіе. Ибо какъ храбрость сихъ временъ состояла не столько въ бодрости духа, сколько въ чувствованіи своихъ силъ; то и непостыдно было обращаться въ бѣгство, уступивъ только необходимости. Но весьма славно было достигнуть бѣгущаго непріятеля, и къ силѣ, приготовлявшей побѣду, присоединять проворство, которое оную рѣшило.

Ратоборственные и дружественные союзы между двухъ ратниковъ не бывали никогда столь обыкновенными, какъ въ войнѣ Троянской. Ахиллъ и Патроклъ, Аяксъ и Тевкръ, Діомидъ и Сѳенелъ, Идоменей и Меріонъ, и множество другихъ ироевъ, по ихъ стезямъ слѣдовавшихъ, сражалися часто одинъ подлѣ другаго, и устремляясь въ толпу ратующихся, раздѣляли между собою опасности и славу. Иногда восходили они на единую колесницу; одинъ правилъ конями, другой отражалъ смерть, и обращалъ ее на врага. Погибель ратоборца требовала отъ его соратника немедлѣннаго мщенія; пролитая кровь требовала крови.

Сїя мысль глубоко въ душахъ впечатлѣнная ожесточала Грековъ и Троянъ противъ безчисленныхъ золъ ими испытываемыхъ. Первые неоднократно почти въ рукахъ своихъ городъ имѣли; другїе неоднократно готовы были завладѣть станомъ, не взирая на защищающїе оплоты, рвы и стѣны. Видѣли воинства и воиновъ изчезавшихъ. Экторъ, Сарпедонъ, Аяксъ, самъ Ахиллъ, повержены были на землю. При толикихъ превратностяхъ, Трояне желали возвратить Елену; Греки, возвратиться въ свое отечество. Но и тѣхъ и другихъ тогда же удерживалъ стыдъ и несчастная способность привыкать ко всему; но только не къ покою и счастїю.

Вся вселенная обращала взоры свои на поля Троянскїя; на сїи мѣста, куда слава громкимъ гласомъ призывала всѣхъ владѣтелей, не участвовавшихъ при началѣ войны. Желая съ нетерпѣливостїю отличиться на семъ для всѣхъ народовъ открытомъ поприщѣ, приходили непрерывно присоединять войска свои къ воюющимъ союзникамъ и погибали иногда на самомъ первомъ сраженїи.

Наконецъ по десяти лѣтномъ сопротивленїи и трудахъ, и по потерянїи избранныхъ своихъ юношей и ироевъ, палъ городъ отъ

превосходныхъ силъ Грековъ, и паденіе его толико по Греціи возгремѣло, что и по нынѣ служитъ оно въ лѣтописяхъ народовъ главною эпохою.

Градскія стѣны, домы и храмы обращены въ пепелъ; Пріамъ скончалъ жизнь свою у подножія олтарей; побіенные его сыны окрестъ его лежали; Гекуба супруга его; Кассандра дщерь его; Андромаха вдова Экпюра; многіе другія царевны въ оковахъ влачимы были яко невольницы, по стогнамъ, на которыхъ лилася кровь посреди народа, пожраннаго огнемъ или истребленнаго мечемъ мщенія. Таковъ былъ конецъ сей бѣдственной войны. Греки насытили свою ярость; но сіе безчеловѣчное утѣшеніе было предѣломъ ихъ благоденствія и началомъ ихъ злополучія.

Возвращеніе ихъ ознаменовано было ужаснѣйшими злоключеніями. Мнесѳей, Царь Аѳинскій, кончилъ жизнь свою на островѣ Мелосѣ; Аяксъ, Царь Локрискій, погибъ съ флотомъ своимъ; Улиссъ, еще несчастнѣе, долженствовалъ цѣлые десять лѣтъ странствуя по волнамъ опасаться подобной судьбы; прочіе, еще достойнѣе сожалѣнія, принимались въ семействѣ своемъ, яко чуждые, коихъ пра-

вà долговременнымъ отсутствїемъ содѣлались забвенны, а не ожидаемымъ возвращенїемъ ненавистны.

Вмѣсто радостныхъ восторговъ, которые присутствїе ихъ возбуждать долженствовало, слышали они только возмутительный крикъ честолюбїя, прелюбодѣянїя, и гнуснѣйшей корысти. Испытавъ измѣну отъ своихъ родственниковъ и друзей, большая часть изъ нихъ удалилась подъ предводительствомъ Идоменея, Ѳилоктета, Дїомида и Тевкра искать себѣ въ неизвѣстныхъ странахъ новыхъ сродниковъ и друзей.

Домъ Аргоской утопалъ въ злодѣянїяхъ и терзалъ утробу свою собственными своими руками. Агамемнонъ нашелъ престолъ свой и ложе свое оскверненными безчестнымъ хищникомъ. Онъ окончилъ жизнь свою отъ руки супруги своей Клитемнестры, которая, по нѣкоемъ времени, такъ же убита сыномъ своимъ Орестомъ.

Сїи ужасныя злодѣянїя, которыя тогда почти во всѣхъ странахъ Грецїи распространялися и еще поднесь на Аѳинскомъ позорищѣ представляются, долженствовали бы поучать Царей и народовъ, и содѣлывать имъ страшною даже и самую побѣду. Сїя побѣда

столь же была бѣдственна, какъ для Грековъ, такъ и для Троянъ. Ослабѣвъ отъ своихъ усилій и успѣховъ, не могли они болѣе противуборствовать внутреннимъ своимъ раздорамъ и привыкли къ сей пагубной мысли, что война для государствъ столько же необходима какъ и миръ; чрезъ нѣсколько поколѣній, большая часть царскихъ домовъ, Пріамовъ домъ низпровергшихъ, пали, изчезли. И спустя восемьдесятъ лѣтъ, по раззореніи Трои, одна часть Пелопониса досталась въ руки Ираклидовъ, или потомковъ Иракловыхъ.

Возвращеніе Ираклидовъ.

Возвращеніемъ сихъ владѣтелей произведенная перемѣна была блистательна и основана на правдоподобныхъ видахъ. Между тѣми домами, кои въ древнія времена владѣли царствами Аргоскимъ и Микенскимъ, были знаменитѣйшими домъ Данаевъ и Пелопсовъ. Отъ перваго изъ сихъ владѣтелей происходили Претъ, Акризъ, Персей, Ираклъ; отъ втораго, Атрей, Агамемнонъ, Орестъ и сыны его. Въ 1202 до Р. Х.

Ираклъ, порабощенный во всю жизнь свою

волѣ Эврисѳея, которому особливыя обстоятельства доставили верховную власть, не могъ правъ своихъ произвести въ дѣйство; но оставилъ ихъ въ наслѣдіе сынамъ своимъ, изгнаннымъ потóмъ изъ Пелопониса. Неоднократно покушались они туда возвратиться; однако домогательства ихъ были всегда уничтожаемы родомъ Пелопсовымъ, по смерти Эврисѳея вѣнецъ себѣ похитившимъ. Требованія ихъ почитались преступленіями, доколѣ оный родъ могъ противуполагать имъ силу; но какъ скоро престалъ онъ быть страшнымъ, то возродилась, въ пользу Ираклидовъ, привязанность народовъ къ древнимъ ихъ обладателямъ, и притомъ зависть сосѣдственныхъ державъ къ Пелопсову роду. Родъ Иракла имѣлъ тогда начальниками трехъ братьевъ, Темена, Кресфонта, и Аристодема, которые, соединясь съ Доріянами, вошли въ Пелопонисъ, гдѣ большая часть городовъ принуждены были признать ихъ своими самодержцами.

Потомки Агамемноновы, бывъ притѣсняемы въ Аргосѣ, а Несторовы въ Мессеніи, убѣжали; первые во Ѳракію, а вторые въ Аттику. Аргосъ достался Темену, а Мессенія Кресфонту. Эврисѳенъ и Проклъ, сыновья Арис-

подема, умершаго въ началѣ похода, царствовали въ Лакедемонѣ.

Вскорѣ послѣ того, напали побѣдители на Кодра, Царя Аѳинскаго, который далъ убѣжище ихъ непріятелямъ. Когда сей Государь услышалъ, что прорицатель обѣщалъ побѣду тому войску, которое въ сраженіи лишится своего полководца; то подвергнулся онъ добровольно смерти; и сія жертва воспламенила войска его толико, что обратили они Ираклидовъ въ бѣгство. Здѣсь оканчиваются такъ именуемыя иройскія времена, и здѣсь-то должно остановиться, чтобы объять духъ оныхъ и войти въ подробности, которыхъ быстрое теченіе происшествій едва коснуться позволяло.

Разсужденія о временахъ иройскихъ.

Въ древнѣйшія времена были въ Греціи однѣ только монархіи, а нынѣ находимъ въ ней почти однѣ только республики. Первые Цари обладали только однимъ городомъ, или одною областію. Нѣкоторые распространяли далѣе свое владычество, во вредъ своихъ сосѣдей, и составили великія государства; преемники ихъ хотѣли увеличить власть

свою, въ предосужденіе своихъ подданныхъ, и оной со всѣмъ лишились.

Ежелибы въ Грецію не приходило другихъ поселянъ, кромѣ Кекроповыхъ; то Аѳиняне, будучи просвѣщеннѣе, и слѣдовательно сильнѣе, нежели прочіе дикіе народы, покорили бы ихъ мало по малу; и Греція составила бы великое государство, которое существовало бы понынѣ, какъ на примѣръ Египетское и Персидское. Но разные народы, пришедшіе отъ Востока, раздѣлили ее на многія государства; и Греки вездѣ приняли монархическое правленіе потому, что образовавшіе ихъ инаго незнали; ибо гораздо легче слѣдовать волѣ единаго человѣка, нежели многихъ начальниковъ; и что мысль въ одно время повиноваться и повелѣвать, быть купно подданнымъ и Государемъ, требуетъ большихъ познаній и разсужденій, нежели сколько можно ихъ примѣтить во младенчествующихъ народахъ.

Цари отправляли должность первосвященника, военачальника и судіи. Власть ихъ, которую распространяли на своихъ потомковъ, простиралась весьма далеко; но умѣрялась, не взирая на то, государственнымъ совѣтомъ, коего мнѣнія они уважали, и коего приговоры объявляли общему собранію народа.

Иногда, по долговременной войнѣ, двое ищущихъ престола, или двое избранныхъ ими воиновъ, являлись на единоборство съ оружїемъ; и право владычества зависѣло отъ силы, или искуства побѣдителя.

Дабы поддержать величїе сана, Государь, кромѣ податей возложенныхъ на народъ, владѣлъ областїю, полученною имъ отъ своихъ предковъ, и которую распространялъ онъ завоеванїями своими, а иногда и щедротою друзей своихъ. Когда Ѳисей изгнанъ былъ изъ Аѳинъ, то имѣлъ единственнымъ вспоможенїемъ имущества, оставленныя ему отъ отца его на островѣ Скиросѣ. Этоляне обѣщали, когда угнеталъ ихъ сильный непрїятель, Мелеагру, сыну Царя ихъ Енея, знатный округъ земли, естьли пожелаетъ начальствовать ихъ войсками. Множество примѣровъ не позволяетъ именовать тѣхъ Государей, кои частїю сокровищъ своихъ, или побѣдѣ или признательности обязаны были. Но достопримѣчательно то, что они получаемыми дарами тщеславились; ибо когда дары признавались воздаянїямъ заслугъ или знакомъ дружества; то почиталось честїю принимать ихъ, а стыдомъ не заслуживать оныхъ.

Ничто не придавало верьховному сану болѣе блеска, а храбрости болѣе стремленія, какъ духъ иройства; и ничто не согласовалось лучше съ народными нравами, которые были почти повсюду тѣже. Свойство людей состояло тогда въ немногихъ простыхъ, но выразительныхъ и ясныхъ чертахъ. Искуство не присовокупляло еще красокъ своихъ къ творенію природы. Итакъ частные люди долженствовали между собою разнствовать, а народы напротивъ другъ съ другомъ сходствовать.

Тѣло отъ природы крѣпкаго сложенія укрѣплялось еще болѣе воспитаніемъ; душа безъ гибкости и безъ прикрасы была дѣятельна, предпріимчива, въ любви и ненависти своей безмѣрна, всегда чувствами влекома, всегда готова выступить изъ самой себя. Природа, меньше стѣсненная въ тѣхъ, кои облечены были могуществомъ, открывалась у нихъ съ большею силою, нежели у простаго народа. Они отражали обиду оскорбленіемъ или силою; и бывъ слабѣе въ горести, нежели въ злополучіяхъ, они проливали слезы о поруганіи, за которое отмстить не могли. Кротки и склонны, когда предваряли ихъ уваженіемъ; но буйны и

страшны, естьли сего имЪ не оказывали; отЪ величайшей жестокости переходили они кЪ величайшему раскаянїю, и исправляли погрѣшности свои сЪ такоюже откровенностїю, сЪ какою вЪ нихЪ признавались. СловомЪ, когда пороки и добродѣтели были безЪ покрова и безЪ ухищренїя, то Государи и ирои явно обнаруживали жадность свою кЪ корысти, славѣ, предпочтенїю и забавамЪ. Сїи мужественныя и надменныя сердца не могли ощущать слабыхЪ движенїй. Два великїя чувствованїя: любовь и дружество вдругЪ ихЪ волновали; только сЪ такою разностїю, что любовь для нихЪ была пламя пожирающее и скоропреходное; дружество, жарЪ сильный и непрерывный. Дружество производило такїя дѣянїя, которыя нынѣ признаются за чудеса, а тогда почитались за должности. ОрестЪ и ПиладЪ, желая умереть одинЪ за другаго, дѣлали токмо то, что до нихЪ дѣлывали другїе ирои. Любовь сильная вЪ своихЪ восхищенїяхЪ, необузданная вЪ ревности своей , часто имѣла ужасныя слѣдствїя; надЪ сердцами болѣе чувствительными, нежели нѣжными, красота имѣла болѣе власти, нежели качества оную возвышающїя; она содѣлывала украшенїе тѣхЪ великолѣп-

ныхъ празднествъ, кои давали Го удари, когда заключали союзы. Тамо собиралися купно съ Царями и ироями дщери царскія, коихъ присутствіе и ревнивость были источникомъ распрей и несчастій.

При бракосочетаніи Царя Ларискаго, поругали младые Ѳессалійцы, извѣстные подъ именемъ Кентавровъ, подругъ младой Царицы и погибли отъ Ѳисея и многихъ ироевъ, принявшихъ на себя въ семъ случаѣ защиту такого пола, который сами они оскорбляли многократно.

Бракъ Ѳетиды и Пелея нарушенъ былъ домогательствами нѣкоторыхъ царевнъ, которыя, по тогдашнему обычаю, подъ сокровенными именами Юноны, Минервы и другихъ богинь, желали получить преимущество въ красотѣ.

Другой родъ зрѣлищъ соединялъ владѣтелей и ироевъ. Они собирались при погребеніяхъ Государей и оказывали свое великолѣпіе и искуство въ играхъ, которыя въ честь памяти ихъ празднованы были. Учреждали игры при гробницѣ; поелику печаль не требовала благопристойности. Нѣжность, отвергающая всякое утѣшеніе, есть въ чувствованіи безмѣрность или совершенство,

котораго еще не знали; но умѣли только проливать искреннія слезы, которыя удерживали, когда сіе повелѣвала природа, и проливали паки, когда сердце воспоминало о своей утратѣ.,, Иногда запираюсь я въ моихъ чертогахъ, говоритъ Менелай въ Омирѣ, оплакиваю друзей, погибшихъ подъ стѣнами Трои.,, Десять лѣтъ протекло со времени смерти ихъ.

Ирои были купно неправосудны и набожны. Когда они, по случаю, или по личной ненависти или при законномъ защищеніи, кого либо лишали жизни; то ужасались крови пролитой ими и оставляли престолъ или отечество, чтобъ искать въ отдаленіи очищенія грѣха. По совершеніи потребной жертвы, возливали воду на виновную руку для ея очищенія; и тогда же возвращались они паки въ общество, и приготовлялись къ новымъ сраженіямъ.

Народъ, пораженный сими обрядами, неменѣе поражаемъ былъ и грозною наружностію, которой ирои никогда не оставляли. Нѣкоторые возвергали на рамена свои кожу растерзанныхъ ими тигровъ и львовъ; иные являлись съ огромными палицами или съ оружі-

емъ разнаго рода, отнятыми у разбойниковъ, отъ которыхъ они избавили Грецію.

Въ такихъ-то доспѣхахъ представлялися они, чтобъ пользоваться правомъ гостепріимства; правомъ, которое наблюдается нынѣ въ нѣкоторыхъ токмо семействахъ, но тогда было всѣмъ общее. При гласѣ странника отверзались всѣ двери; оказываемы были всѣ возможныя попеченія; и для изъявленія человѣчеству изящнѣйшаго почитанія, прежде не освѣдомлялись о состояніи и рожденіи его, какъ по удовлетвореніи нуждамъ его. Не законодателямъ своимъ обязаны были Греки симъ превосходнымъ учрежденіемъ; но природѣ, коея живый и глубоко проницающій свѣтъ наполнялъ сердце человѣческое, и не померкъ еще въономъ; потому что первое въ насъ побужденіе есть то, чтобъ чувствовать почтеніе и довѣренность къ подобнымъ намъ, и что недовѣренность признавалась бы величайшимъ порокомъ, естьли бы извѣданныя столь многія вѣроломства не сдѣлали оную почти добродѣтелію.

При всемъ томъ въ тѣ времена, когда блистали столь прекрасные примѣры человѣколюбія, возникли ужасныя и неслыханныя злодѣянія. Нѣкоторые изъ сихъ злодѣяній

подлинно существовали; они были плодъ честолюбія и мщенія сихъ необузданныхъ страстей, которыя по разности обстоятельствъ и временъ, для достиженія своей цѣли употребляютъ то тайные ковы, то явную силу. Прочіе обязаны только происхожденіемъ своимъ стихотворству, которое въ картинахъ своихъ перемѣняетъ такимъ же образомъ произшествія исторіи, какъ предметы природы. Стихотворцы, владыки сердецъ нашихъ и рабы своего воображенія, выводятъ главныя лица древности на позорище, и располагаютъ по нѣкоторымъ чертамъ избѣгшимъ отъ лютости времени, свойства, которыя по надобностямъ ихъ, перемѣняютъ или противуполагаютъ; покрываютъ оныя часто страшными красками и преобразуютъ слабости въ пороки, а пороки въ злодѣяніе. Мы гнушаемся Медеи, увезенной Язономъ изъ Кольхиды, коея жизнь была, какъ сказываютъ, только сплетеніе ужасныхъ злодѣяній, но можетъ быть все ея чародѣйство состояло только въ ея прелестяхъ; всѣ ея преступленія только въ ея любви; и можетъ быть большая часть тѣхъ Государей, коихъ память покрывается нынѣ поношеніемъ, не виновнѣе были Медеи.

Не варварство собственно владычествовало въ отдаленныхъ вѣкахъ; но нѣкоторая жестокость свойства, которая часто, поступая явно, сама себѣ измѣняла. По крайней мѣрѣ можно было предохранять себя отъ ненависти, которая обнаруживалась гнѣвомъ, и отъ страстей, которыя сами открывали свои замыслы. Но какъ можно оградить себя нынѣ отъ сихъ лютостей умышленныхъ, отъ сихъ хладныхъ ненавистей, ожидающихъ спокойно минуты мщенія? не тотъ вѣкъ истинно варварскій, въ которомъ господствуетъ болѣе стремленія въ желаніяхъ; но тотъ, въ которомъ находится болѣе обмана въ чувствованіяхъ.

Ни санъ, ни полъ не освобождали отъ попеченій домашнихъ, которыя престаютъ быть низкими, какъ скоро они всѣмъ состояніямъ общи. Иногда соединяли ихъ съ пріятными дарованіями, какъ то съ музыкою и пляскою; и еще чаще съ увеселеніями шумными, какъ то, съ звѣриною ловлею и прочими упражненіями, которыя поддерживаютъ тѣлесную крѣпость, или оную умножаютъ.

Законовъ было мало, но и тѣ были весьма просты потому, что требовалось менѣе узаконеній противу неправосудія, нежели противъ обиды; и болѣе надлежало

укрощать страсти въ ихъ стремленіи, нежели преслѣдовать пороки въ ихъ ухищреніяхъ.

Великія нравственныя истинны, въ началѣ открытыя удивительнымъ естественнымъ побужденіемъ, влекущимъ человѣка ко благу, вскорѣ утверждены были пользою отъ ихъ исполненія получаемою. Тогда служило побужденіемъ и наградою добродѣтели, нестолько душевное удовольствіе, какъ благоволеніе боговъ, почтеніе всего народа, и уваженіе потомства. Разсудокъ не имѣлъ еще того искуства, дабы испытать существо должностей, и подвергнуть оныя тѣмъ раздробленіямъ, которыя служатъ, то къ утвержденію, то къ разрушенію ихъ. Тогда извѣстно было только то, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни полезно воздавать каждому надлежащее, и по сему вѣщанію сердца, честныя души предавались добродѣтели, не примѣчая жертвъ ею требуемыхъ.

Два рода познаній просвѣщали людей; преданіе, коего толкователями были стихотворцы; и опытность, которую приобрѣли старцы. Преданіе сохраняло нѣкоторые слѣды дѣяній боговъ и человѣковъ. Отъ сего происходило уваженіе , оказываемое сти-

хотворцамъ, долженствовавшимъ воспоминать при пиршествахъ и при торжественныхъ случаяхъ достопамятныя происшествія, украшать ихъ пріятностями музыки, и обогащать вымыслами, ласкавшими тщеславію народовъ и Царей.

Опытность старцовъ дополняла медлѣнную опытность временъ; и содѣлавъ примѣры правилами, давала познавать дѣйствіе страстей и способы оныя обуздывать. Отъ сего рождалось почтеніе къ старости, которое опредѣляло ей въ народныхъ собраніяхъ первыя мѣста, а молодымъ людямъ едва позволяло вопрошать оную.

Чрезвычайною пылкостію страстей получало благоразуміе весьма изящную цѣну; а даръ слова нужду учиться.

Изъ всѣхъ свойствъ разума, во первыхъ обработывалось воображеніе: по тому, что оно въ дѣтствѣ людей и народовъ наиранѣе открывается, и что, а особливо у Грековъ, климатъ, въ коемъ они обитали, и связь ихъ съ восточными жителями, споспѣшествовали открытію онаго.

Въ Египтѣ, гдѣ солнце всегда знойно, гдѣ вѣтры, наводненія Нила и прочія явленія подвержены постоянному порядку; гдѣ

неизмѣнность, постоянность и единообразность природы доказываетъ ея вѣчность, сила воображенія увеличивала все; и стремясь со всѣхъ сторонъ въ безконечность, исполняла народъ удивленіемъ и благоговѣніемъ.

Въ Греціи, гдѣ небо иногда покрытое громовыми тучами, блистаетъ почти непрестанно чистѣйшимъ свѣтомъ; гдѣ многоразличность видовъ и годичныхъ временъ, всегда представляетъ удивительныя противуположности; гдѣ природа при каждомъ шагѣ каждую минуту являетъ дѣятельность, для того, что она всегда разнообразною бываетъ: тамо сила воображенія украшала все богатѣе и живѣе, нежели въ Египтѣ, и всѣ дѣйствія разума наполняла тихимъ и плодоносным жаромъ

Такимъ образомъ Греки, оставившіе свои лѣса, не зрѣли болѣе предметовъ подъ страшнымъ и мрачнымъ покровомъ; такимъ образомъ Египтяне переселившіеся въ Грецію смягчали мало по малу суровыя и гордыя черты своихъ картинъ. Тѣ и другіе составляя единый народъ, составили себѣ языкъ, который блисталъ выраженіями переносными; они облекли и прежнія свои мнѣнія красками, которыя перемѣняли ихъ просто-

ту, но тѣмъ большую придавали имъ прелесть; и поелику существа, кои имѣли движенїе, почитали они оживотворенными, и поелику каждому изъ явленїй, коихъ связи не понимали, приписывали они особенныя причины, то вселенная была въ глазахъ ихъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, коего пружины двигались по произволу безчисленнаго множества невидимыхъ существъ.

Тогда образовалось то любомудрїе, или паче та вѣра, которая еще и по нынѣ между народомъ пребываетъ. Оно есть нестройная смѣсь истиннъ и лжей, достойныхъ уваженїя преданїй и прїятныхъ вымысловъ. Оно есть система, которая льститъ чувствамъ и возмущаетъ разумъ; которая, проповѣдуя добродѣтель, дышетъ забавою, и коея начертаемъ мы легкое изображенїе; поелику она носитъ на себѣ напечатлѣнїе того вѣка, въ которомъ она родилась.

Какое могущество извлекло вселенную изъ хаоса? Существо безконечное, свѣтъ чистѣйшїй, источникъ жизни! — Дадимъ ему наизящнѣйшее изъ всѣхъ его именованїй; се сущая любовь, коея присутствїе устроеетъ всюду согласїе, и которой относятъ происхожденїе свое боги и человѣки.

Сіи разумныя существа препиралися о владычествѣ міра; но люди низложенные на сихъ ужасныхъ сраженіяхъ, содѣлались навсегда покоренными своимъ побѣдителямъ.

Племя безсмертныхъ и племя человѣковъ размножилось. Сатурнъ, происшедшій отъ совокупленія неба и земли, имѣлъ трехъ сыновъ, которые раздѣлили между собою вселенную. Юпитеръ владычествуетъ небомъ, Нептунъ моремъ, Плутонъ преисподнею, и всѣ трое землею: всѣ трое окружены сонмомъ боговъ, долженствующихъ исполнять ихъ повелѣнія.

Юпитеръ есть могущественнѣйшій изъ боговъ; онъ мещетъ молнію; чертоги его суть блистательнѣйшіе изъ всѣхъ: се есть обиталище вѣчнаго свѣта и долженствуетъ быть источникомъ всякаго блага; поелику всѣ сокровища земныя низпосылаются съ небесъ.

Богамъ морей и преисподнихъ поклоняются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; небеснымъ же божествамъ всюду и во всякую минуту жизни. Сіи послѣдніе превосходятъ прочихъ въ могуществѣ, поелику находятся надъ главами нашими; прочіежъ подлѣ насъ, или подъ нашими ногами.

Боги даруютъ людямъ жизнь, здравїе, богатство, мудрость и силу. Мы почитаемъ ихъ виновниками нашихъ золъ; они укоряютъ насъ, что мы сами тому причиною. Плутонъ смертнымъ ненавистенъ для того, что онъ не умолимъ. Прочїе боги молитвами нашими къ сожалѣнїю побуждаются, а особливо жертвоприношенїями, коихъ вонѧ есть для нихъ прїятное благоуханїе.

Ежели имѣютъ они чувства подобныя намъ, то они должны имѣть тѣ же страсти. Красота дѣлаетъ въ сердцахъ ихъ такое же впечатлѣнїе, какое дѣлаетъ она въ сердцахъ нашихъ. Часто видали боговъ ищущими на землѣ утѣшенїй, которыя забвенїемъ величества и подъ покровомъ таинства получали большую прелесть.

Греки такимъ страннымъ соединенїемъ понятїй не хотѣли уничижать божества; привыкнувъ судить по себѣ о всѣхъ живущихъ существахъ, приписывали они слабости свои богамъ и чувствованїя свои животнымъ, не желая унижать первыхъ, ни возвышать другихъ.

Когда хотѣли они составить себѣ понятїе о небесномъ блаженствѣ, и о попеченїяхъ управленїя вселенною: то обратили взоры вокругъ себя, и сказали:

Народъ счастливъ на землѣ, когда проводитъ дни свои въ празднествахъ; а Государь, когда собираетъ къ столу своему Царей и Царицъ, сосѣдственными областями владѣющихъ; когда младыя невольницы, благоуханіями окропленныя, наполняютъ виномъ сосуды; когда искусные пѣвцы сопрягаютъ гласы свои со звукомъ лиры. Такимъ образомъ, во многочисленныхъ пиршествахъ, на кои небесные жители собираются, младость и красота подъ видомъ Ивеи, раздаютъ нектаръ и амвросію; пѣніе Аполлона и Музъ раздается по сводамъ Олимпа, и радость во всѣхъ очахъ блистаетъ.

Иногда Юпитеръ приглашаетъ безсмертныхъ къ своему престолу. Онъ разсуждаетъ съ ними о нуждахъ земныхъ, такимъ же образомъ, какъ Монархъ съ вельможами государства своего судитъ о благѣ своихъ областей. Боги дѣлаютъ разныя предложенія; и когда они мнѣнія свои съ жаромъ защищаютъ, Юпитеръ произноситъ рѣшеніе, и все умолкаетъ.

Боги, властію его облеченные, приводятъ въ движеніе вселенную, и суть виновники явленій, насъ удивляющихъ.

Каждое утро отверзаетъ младая богиня

врата Востока, и разливаетъ прохладу по воздуху, цвѣты по полямъ, и яхонты по пути солнца. По семъ предвозвѣстіи пробуждается земля и готовится къ принятію бога, ежедневно дающаго ей новую жизнь. Онъ выходитъ, является со славою приличною владыкѣ небесъ; колесница его , везомая часами, летитъ и погружается въ неизмѣримое пространство, которое наполняетъ пламенемъ и свѣтомъ. Какъ скоро достигаетъ онъ къ чертогу владычицы морей; то нощь, по стопамъ его вѣчно шествующая, простираетъ мрачный свой покровъ и пригвождаетъ ко своду небесному безчисленные огни. Тогда воздымается другая колесница, коея тихое и утѣшительное блистаніе приводитъ чувствительныя сердца въ задумчивость. Богиня правитъ ею. Она шествуетъ безмолвно наслаждаться нѣжностями Эндиміона. Сія дуга, блистающая столь богатыми цвѣтами, и сгибающаяся отъ одного края оризонта до другаго, означаетъ свѣтозарныя стези шествія Ирисы, приносящей землѣ велѣнія Юноны. Сіи пріятные вѣтры, сіи ужасныя бури суть геніи, которые то въ воздухѣ совокупно играютъ, то другъ съ другомъ борятся, дабы воздвигнуть волны. У по-

дошвы сего холма находится пещера, убѣжище прохлады и тишины. Тамо благотворная Нимфа лїетъ изъ неизсякаемаго сосуда источникъ, оплодотворяющїй сопредѣльную равнину; тамо внимаетъ она воздыханїе младой красоты, пришедшїя зрѣть прелести свои въ быстротекущей водѣ. Вниди въ сїю мрачную дубраву; здѣсь не безмолвїе и не уединенїе занимаетъ твой разумъ; ты въ обиталищѣ Дрїадъ и Силвановъ; и таинственный ужасъ, тебя объемлющїй, есть дѣйствїе божественнаго величества.

Куда ни обратимъ стопы наши, вездѣ окружены присутствїемъ боговъ; мы обретаемъ ихъ внѣ себя, и въ себѣ. Они раздѣлили себѣ владычество душъ и управляютъ нашими склонностями: одни имѣютъ начальство въ войнѣ или въ мирныхъ художествахъ; другїе вперяютъ любовь къ премудрости, или къ забавамъ: всѣ прїятствуютъ правотѣ и покровительствуютъ добродѣтели. Тридцать тысячъ божествъ, разсѣяныхъ между нами, бдятъ непрестанно надъ нашими мыслями и надъ нашими дѣянїями. Когда творимъ благо, то небо умножаетъ дни наши и наше блаженство; но когда творимъ зло, наказуетъ насъ. На гласъ содѣян-

наго беззаконія, НимезисЪ и черныя Фуріи исходятЪ сЪ воемЪ изЪ бездны ада; онѣ вползаютЪ вЪ сердце виновнаго и мучатЪ его день и нощь плачевнымЪ и пронзительнымЪ крикомЪ. Се вопль угрызенія совѣсти. Когда преступникЪ презритЪ, прежде своея смерти, умилостивить ихЪ обрядами священными; то Фуріи, нападающія на его душу, яко на добычу свою, влекутЪ ее вЪ пропасть тартара: ибо древніе Греки увѣрены были вообще, что душа есть безсмертна. Они имѣли о семЪ малоизвѣстномЪ существѣ, по примѣру ЕгиптянЪ, слѣдующее понятіе:

Душа духовная, то есть духЪ или разумЪ, облечена чувственною душею, которая не что иное есть, какЪ вещество свѣтлое и тонкое, вѣрный образЪ нашего тѣла, по которому она какЪ бы вылита, и коего подобіе и размѣрЪ она всегда вЪ себѣ содержитЪ. Сіи обѣ души, доколѣ мы живемЪ, тѣсно между собою соединены: смерть разлучаетЪ ихЪ; и между тѣмЪ, какЪ душа духовная паритЪ на небеса, то другая предводимая МеркуріемЪ летитЪ на край земли, гдѣ находится адЪ, престолЪ Плутона и судилище Миноса. Оставленная отЪ всея

вселенныя и неимѣющая никакихъ другихъ заступниковъ, кромѣ своихъ дѣяній, душа является предъ страшнымъ симъ судилищемъ; внемлетъ свой приговоръ и удаляется либо въ поля Елисейскія, или въ тартаръ.

Греки, полагавшіе блаженство боговъ единственно въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не могли выдумать, для Елисейскихъ полей, иныхъ преимуществъ, кромѣ благорастворённаго воздуха, и ненарушимой но единообразной тишины; слабыя преимущества, при которыхъ добродѣтельныя души всегда воздыхали о дневномъ свѣтѣ и сожалѣли о своихъ страстяхъ и удовольствіяхъ.

Тартаръ есть обиталище плача и отчаянія. Преступники предаются тамо ужаснѣйшимъ мученіямъ; хищныя птицы терзаютъ внутренности ихъ; раскаленныя колеса влачатъ ихъ кругомъ своея оси. Тамо томится ежеминутно Танталъ отъ глада и жажды, посредѣ чистой воды и подъ древами плодомъ обремененными; тамо осуждены дщери Данаевы наполнять водою кадь, изъ которой она безпрестанно истекаетъ, а Сизифъ съ трудомъ воздымаетъ огромный камень на вершину горы, который будучи близъ своего предѣла, паки самъ собою низпадаетъ. Не-

сносныя нужды, и всегда раздражаемыя присутствїемъ предметовъ могущихъ удовлетворить ихъ; труды непрестанно одинакїе и вѣчно тщетные: какїя наказанїя! Воображенїе, оныя изобретшее, истощило всѣ мудрованїя варварства, дабы приготовить преступленїю наказанїя; въ воздаянїежъ добродѣтели даровало только несовершенное блаженство, сожалѣнїями отправляемое. Неужели почитали они полезнѣйшимъ, вести людей къ добродѣтельной жизни, страхомъ наказанїй, нежели прелестїю удовольствїй; или гораздо удобнѣе размножать изображенїя несчастїя, нежели счастїя?

Сїе безобразное составленїе вѣры научало не многимъ, но для спокойствїя обществъ существеннымъ правиламъ: бытїю боговъ, безсмертїю душъ, воздаянїямъ добродѣтели, наказанїямъ беззаконїя. Оно предписывало такїя упражненїя, которыя могли бы споспѣшествовать подкрѣпленїю сихъ истиннъ, какъ то: празднества и таинства; оно подавало политикѣ сильныя средства пользоваться невѣжествомъ и легковѣрїемъ народа: оракулы, искуство гадателей и прорицателей; оно давало наконецъ каждому свободу, избирать себѣ древнѣй-

шїя преданія, и размножать безпрестанно прибавленіями дѣянія и родословіе боговъ; такимъ образомъ воображеніе, имѣя свободу вымышлять событія, и искажать уже извѣстныя новыми невѣроятностями, распространяло безпрестанно въ картинахъ своихъ приманчивость чудесъ, которая надъ здравымъ разсудкомъ ни мало не дѣйствовала, но была исполнена прелестями для дѣтей и для народовъ начинающихъ раждаться. Повѣствованія путешественника посреди своихъ гостепріимцевъ, отца семейства среди его чадъ, пѣвца призваннаго для увеселеній Царей, не имѣли инаго сплетанія и развязки, какъ посредничество боговъ; и система вѣры содѣлалась нечувствительно составомъ басенъ и стихотворства.

Въ тоже самое время ложныя понятія о естественной наукѣ обогащали языкъ множествомъ изображеній. Привычка смѣшивать движеніе съ жизнію и жизнь съ чувствованіемъ, удобность сближать извѣстныя сходства, каковыя имѣютъ между собою предметы, производили то, что и самыя нечувствительнѣйшія существа получали въ рѣчи душу или другія со всѣмъ имъ посторонния свойства: мечъ упоенъ былъ кровію непріятеля; летя-

щее копїе стремилося оную пролить. Всему, что только разсѣкало воздухЪ: молнїи, вѣтрамЪ, стрѣламЪ, звуку гласа придавались крылїя; Заря имѣла розовые персты; солнце, златовласыя кудри; Ѳетида, сребряныя ноги. Иносказанїя такого рода производили удивленїе, особливо когда онѣ были новы; и языкЪ сдѣлался стихотворческимЪ, какЪ и всѣ языки бываютЪ таковымижЪ вЪ своемЪ началѣ.

Таковы были успѣхи ума у ГрековЪ, когда КодрЪ пожертвовалЪ жизнїю своею спасенїю своего отечества. Аѳиняне, пораженные симЪ великодушнымЪ дѣйствїемЪ, уничтожили царское званїе; они говорили, что КодрЪ толико его возвысилЪ, что впредь никто до онаго достигнуть не можетЪ. ВЪ слѣдствїе сего обЪявили они Юпитера верховнымЪ своимЪ властителемЪ, и, посадивЪ Медона, сына Кодрова, подлѣ престола, назвали его непремѣннымЪ АрхонтомЪ или начальникомЪ, однако сЪ такимЪ обязательствомЪ, чтобы онЪ отдавалЪ народу отчетЪ вЪ своемЪ правленїи.

Братья сего Государя противились его избранїю; но когда увидѣли оное отЪ оракула подтвержденнымЪ, то рѣшились, удаляся изЪ отечества, благовременнѣе искать лучшей

судьбы, нежели поддерживать въ немъ причину внутреннихъ раздоровъ.

Поселенiе Iонянъ въ малой Асiи.

Аттика и области, ее окружающiя, препаполнены были жителями. Завоеванiя Ираклидовъ возвратили паки въ сiю часть Грецiи весь народъ Iонiйскiй, занимавшiй прежде дванадесять городовъ въ Пелопонисѣ. Сiи чужеземцы, бывъ въ тягость мѣстамъ, кои служили имъ убѣжищемъ, и бывъ очень близки къ мѣстамъ, ими оставленнымъ, нетерпѣливо желали той перемѣны, которая могла бы привести въ забвенiе ихъ несчастiя. Сыновья Кодровы предлагали имъ, по ту сторону моря, богатыя поля, ограничивающiя Асiю напротивъ Европы и обитаемыя уже частiю тѣми Эолянами, кои равномѣрно нѣкогда изгнаны были отъ Ираклидовъ изъ Пелопониса. Къ предѣламъ Эолiи граничила земля плодоносная, лежащая въ благополучномъ климатѣ и обитаемая варварами, которыхъ начинали тогда презирать Греки. Сыновья Кодровы воспрiяли намѣренiе завоевать ее. Слѣдовало за ними великое множество людей разнаго возраста изъ разныхъ

земель: варвары дѣлали только слабое сопротивленіе. Поселеніе получило въ скоромъ времени во владѣніе столько же городовъ, сколько имѣло оно ихъ въ Пелопонисѣ; и сіи города, между которыми Милетъ и Ефесъ отличались, составили присоединеніемъ своимъ владѣніе Іонійское.

Медонъ предоставилъ потомкамъ своимъ Архонтское достоинство; но поелику оно подавало Аѳинянамъ подозрѣніе, то ограничили они впередъ оное на десятилѣтнее время; и какъ опасенія ихъ возрастали съ ихъ осторожностію, то раздѣлили они наконецъ сіе достоинство между девяти чиноначальниковъ ежегодныхъ, которые еще и понынѣ имя Архонтовъ носятъ.

Въ 684 до Р. Х.

Сіи то суть безпокойствія, о которыхъ упоминаетъ исторія Аѳинская со времени Кодровой смерти до первой Олимпіады, въ теченіе 316 лѣтъ. Сіи вѣки, какъ кажется, были вѣки благоденствія; ибо несчастія народовъ сохраняются вѣчно въ ихъ преданіяхъ. Замѣчаніе для человѣчества весьма прискорбное, но истинное! Во время продолжительнаго мира, коимъ наслаждалась Аттика, произвела она безъ сомнѣнія великія и благородныя души, которыя посвятили самихъ

себя благу отечества; мудрыхъ мужей, прозорливость коихъ распространяла согласіе во всѣхъ чинахъ государства; но они забыты для того, что они были только добродѣтельны. Естьли бы проливали они рѣки слезъ и крови, то бы имена ихъ торжествовали надъ временемъ; и въ недостаткѣ дѣеписателей, памятники имъ посвященные, возносили бы гласы свои на стогнахъ. Итакъ должно было губить людей, чтобъ заслужить олтари!

Во время царствующаго въ Аттикѣ спокойствія, чувствовали и прочія государства потрясенія только слабыя и мгновенныя; вѣки протекали въ тишинѣ; или паче сіе время наполнено было славою трехъ величайшихъ мужей въ свѣтѣ: Омира, Ликурга и Аристомена. Послѣдніе два извѣстны только въ Лакедемонѣ и Мессиніи; но Омировымъ дарованіемъ можно заниматься во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ.

Омиръ.

Омиръ жилъ спустя почти четыреста лѣтъ послѣ Троянской войны. Въ его время стихотворство было между Греками въ великомъ употребленіи. Источникъ вымысловъ

Около 900 до Р. Х.

содѣлывающихъ существо его, или его украшенiе, становился день отъ дня изобильнѣе; языкъ блисталъ изображенiями, и тѣмъ способнѣе становился для стихотворца, чѣмъ менѣе былъ онъ правиленъ. Два достопримѣчательныя происшествiя, война Ѳивская и Троянская, занимали дарованiя; повсюду возвѣщали пѣвцы на лирѣ Грекамъ подвиги прежде бывшихъ воиновъ.

Появилися уже Орфей, Линъ, Мусей и множество другихъ стихотворцевъ, коихъ творенiя погибли, и можетъ быть чрезъ то содѣлались только славнѣе: уже вступилъ въ поприще Исiодъ, который былъ соперникъ Омиру, и описывалъ слогомъ исполненнымъ прiятности и согласiя родословiе боговъ, труды сельскiе, и прочiе предметы, на которые умѣлъ онъ привлечь вниманiе.

Итакъ Омиръ обрѣлъ такое искуство, которое за нѣсколько времени вышло изъ дѣтства, и коего успѣхи ускоряемы были безпрестаннымъ соревнованiемъ. Онъ воспрiялъ его въ самомъ еще началѣ его открытiя и довелъ до такой степени, что кажется быть творцемъ сего искуства.

Онъ пѣлъ, какъ сказываютъ, Ѳивскую брань и произвелъ многiя сочиненiя, которыя

сравняли бы его съ первыми стихотворцами его времени; но Иліада и Одиссея превознесли его выше всѣхъ стихотворцевъ, прежде и послѣ его писавшихъ.

Въ первой поэмѣ описалъ онъ нѣкоторые случаи изъ Троянской брани, а во второй возвращеніе Улисса въ свое отечество.

Во время Троянской осады случилось такое происшествіе, которое возбудило вниманіе Омира. Ахиллъ, огорченный Агамемнономъ, удалился въ свой станъ; отсутствіе его ослабило войско Грековъ, и оживотворило мужество Троянъ, которые выступя изъ своихъ стѣнъ, многія производили сраженія, въ которыхъ были почти всегда побѣдителями; ужѐ намѣревались они зажечь флотъ непріятельскій; какъ Патроклъ явился облеченный въ доспѣхи Ахилла. Экторъ нападаетъ на него, и низлагаетъ. Ахиллъ, котораго не могли убѣдить прозьбы военачальниковъ, летитъ паки на сраженіе, отмщеваетъ за смертъ Патрокла смертію Троянскаго полководца, учреждаетъ погребеніе друга своего и отдаетъ за выкупъ несчастному Пріаму тѣло сына его Эктора.

Сіи происшествія, приключившіяся во время весьма не многихъ дней, были слѣдст-

вїемъ гнѣва Ахиллова прошивъ Агамемнона, и содѣлывали, при осадѣ Трои, происшествїе постороннее, которое легко можно было отдѣлить отъ прочихъ, и которое Омиръ избралъ предметомъ своей Илїады. Писавъ ее, держался онъ порядка историческаго, но для вящшаго украшенїя своего предмета, предполагалъ онъ тогда, слѣдуя принятой системѣ, что съ самаго начала войны боги раздѣлены были между Греками и Троянами; и чтобъ болѣе оный уважить, представилъ онъ тѣ лица въ дѣйствїи: такое искуство, которое можетъ быть не извѣстно было до его времени, произвело родъ Драматическїй, который употребилъ Омиръ такъ же въ своей Одиссеи съ равнымъ успѣхомъ.

Въ семъ послѣднемъ стихотворенїи находятъ болѣе искуства и болѣе знанїя. Десять лѣтъ протекло, какъ Улиссъ оставилъ брега Илїона. Неправедные хищники расточали его имущества; они хотѣли принудить безутѣшную супругу его ко вступленїю во вторый бракъ, и къ такому избранїю, котораго отлагать болѣе не могла. Въ сїе то самое время открывается явленїе Одиссеи. Телемакъ, сынъ Улиссовъ, переправляется на матерую землю Грецїи, чтобъ

вопросить Нестора и Менелая о судьбѣ отца своего. Въ то время, когда находится онъ въ Лакедемонѣ, Улиссъ отъѣзжаетъ съ Калипсина острова, и по трудномъ мореплаваніи, приносится бурею на островъ Феакинскій, близь Иѳаки. Въ тѣ времена, когда торговля не подавала еще народамъ случая ко взаимному сообщенію, жители собирались около чужестранца, чтобъ слушать повѣсть о его приключеніяхъ. Улиссъ, убѣжденный удовлетворить желанію такого двора, гдѣ невѣжество и вкусъ къ чудесному до крайности владычествовали, повѣствуетъ предъ нимъ видѣнныя имъ чудеса, возбуждаетъ сожалѣніе изображеніемъ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, и получаетъ помощь для возвращенія въ свое государство: онъ пріѣзжаетъ, даетъ себя узнать своему сыну, и приемлетъ съ нимъ надежныя мѣры къ отмщенію врагамъ своимъ.

Дѣйствіе Одиссеи продолжается только сорокъ дней; но, посредствомъ избраннаго расположенія, Омиръ нашелъ легкій способъ изобразить всѣ обстоятельства возвращенія Улиссова, воспомянуть о многихъ подробностяхъ Троянскія войны и открыть тѣ познанія, которыя пріобрѣлъ онъ въ своихъ путешествіяхъ. Кажется, что сочинялъ онъ сіе твореніе въ

позднія свои лѣта; заключаютъ о семъ какъ по множеству повѣствованій, такъ по спокойному свойству его лицъ, и по нѣкоему тихому жару, подобному заходящему солнцу.

Хотя намѣреніе Омира клонилось паче къ тому, чтобъ понравиться своему вѣку: однакожъ ясно видно изъ Иліады, что народы всегда бываютъ жертвою несогласія ихъ начальниковъ; а изъ Одиссеи, что благоразуміе, соединенное съ храбростію, торжествуетъ рано или поздно надъ величайшими препятствіями.

Иліада и Одиссея едва были извѣстны въ Греціи, когда Ликургъ явился въ Іоніи: духъ стихотворца вѣщалъ духу законодавца. Ликургъ нашелъ наставленія мудрости тамъ, гдѣ простой народъ видѣлъ только пріятные вымыслы. Онъ списалъ обѣ поэмы, и обогатилъ ими свое отечество. Оттуда распространились онѣ у всѣхъ Грековъ: явилися лицедѣи, извѣстные подъ именемъ Рапсодистовъ [пѣвцовъ], ѣздившихъ съ отрывками оныхъ по Греціи, которая ихъ съ восхищеніемъ слушала. Одни воспѣвали мужество Діомида; другіе прощаніе Андромахи; прочіе смерть Патрокла, кончину Эктора, и проч.

Слава Омирова казалась чрезъ такое

раздробленіе дѣйствій возрастающею; но связь стихотвореній его непримѣтно разрушалась; и какъ части ихъ съ лишкомъ раздѣленныя, подвергались невозможности къ соединенію паки цѣлаго, то Солонъ запретилъ пѣвцамъ, когда они соберутся вмѣстѣ, по произволу своему выбирать изъ Омировыхъ сочиненій происшествія отдѣленныя, но предписалъ держаться въ своихъ повѣствованіяхъ того порядка, который наблюдалъ сочинитель такъ, что бы одинъ начиналъ тамъ, гдѣ другой кончилъ.

Сіе учрежденіе хотя отвратило одну опасность, однакоже оставило другую, и еще бо́льшую. Стихотворенія Омировы, преданныя изступленію и невѣжеству тѣхъ, кои ихъ пѣли, или всенародно толковали, портились ежедневно въ устахъ ихъ; они претерпѣвали чрезъ то чрезвычайную потерю и наполнялись чужими, а не сочинителевыми стихами. Пизистратъ и сынъ его Иппархъ воспріяли на себя возстановить паки подлинникъ во всей его чистотѣ. Они совѣтовались съ искусными Грамматиками, обѣщали награжденія тѣмъ, которые доставятъ настоящіе отрывки Иліады и Одиссеи; и по долговременномъ и трудномъ стараніи, представили

наконецъ сїи двѣ великолѣпныя картины взору Грековъ, которыя сколько красотѣ расположенїя, столько богатству подробныхъ израженїй удивлялись. Сверьхъ сего Иппархъ приказалъ, чтобъ Омировы стихи пѣты были при празднествахъ Панаѳинейскихъ, въ предписанномъ отъ Солона порядкѣ.

Потомство, которое не можетъ измѣрять славы Царей и ироевъ по ихъ дѣянїямъ, мнитъ слышать изъ дали шумъ подвиговъ, содѣянныхъ ими въ мїрѣ, и возвѣщаетъ его съ бо́льшею громкостїю вѣкамъ грядущимъ. Но именитость писателя, коего сочиненїя еще существуютъ, сравнивается во всякое время, во всякую минуту съ тѣми достоинствами, которыя онъ заслужилъ; и слава его должна быть слѣдствїемъ тѣхъ сужденїй непрерывныхъ, которыя вѣки произносятъ къ его чести. Слава Омира возрастала тѣмъ вящше, чѣмъ лучше познавали его творенїя, чѣмъ больше въ состоянїи были цѣнить оныя. Греки никогда не имѣли столько знанїй какъ нынѣ; и никогда удивленїе ихъ не было къ нему столь велико: имя его во устахъ всѣхъ, и образъ его у всѣхъ предъ очами. Многїе города спорятъ о

чести рожденія его; прочіе соорудили ему храмы; Аргіане призываютъ имя его при своихъ священныхъ обрядахъ, и посылаютъ ежегодно приносить жертву на островъ Хіо въ честь его. Стихи его гремятъ по всей Греціи, и содѣлываютъ тамо украшеніе блистательныхъ празднествъ. Въ нихъ то юношество находитъ первыя свои наставленія; изъ нихъ черпали Эсхилъ, Софоклъ, Архилохъ, Иродотъ, Димосѳенъ, Платонъ и лучшіе писатели большую часть красотъ, которыя разсѣяли они въ своихъ сочиненіяхъ; изъ нихъ научились ваятель Фидій и живописецъ Евфраноръ достойно изображать владыку боговъ.

Каковъ же сей мужъ, который преподаетъ наставленія въ политикѣ законодателямъ; который учитъ мудрецовъ и историковъ искуству писать, стихотворцевъ и витій искуству трогать сердца; который разверзаетъ всѣ дарованія, и коего превосходство толико признано, что столь же мало ему завидуютъ, какъ солнцу насъ освѣщающему?

Знаю, что Омиръ долженъ особенно уважаемъ быть своимъ народомъ. Знаменитые домы въ Греціи думаютъ открыть въ твореніяхъ его доказательства своего происхожденія; и разныя государства, эпоху своей

величности. Часто единое его свидѣтельство утверждало древніе предѣлы двухъ сосѣдственныхъ народовъ. Но сіе достоинство, которое могло ему быть общимъ со многими другими писателями, нынѣ забвенными, не могло никакъ произвесть того восторга, какое возбуждаетъ его стихотвореніе; къ сему потребны были со всѣмъ другія побудительныя средства, чтобъ владычествовать умомъ своимъ надъ Греками.

Я Скиѳъ; и сладкогласіе Омировыхъ стиховъ, сіе сладкогласіе восхищающее Грековъ, часто не поражаетъ грубаго моего слуха; однако не могу умѣрить моего удивленія, когда зрю, какъ онъ возносится и, такъ сказать, паритъ надъ вселенною: мещетъ пламенные взоры свои по всѣмъ мѣстамъ; собираетъ огнь и цвѣты, коими предметы блистаютъ при его воззрѣніи; присутствуетъ въ совѣтѣ боговъ; испытуетъ сокровенности человѣческаго сердца, и, вдругъ избыточествуя своими откровеніями, будучи упоенъ красотами природы, и не могши болѣе сносить въ себѣ жара его пожирающаго, разсѣваетъ оный щедро во своихъ изображеніяхъ и словахъ; какъ подвизаетъ

онъ на брань небо противу земли, и страсти противъ страстей; ослѣпляетъ насъ свѣтозарными лучами, которые свойственны только превосходному дарованію; влечетъ насъ пылкостями чувствованій, въ чемъ состоитъ истинная ихъ высокость, и всегда оставляетъ въ душѣ нашей глубокое впечатлѣніе, которое кажется распространяетъ ее и возвеличиваетъ. Ибо отмѣнно отличаетъ Омиръ себя тѣмъ, что одушевляетъ каждую вещь и производитъ въ насъ безпрестанно тѣже движенія, которыя въ себѣ ощущалъ; что все подчиняетъ главной страсти, слѣдуетъ за нею въ ея стремленіи, въ ея распутствіяхъ, въ ея заблужденіяхъ; возноситъ ее до небесъ и паки, когда надобно, силою чувствованія и добродѣтели, ее низвергаетъ, подобно пламени Этны, которое вѣтръ паки вторгаетъ во глубину бездны; что онъ начертываетъ великія свойства; что онъ силу, храбрость и другія качества своихъ лицъ, не хладными и скучными, но стремительною и сильною чертою кисти, или новыми и почти случайно разсѣянными вымыслами въ твореніяхъ своихъ различать умѣетъ.

Я возношуся съ нимъ на небеса; познаю

тамъ Венеру по ея поясу, изъ котораго вылетаютъ безпрестанно любовные огни, нетерпѣливыя вождѣленія, очаровательныя пріятности и неизъяснимыя прелести ея рѣчей и взоровъ; познаю Палладу и свирѣпство ея по сей Эгидѣ, на которой изображены ужасъ, раздоръ, насиліе , и страшная глава ужасныя Горгоны: Юпитеръ и Нептунъ суть могущественнѣйшіе изъ боговъ ; но Нептуну потребенъ трезубецъ, чтобъ потрясти землю; Юпитеру мгновеніе ока, чтобъ поколебать Олимпъ. Низхожу паки на землю; Ахиллъ, Аяксъ, Діомидъ суть страшнѣйшіе изъ Грековъ; однако Діомидъ отступаетъ назадъ при видѣ Троянскаго воинства; Аяксъ удаляется не прежде, какъ по многократномъ отраженіи онаго; является Ахиллъ и воинство исчезаетъ.

Сіи различія, ясно начертаны въ священныхъ книгахъ Грековъ; ибо такъ можно назвать Иліаду и Одиссею. Стихотворецъ положилъ образцы свои на твердомъ основаніи; онъ отдѣлялъ по надобности оттѣнки, служившія къ ихъ различенію, и всегда имѣлъ ихъ въ умѣ своемъ, даже и тогда, когда онъ описываемымъ свойствамъ давалъ кратковременныя перемѣны; для того что въ самомъ дѣлѣ единое

только искуство сообщаетъ свойствамъ постоянное единство; и что природа не производитъ ниединаго, которое не измѣнялось бы въ разныхъ обстоятельствахъ жизни.

Платонъ почиталъ печаль Ахиллову не довольно приличною его достоинству, равно какъ и Пріамову; когда первый по смерти Патрокловой валяется въ пыли, а вторый уничижается, чтобъ получить тѣло сына своего. Но коль странно то достоинство, которое утушаетъ чувствія! Что касается до меня, я хвалю Омира, что онъ, слѣдуя природѣ, помѣстилъ слабость подлѣ силы, и бездну подлѣ высоты; я хвалю его еще болѣе за то, что онъ показалъ мнѣ наилучшаго отца въ сильнѣйшемъ Царѣ, и нѣжнѣйшаго друга въ запальчивѣйшемъ ироѣ.

Я видѣлъ людей порицавшихъ то, что стихотворецъ влагаетъ въ уста ироямъ своимъ, либо въ собраніяхъ ихъ, или посреди боя, оскорбительныя рѣчи. Тогда устремилъ я взоры свои на дѣтей, менѣе насъ уклоняющихся отъ природы; на простой народъ, который всегда младенчествуетъ; на дикарей, кои всегда суть простой народъ; и примѣтилъ, что всѣ они прежде, нежели

изъявляютъ гнѣвъ свой дѣломъ, обнаруживаютъ его самохвальствомъ, наглостію и ругательствомъ.

Видѣлъ я упрекающихъ Омира тѣмъ, что онъ изобразилъ нравы предшествовавшихъ ему временъ въ ихъ простотѣ. Я смѣялся сему охужденію, и молчалъ.

Но когда вмѣняютъ ему въ преступленіе, что онъ унизилъ боговъ; я скажу тоже самое въ отвѣтъ, что слышалъ нѣкогда отъ одного просвѣщеннаго Аѳинянина. Омиръ, говорилъ онъ мнѣ, по стихотворческой системѣ своего времени, присвоилъ слабости наши богамъ. Аристофанъ издѣвался надъ ними на Ѳеатрѣ нашемъ, и отцы наши приняли сію вольность съ рукоплесканіемъ. Древнѣйшіе богословы сказали, что боги и человѣки имѣютъ общее происхожденіе; и Пиндаръ почти въ наше время говорилъ тоже. И такъ не думали никогда, чтобъ сіи боги могли дополнить то понятіе, какое имѣемъ мы о божествѣ; и дѣйствительно истинное любомудріе предполагаетъ надъ ними высочайшее существо, которое поручило имъ свое могущество. Просвѣщенные мужи обожаютъ сіе существо въ тайнѣ; прочіе приносятъ свои молитвы, а иногда

жалобы свои тѣмъ, кои его представляютъ; а большая часть стихотворцевъ дѣлаютъ тоже, что подданные Царя Персидскаго, кои повергаются предъ своимъ Государемъ, и ругаютъ его вельможъ.

Пусть нечувствующіе красотъ Омировыхъ остаются при его погрѣшностяхъ. Ибо для чего скрывать оныя. Онъ часто покоится, а иногда дремлетъ; но покой его подобенъ покою орла, который облетѣвъ по воздуху пространныя свои области, утомленный отъ труда, низпадаетъ на высокую гору; и дремота его подобна дремотѣ Юпитера, который, какъ самъ же говоритъ Омиръ, пробуждаясь мещетъ свой громъ.

Естьли судить о Омирѣ не по розысканію, но по чувствованію, не по правиламъ часто произвольнымъ, но по непреложнымъ законамъ природы; то должно удостовѣриться, что онъ достоинъ той чести, которую опредѣлили ему Греки, и что онъ былъ главнымъ украшеніемъ вѣковъ, о коихъ краткое повѣствовованіе здѣсь предложить я намѣренъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Повѣствованїе о Аѳинянахъ начинается собственно говоря не прежде, какъ 150 лѣтъ послѣ первыя Олимпїады. Оно содержитъ въ себѣ только 300 лѣтъ, естьли вести оное до нашихъ временъ, и около 200 лѣтъ, ежели кончить его взятїемъ Аѳинъ. По временамъ довольно примѣтнымъ можно видѣть въ немъ начало, успѣхи и паденїе сего государства. Да будетъ мнѣ позволено сїи междовременїя означить особыми именованїями. Первое назову я вѣкомъ Солоновымъ или вѣкомъ законовъ; второе вѣкомъ Ѳемистокловымъ и Аристидовымъ; сей есть вѣкъ славы: третїе вѣкомъ Перикловымъ, вѣкъ роскоши и художествъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вѣкъ Солоновъ.

Съ 630 по 490 г. до Р. Х. Установленный Ѳисеемъ образъ правленїя претерпѣлъ чувствительныя перемѣны. Народъ имѣлъ еще право собираться; но вер-

ховная власть была въ рукахъ богачей.
Республика управлялась девятью Архонтами, или ежегодно перемѣняющимися начальниками; власть, которою они пользовались была недовольно долговременна, чтобы могли употреблять оную во зло; и недовольно достаточна къ содержанію тишины въ государствѣ.

Жители Аттики раздѣлялись на три крамолы, изъ коихъ каждая была подъ начальствомъ одного изъ древнѣйшихъ семействъ Аѳинскихъ. Всѣ три, бывъ раздѣлены разными притязаніями, по разному ихъ свойству и положенію, не могли согласиться въ выборѣ правленія. Самые бѣдные и наиболѣе къ вольности приверженные, на сосѣдственныя горы удалившіеся, держались народнаго правленія; богатѣйшіе на равнинахъ обитавшіе, олигархіи или малоначалія; а приморскіе жители, упражнявшіеся въ мореходствѣ и торговлѣ, желали правленія смѣшаннаго, которое обеспечивало имущества ихъ, не нанося вреда народной свободѣ.

Къ сей причинѣ разногласія присовокуплялась еще въ каждой крамолѣ закоренѣвшая ненависть бѣдныхъ противу богатыхъ. Низкіе и долгами отягощенные граждане не

имѣли другаго пособія, какъ продавать немилосердымъ заимодавцамъ либо свою или чадъ своихъ свободу; и большая изъ нихъ часть оставляли землю, которая однимъ представляла безполезные труды, а другимъ вѣчное рабство и пожертвованіе чувствованіями природы.

Весьма малое число законовъ почти столь же древнихъ, какъ и государство, и извѣстныхъ большею частію подъ именемъ законовъ царскихъ, не были достаточны, когда познанія распространились въ обществѣ, и открыли новые источники промышленности, нуждъ и пороковъ. Своевольство оставалось безъ наказанія или наказывалось только по произволу, а не по законамъ; жизнь и имущества частныхъ людей ввѣрялись такимъ градоправителямъ, которые, не имѣвъ никакихъ твердыхъ правилъ, весьма расположены были слѣдовать своимъ предразсужденіямъ или своей корысти.

Араконъ.

Въ семъ неустройствѣ, угрожавшемъ государству скорымъ разрушеніемъ, избранъ былъ Драконъ, для составленія полнаго за-

конодательства и для распространенія онаго до самомалѣйшихъ подробностей. Особливыя обстоятельства частной его жизни намъ мало извѣстны; но онъ оставилъ по себѣ имя человѣка честнаго, просвѣщеннаго и усердіемъ приверженнаго къ своему отечеству. Многія другія дѣянія могли бы украсить похвалу его, но онѣ ненужны для его славы. Подобно прочимъ законодателямъ, до него и послѣ него бывшимъ, сдѣлалъ онъ уложенія законовъ и нравственности; онъ началъ отъ самаго рожденія гражданина, предписалъ какимъ образомъ его вскормить и воспитать должно; слѣдовалъ за нимъ по разнымъ временамъ жизни, и соединивъ сіи частные виды съ главнымъ предметомъ, льстился, что возможетъ образовать людей свободныхъ и гражданъ добродѣтельныхъ; но онъ произвелъ только недовольныхъ; и его уставы возбудили столько роптаній, что онъ принужденъ былъ удалиться на островъ Эгину, гдѣ вскорѣ потомъ и умеръ.

Онъ оставилъ въ законахъ своихъ напечатлѣніе своего свойства: законы его были столь же строги, каковы были всегда его нравы. Смерть положилъ онъ наказаніемъ праздности, и смертную казнь опредѣлилъ онъ какъ за преступ-

леніе малѣйшія, такъ и за ужаснѣйшія злодѣянія: онъ говорилъ, что не знаетъ умѣреннѣйшей казни для первыхъ; что не знаетъ иной для вторыхъ. Кажется, что твердая и добродѣтельная до чрезвычайности душа его неспособна была ни мало нисходить порокамъ, ей ненавистнымъ, ни слабостямъ безъ труда ею побѣждаемымъ. Можетъ быть думалъ онъ и то, что первые шаги на пути беззаконія неминуемо ведутъ къ величайшимъ пропастямъ.

Какъ онъ до образа правленія ни мало не коснулся; то внутренніе раздоры день отъ дня умножались. Одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, именемъ Килонъ, умыслилъ похитить себѣ власть: осадили его въ замкѣ; защищался онъ долго, и видя себя наконецъ безъ пищи, и не надѣясь помощи, спасся бѣгствомъ отъ казни, ему опредѣленной; единомышленники его укрылись во храмъ Минервы; вызвали ихъ изъ сего убѣжища обѣщаніемъ
Въ 612 году до Р. Х. жизни, и тотчасъ предали ихъ смерти. Нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ закланы были на жертвенникахъ страшныхъ Эвменидъ.

Вопли негодованія возстали со всѣхъ сторонъ; проклинали вѣроломство побѣдителей; содрогались нечестія ихъ. Весь городъ

ожидалъ бѣдствій, мщеніемъ небесъ уготовляемыхъ. Среди всеобщаго смятенія получено извѣстіе, что городъ Нисея и островъ Саламинъ покорились оружію Мегарянъ.

За симъ печальнымъ извѣстіемъ послѣдовала вскорѣ заразительная болѣзнь. Умы, уже колеблемые, вдругъ объяты бывъ страхомъ неимовѣрнымъ, предавались мечтанію неисчетныхъ и страшныхъ привидѣній. Прорицатели и оракулы вопрошенные объявили, что городъ осквернившійся оскорбленіемъ святыхъ мѣстъ, долженствуетъ загладить преступленіе обрядами очищенія.

Эпименидъ.

Призвали изъ Крита Эпименида, почитавшагося въ то время мужемъ, имѣвшимъ сообщеніе съ богами, и будущее предузнававшимъ; а въ наше время человѣкомъ просвѣщеннымъ, буевѣрнымъ, способнымъ обольщать своими дарованіями, удивлять строгостію своихъ нравовъ; а паче искуснымъ толковать сновидѣнія и предзнаменованія самыя темныя; предвидѣть будущія приключенія изъ причинъ, долженствующихъ производить оныя. Критяне сказывали, что въ юности

еще своей объятъ онъ былъ въ пещерѣ глубокимъ сномъ, продолжавшимся сорокъ лѣтъ по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, а гораздо болѣе по мнѣнію другихъ; что по своемъ пробужденіи нашелъ онъ много перемѣнъ весьма удивительныхъ; что изгнанъ былъ изъ дому родительскаго яко обманщикъ: и что непрежде, какъ по самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствамъ, достигъ до того, что былъ познанъ. Изъ сего повѣствованія слѣдуетъ только то, что Эпименидъ препроводилъ первые годы юности своей въ мѣстахъ уединенныхъ, упражняясь въ испытаніи природы, приучая воображеніе свое къ восторгамъ пощеніями, безмолвіемъ и размышленіемъ, и не имѣя другаго любочестія, какъ познавать волю боговъ, дабы властвовать надъ волею человѣковъ. Успѣхъ превзошелъ его ожиданіе: мудростію и святостію достигъ онъ до такой славы, что во время всеобщихъ бѣдствій народы почитали блаженствомъ быть чрезъ него очищенными по тѣмъ священнымъ обрядамъ, которые въ рукахъ его, какъ чаяли, содѣлывались божеству благопріятнѣйшими.

Аѳины приняли его съ восхитительною надеждою и съ благоговѣніемъ. Онъ повелѣлъ соорудить новые храмы и новые жертвенники; при-

несши жершвы имъ самимъ избранныя; сопровождашь сїи жершвоприношенїя извѣсшными пѣснями; поелику онъ въ разговорахъ своихъ казался исполненъ бышь божесшвеннымъ вдохновенїемъ, що все усшупало сшремишельному его краснорѣчїю: воспользуясь своимъ преимущесшвомъ, учинилъ онъ перемѣны въ обрядахъ священныхъ; и въ семъ случаѣ можно почесшь его законодашелемъ Аѳинскимъ. Онъ сдѣлалъ сїи обряды не сшоль убышочными, уничшожилъ варварскїй обычай язвишь женамъ лице свое, провождая мершвыхъ къ могилѣ; и множесшвомъ полезныхъ учрежденїй сшарался привесши Аѳинянъ къ правиламъ единодушїя и правошы.

Довѣренносшь, кошорую онъ къ себѣ прїобрѣлъ, и время пошребное къ исполненїю его повелѣнїй, успокоили нечувсшвишельно сердца̀ человѣческїя. Призраки изчезли; Эпименидъ ошъѣхалъ, бывъ облеченъ славою и почшенъ сожалѣнїемъ ошъ всего народа; онъ ошрекся ошъ знашныхъ даровъ, и не шребовалъ себѣ ничего, кромѣ единой масличной вѣшьви, Минервѣ посвященной; а для Кносса ошечесшва своего, дружбы Аѳинянъ.

Вскорѣ по его ошшесшвїи, крамолы возобновились съ новою яросшїю, и сшоль-

далеко простерлись, что Аѳиняне увидѣли себя вдругъ въ такой бѣдственной крайности, въ которой не остается государству инаго способа, какъ погибнуть или предаться великому уму единаго человѣка.

Законодательство Солоново.

Около 594 г. до Р. Х. Общимъ согласїемъ Солонъ возведенъ былъ на степень перваго градоначальника, законодателя и верховнаго судїи. Убѣждали его вступить на престолъ; но какъ онъ видѣлъ, что не легко будетъ ему оный оставить, то противился какъ упрекамъ друзей своихъ, такъ и неотступнымъ прозьбамъ начальниковъ крамолъ и самой здравомыслящей части гражданъ.

Солонъ происходилъ отъ древнихъ Царей Аѳинскихъ. Во младости своей прилѣжалъ онъ къ торговлѣ, или для того, чтобы поправить домъ, разстроенный щедротами отца его, или чтобъ узнать нравы и законы другихъ народовъ. Приобрѣтши въ семъ промыслѣ довольно имѣнїя, которымъ избавился отъ всѣхъ нуждъ и отъ всѣхъ великодушныхъ вспоможенїй друзей своихъ,

странствовалъ онъ ужѐ для распространенія только своихъ познаній.

Сокровище просвѣщенія было тогда въ рукахъ нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ мужей, извѣстныхъ подъ именемъ мудрецовъ, жившихъ въ разныхъ странахъ Греціи. Человѣкъ составлялъ единственный предметъ ихъ ученія: что онъ есть, каковъ онъ долженъ быть, какъ должно его наставлять и управлять имъ. Они собирали малое число истиннъ нравственныхъ и политическихъ, и заключали ихъ въ изреченіяхъ довольно ясныхъ, чтобъ понимать ихъ при первомъ взглядѣ, въ довольно краткихъ, чтобъ онѣ были или казалися глубокомысленными. Каждый изъ нихъ избиралъ для себя преимущественно единое, которое служило ему изреченіемъ и правиломъ его поведенія." Во всемъ умѣренность, говаривалъ одинъ. Познавай самаго себя, говаривалъ другой.,, Сія краткость, которую Спартане соблюли въ своемъ слогѣ, находилась и въ отвѣтахъ, даваемыхъ нѣкогда мудрецами на частые вопросы Царей и людей частныхъ. Бывъ соединены дружбою, которая никогда славою ихъ не была колеблема, собирались они иногда во единое мѣсто, для

сообщенія другъ другу своихъ познаній, и чтобы заниматься дѣлами на пользу человѣчества.

Въ сихъ достопочтенныхъ собраніяхъ являлися Ѳалесъ Милетскій, который въ то время полагалъ основаніе любомудрія обширнѣйшаго, но можетъ быть не столь полезнаго; Питтакъ Митиленскій, Віасъ Пріенскій, Клеовулъ Линдскій, Мисонъ Хинейскій, Хилонъ Лакедемонскій, и Солонъ Аѳинскій изъ всѣхъ славнѣйшій. Узы родства и воспоминаніе мѣстъ рожденія моего, не позволяютъ мнѣ забыть Анахарсиса, котораго привлекла громкая слава ихъ изъ среды Скиѳіи, и котораго Греція, не смотря на зависть ея къ достоинству чужестранцевъ, помѣщаетъ иногда въ число мудрецовъ, которыми она превозносится.

Къ познаніямъ, какія Солонъ почерпнулъ изъ обращенія съ мудрецами, присоединялъ онъ отмѣнныя дарованія; при самомъ рожденіи имѣлъ онъ даръ стихотворства, въ которомъ упражнялся до глубокой старости своей, но всегда безъ напряженія и тщеславія. Первые его опыты состояли въ сочиненіяхъ забавныхъ. Но въ другихъ его писаніяхъ находятся имны въ честь боговъ, разныя мысли къ оправданію его законода-

тельства, увѣщанія или упреки Аѳинянамъ; почти вездѣ чистое нравоученіе и красоты, изъявляющія великій его умъ. Въ послѣднія времена жизни своей, зная совершенно преданія Египетскія, предпріялъ онъ описать въ поэмѣ перемѣны, случившіяся на земномъ шарѣ, такъ же и брани Аѳинянъ противу жителей острова Атлантическаго, лежавшаго по ту сторону столповъ Иракловыхъ, и потомъ волнами поглощеннаго. Естьли бы онъ, будучи свободенъ отъ всѣхъ другихъ попеченій, и въ лѣтахъ не столь престарѣлыхъ занялся симъ предметомъ, столь способнымъ къ возвышенію его воображенія, то раздѣлилъ бы онъ можетъ быть славу съ Омиромъ и Исїодомъ.

Можно его укорять тѣмъ, что онъ не ненавидѣлъ богатства, хотя и не былъ жаденъ къ пріобрѣтенію онаго; что онъ иногда отваживался давать о сладострастіи правила мало достойныя любомудрца; что онъ не показывалъ въ поведеніи своемъ строгости нравовъ, столь приличной мужу образующему народъ. Кажется, что кроткое и снисходительное его свойство опредѣляло ему провождать жизнь спокойную въ нѣдрахъ наукъ и благопристойныхъ удовольствій.

Должно однакожъ признаться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ показывалъ онъ твердость и постоянство. Онъ возбудилъ Аѳинянъ возвратить островъ Саламинъ, не смотря на грозное запрещеніе учиненное отъ нихъ витіямъ своимъ не предлагать о завоеваніи онаго; и паче всего, ознаменовалося превосходное въ немъ мужество первымъ дѣломъ, которое произвелъ онъ своимъ самовластіемъ, когда содѣлался главою республики.

Бѣдные, вознамѣрясь отважиться на все, для избавленія себя отъ угнѣтенія, съ великимъ воплемъ требовали о уничтоженіи долговъ и о новомъ раздѣлѣ земель. Богатые противились, съ такимъ же жаромъ, требованіямъ, которыя смѣшали бы ихъ съ чернію, и которыя, по мнѣнію ихъ, низпровергли бы непремѣнно государство. Въ сей крайности Солонъ уничтожилъ долги частныхъ людей, отрѣшилъ всѣ записи, касающіяся до свободы гражданина, и отказалъ въ раздѣленіи земель. Богатые и бѣдные думали, что они все потеряли, потому что они не все получили; но когда первые увидѣли себя спокойными обладателями имѣнія, или отъ отцевъ полученнаго, или самими ими стяжаннаго;

когда вторые избавились навсегда отъ страха рабства, увидѣли малыя свои достоянія освобожденными отъ всякой неволи; наконецъ, когда увидѣли, что промышленность возраждалась, довѣріе возстановлялось, и когда множество несчастныхъ гражданъ, удалившихся изъ отечества по причинѣ жестокости ихъ заимодавцевъ, возвратилось; тогда роптанія замѣнились чувствіями благодарности; и народъ, пораженный мудростію своего законодателя, присовокупилъ новыя могущества ко власти, ему уже ввѣренной.

Солонъ воспользовался симъ, дабы разсмотрѣть законы Драконовы, которыхъ уничтоженія требовали Аѳиняне. Касающіеся до человѣкоубійства осталися въ цѣлости. Слѣдуютъ онымъ и по нынѣ въ судилищахъ, гдѣ имя Драконово произносится съ почтеніемъ, должнымъ благотворителю рода человѣческаго.

Солонъ, ободренный успѣхомъ, довершилъ сочиненіе своего законодательства. Въ немъ опредѣляетъ онъ во первыхъ образъ правленія; потомъ предлагаетъ законы, долженствующіе обезпечить спокойствіе гражданъ. Въ первой части имѣлъ онъ правиломъ, установить единое равенство, которое въ

республикѣ должно существовать между разными членами государства. Во второй помѣстилъ онъ сїе другое правило, что наилучшее правленїе есть то, въ которомъ находится мудрое раздѣленїе наказанїй и награжденїй.

Солонъ, предпочитая республиканское правленїе всякому другому, занялся тотчасъ тремя существенными предметами: собранїемъ народа, избранїемъ начальствующихъ и судилищъ правосудїя.

Положено было, чтобъ высочайшая власть предоставлена была собранїямъ, въ которыхъ бы всѣ граждане имѣли право присутствовать, и чтобы въ оныхъ опредѣлялось о мирѣ, о войнѣ, о союзахъ, о законахъ, о податяхъ и о всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

Но въ какомъ бы положенїи находились сїи дѣла въ рукахъ народа легкомысленнаго и невѣжественнаго, который забываетъ то, чего должно желать во время сужденїй, и то, чего желалъ послѣ оныхъ сужденїи? Для управленїя народомъ въ его сужденїяхъ, учредилъ Солонъ Сенатъ изъ 400 особъ, избираемыхъ изъ четырехъ народныхъ колѣнъ, составлявшихъ тогда всѣхъ гражданъ Аттики. Сїи четы-

реста человѣкЪ были яко уполномоченные или повѣренные отЪ народа. Положено было, чтобЪ имЪ предлагаемы были напередЪ дѣла, о которыхЪ народЪ рѣшить долженствовалЪ, и чтобы они, по надлежащемЪ изслѣдованiи и разсмотрѣнiи, предлагали потомЪ сами сiи дѣла общему собранiю; оттуда произшелЪ сей основательный законЪ: всякой народной приговорЪ долженЪ быть утвержденЪ опредѣленiемЪ Сената.

Поелику всѣ граждане имѣютЪ право присутствовать вЪ собранiи, то они и должны имѣть право подавать свои голоса. Но можно было опасаться, чтобы послѣ учиненнаго предложенiя Сенатскаго , неопытные люди не овладѣли внезапно OраторскимЪ мѣстомЪ и не склонили бы на свою сторону весь народЪ. Сего ради надлежало приготовить напередЪ первыя впечатлѣнiя, которыя онЪ получить долженствовалЪ; положено было, чтобы первоподающiе мнѣнiя свои имѣли болѣе пятидесяти лѣтЪ отЪ роду.

ВЪ нѣкоторыхЪ республикахЪ проявлялисЪ такiе мужи,которые посвящали себя должности Oраторской, и опытность научила, что голосЪ ихЪ часто болѣе уважался вЪ народныхЪ собранiяхЪ, нежели гласЪ законовЪ. Необходимость

требовала, чтобЪ оградить себя противЪ краснорѣчія; и думали, что честность ихЪ была достаточнымЪ ручательствомЪ вЪ употребленіи ихЪ дарованій. Узаконено было, чтобЪ никакій витія не мѣшался вЪ народныя дѣла, не подвергнувшись напередЪ испытанію вЪ своемЪ поведеніи; и позволялось каждому гражданину, жаловаться вЪ судѣ на того витію, который бы нашелЪ способЪ скрыть безпорядочные нравы свои отЪ строгости сего изслѣдованія.

ОпредѣливЪ образЪ, какЪ высочайшая власть долженствовала изъявлять свою волю, надлежало избрать начальниковЪ для исполненія оныя. Кому принадлежитЪ право назначать сіи начальства? какимЪ особамЪ? какЪ? на какое время? и сЪ какими ограниченіями? О всѣхЪ сихЪ статьяхЪ учрежденія Солоновы, по видимому, соотвѣтствуютЪ духу мудраго народоправленія.

ВЪ семЪ правленіи имѣютЪ начальства толь важныя должности, что онѣ только даются верховною особою. Естьли бы народЪ не имѣлЪ права, поколику онЪ его имѣть можетЪ, наблюдать за ихЪ исполненіемЪ, тогда былЪ бы онЪ рабомЪ и слѣдовательно врагомЪ государства. Сего ради СолонЪ предо-

ставилъ власть общему собранію избирать и требовать отчета въ ихъ управленіи.

Во многихъ Греческихъ народоправленіяхъ, могутъ всѣ граждане даже и самобѣднѣйшіе, искать сихъ начальствъ. Солонъ почелъ гораздо приличнѣе оставить сіе право однимъ богатымъ, кои онымъ пользовались и прежде. Онъ раздѣлилъ Аттическихъ гражданъ на четыре степени: записываемы были въ первую, во вторую, въ третію тѣ изъ гражданъ, которые получали дохода съ наслѣдства пять сотъ, триста, двѣсти мѣръ хлѣба или масла. Прочіе граждане большею частію бѣдные и невѣжды включены были въ четвертую степень и отдалены отъ государственныхъ должностей. Естьли бы они имѣли надежду получать оныя, то менѣе бы уважали ихъ; и когда бы дѣйствительно ихъ достигали, то чего бы отъ нихъ ожидать можно было?

Для народоправленія необходимо нужно, чтобъ начальства раздавались только на нѣкоторое время, и чтобы по крайней мѣрѣ тѣ мѣста, кои не требуютъ нѣкоторой степени просвѣщенія, давались по жребію. Солонъ узаконилъ раздавать оныя ежегодно; чтобы главнѣйшія должности назначаемы

были посредствомъ избранія, какъ то сіе всегда бывало, а прочія по жребію.

Наконецъ, когда девятеро главныхъ начальниковъ въ достоинствѣ Архонтовъ имѣли предсѣданіе въ тѣхъ судилищахъ, гдѣ разбирались спорныя дѣла гражданъ; то надлежало опасаться, чтобъ власть ихъ не предоставляла имъ излишняго вліянія на народъ. Солонъ опредѣлилъ, чтобъ на ихъ рѣшеніе можно было жаловаться въ вышнихъ судахъ.

Оставалось только сіи суды наполнить. Мы видѣли, что послѣдняя и многочисленнѣйшая степень гражданъ не могла участвовать въ правленіи. Такое исключеніе, въ народномъ государствѣ всегда уничижительное, было бы весьма опасно, если бы граждане, до коихъ бы сіе касалось, не получили напротивъ нѣкотораго удовлетворенія, когда бы они разбирательство дѣлъ и правъ своихъ видѣли въ рукахъ богатыхъ людей. Солонъ установилъ, чтобъ всѣ, безъ различія, являлись для занятія судейскихъ мѣстъ, и чтобъ избраніе между ими было по жребію.

Сіи установленія, весьма нужныя къ поддержанію нѣкотораго равновѣсія между разными степенями гражданъ, надлежало, для вящшаго ихъ утвержденія, ввѣрить въ сохра-

неніе такому собранію, коего мѣста были бы непремѣнныя, которое не имѣло бы участія въ государственномъ правленіи, и могло бы напечатлѣвать въ умахъ высокое мнѣніе о своей мудрости. Аѳины имѣли въ Ареопагѣ такое судилище, которое пріобрѣло себѣ просвѣщеніемъ и безпристрастіемъ своимъ довѣренность и любовь народовъ. Солонъ, препоручивъ оному надзираніе за соблюденіемъ законовъ и нравовъ, поставилъ его яко верховную власть, которая бы содержала безпрестанно народъ въ начальныхъ основаніяхъ постановленія, а частныхъ людей въ правилахъ благопристойности и обязанности. Для приданія ему вящшаго почтенія и для доставленія ему основательнаго познанія о пользахъ Республики, предписалъ, чтобъ Архонты, оставившіе свои мѣста, по строгомъ испытаніи, вписываемы были въ число Сенаторовъ.

Такимъ образомъ Сенатъ Ареопагскій, и другій состоявшій изъ четырехъ сотъ членовъ, содѣлались двумя довольно сильными противовѣсіями, защищающими Республику отъ угрожающихъ государствамъ бурь. Перьвый обуздывалъ общимъ своимъ назираніемъ замыслы богатыхъ; вторый останавливалъ

опредѣленіями своими и присутствіемъ своимъ необузданность простаго народа.

Новые законы подкрѣпляли сіи распоряженія. Постановленіе могло быть поколебано, либо всеобщими крамолами, которыя столь давно возмущали различные чины государства, или любочестіемъ и происками частныхъ людей.

Для предупрежденія сихъ опасностей, Солонъ назначилъ наказанія тѣмъ гражданамъ, кои во время смятенія не объявятъ себя откровенно, какой они держатся стороны. Цѣль его при семъ удивительномъ учрежденіи была такая, чтобъ отвлечь частныхъ гражданъ отъ пагубной недѣятельности, оставить ихъ посреди мятежниковъ, и спасти Республику мужествомъ и превосходствомъ добродѣтели.

Вторый законъ осуждаетъ такого гражданина на смерть, который изобличился въ умыслѣ присвоенія себѣ верховной власти.

Наконецъ, въ такомъ случаѣ, когда бы другое какое либо правленіе на развалинахъ народнаго правленія возникать начало, усматриваетъ онъ только одинъ способъ къ пробужденію народа, т. е. обязать всѣхъ судей отказаться отъ своихъ должностей; отъ сего

происходитъ сей страшный законъ: „позволяется каждому гражданину лишить живота не только тиранна и его единомышленниковъ, но и каждаго градоначальника, который, по разрушенiи народоправленiя, должности свои продолжать еще будетъ.„

Се есть краткое начертанiе Солоновой республики. Съ такою же краткостiю сообщу я обозрѣнiе о его гражданскихъ и уголовныхъ законахъ.

Я сказалъ уже, что Драконовы законы о человѣкоубiйствѣ соблюдены безъ малѣйшей перемѣны. Прочiе Солонъ отмѣнилъ, или паче удовольствовался тѣмъ, что смягчилъ ихъ суровость, слилъ ихъ со своими и примѣнилъ къ свойству Аѳинянъ. Во всѣхъ законахъ смотрѣлъ онъ болѣе на общее благо республики, нежели на пользу частныхъ людей.

И такъ по его правиламъ, которыя съ правилами просвѣщеннѣйшихъ любомудрцевъ согласуютъ, 1) гражданинъ долженъ почитаемъ быть въ особѣ своей, яко членъ государства; 2) во всѣхъ своихъ обязанностяхъ, яко принадлежащiй къ единому семейству, которое само принадлежитъ государству; 3) въ

поведенiи своемъ, яко членъ общества, коего нравы составляютъ силу государства.

1.) Въ первомъ видѣ можетъ гражданинъ требовать надлежащаго удовлетворенiя, когда онъ личную претерпѣлъ обиду. Но ежели онъ крайнѣ бѣденъ, то какимъ образомъ возможетъ онъ положить въ залогъ число денегъ, которое требуется напередъ отъ доносителя? таковый освобождается отъ сего законами. Но естьли рожденъ онъ въ низкомъ состоянiи, тожто защититъ его отъ богатаго и сильнаго? Всѣ защитники народоправленiя; всѣ тѣ, коихъ правота, польза, зависть или мщенiе содѣлываютъ врагомъ начинщика; всѣ уполномочиваются къ сему слѣдующимъ преизящнымъ закономъ: „естьли кто обидитъ ребенка, женщину, свободнаго человѣка, или раба, то позволяется каждому Аѳинянину просить на того въ судѣ.„ Такимъ образомъ жалоба будетъ явна, и обида учиненная самомалѣйшему гражданину, накажется аки преступленiе противу государства. Сiе основывается на семъ положенiи:„ насилiе есть удѣлъ только нѣкоторыхъ; но законъ есть защита всѣхъ.„ Сiе такъ же основывается и на другомъ Солоновомъ правилѣ: „не было бы никакой неспра-

ведливости въ городѣ, естьли бы всѣ граждане столько же ея не навидѣли, сколько и тѣ, кои ее претерпѣваютъ. „

Свобода гражданина столь драгоцѣнна, что законы одни могутъ остановить употребленіе ея на нѣкоторое время; что онъ самъ не можетъ ее заложить ни за долги, ниже подъ какимъ либо другимъ видомъ, и что не имѣетъ онъ права располагать свободою своихъ сыновей. Законодатель позволяетъ ему продать дочь свою или сестру свою, но только въ такомъ случаѣ, естьли онъ, имѣя надзираніе за ихъ поведеніемъ, усмотритъ позорныя ихъ дѣла.

Когда Аѳинянинъ покусится на самоубійство, то онъ есть преступникъ противу государства, котораго лишаетъ гражданина. Хоронятъ руку его особо, и сіе обстоятельство служитъ посрамленіемъ. Но буде содѣлался бы онъ отцеубійцемъ, то какое было бы ему наказаніе, законами предписанное? Они умалчиваютъ о семъ злодѣяніи. Дабы болѣе къ оному внушить ужаса, Солонъ предполагалъ, что отцеубійство не принадлежитъ къ дѣламъ возможнымъ.

Гражданинъ имѣлъ бы только несовершенную вольность, естьли бы честь его

нарушалась не наказанно. Для сего узаконены наказанія противу клеветниковъ, и позволено жаловаться на нихъ въ судѣ; для сего же запрещено безчестить память умершаго. Кромѣ того, что не свойственно мудрой политикѣ увѣковѣчивать ненависть между семействъ, несправедливо то, чтобъ человѣкъ, по смерти своей, предаваемъ былъ поруганіямъ, которыя, при жизнѣ своей, могъ бы онъ отразить.

Гражданинъ не есть властелинъ своей чести, поелику онъ не властелинъ жизни своей. Оттуда то происходятъ сіи законы, которые, въ разныхъ случаяхъ, лишаютъ того гражданскихъ преимуществъ, кто себя обезчеститъ.

Въ другихъ областяхъ толико устрашаетъ гражданъ послѣднихъ степеней низкость состоянія, сила соперниковъ, медлѣнность судопроизводствъ, и сопряженныя съ ними опасности, что часто для нихъ выгоднѣе сносить угнетѣнія, нежели искать защиты отъ онаго.

Солоновы законы предлагаютъ многія средства къ защищенію себя отъ насилія или неправосудія. Коснется ли дѣло на примѣръ до татьбы, ты можешь самъ вино-

вашаго вести къ одиннадцати начальникамъ, имѣющимъ надзиранïе надъ темницами. Они заключатъ его въ оковы и отведутъ потомъ предъ судилище, которое осудитъ тебя заплатить пѣню, когда не докажешь преступленïя. Естьли ты недовольно силенъ взять виноватаго, прибѣгни къ Архонтамъ, которые прикажутъ своимъ Ликторамъ отвести его въ темницу. Хощешь ли поступить иначе? проси на него явно. Опасаешься ли ты проиграть сей искъ и заплатить тысячу драхмъ пѣни? жалуйся на него третейскому суду; тогда тяжба будетъ гражданская, и бояться тебѣ нѣчего. Такимъ образомъ умножилъ Солонъ силы каждаго частнаго человѣка такъ, что нѣтъ почти никакаго угнѣтенïя, котораго бы не можно было легко одолѣть.

Много находится преступленïй, нарушающихъ безопасность гражданина, на которыя можно приносить частную или общую жалобу. Въ перьвомъ случаѣ почитаетъ себя обиженный частнымъ человѣкомъ и требуетъ только возмездïя соразмѣрнаго частнымъ обидамъ; во второмъ случаѣ предстаетъ онъ, яко гражданинъ, и преступленïе бываетъ важнѣе. Солонъ споспѣшест-

вовалъ общимъ жалобамъ, поелику онѣ въ народоправленіи нужнѣе, нежели въ какомъ либо другомъ правленіи. Безъ сея страшныя узды всеобщая вольность подвергалась бы непрестанно опасности вольностію каждаго частнаго человѣка.

2) Посмотримъ теперь, какія суть должности гражданина въ большей части обязанностей, ему предписанныхъ.

Въ благоучрежденной республикѣ, число жителей должно быть ни слишкомъ велико, ни слишкомъ мало. Опытность показала, что число способныхъ къ военной службѣ должно здѣсь быть не свыше и не ниже 20000.

Для наблюденія надлежащей соразмѣрности, Солонъ, между прочими средствами, не иначе дозволяетъ принимать въ гражданство чужестранца какъ съ условіями, къ исполненію весьма трудными. Но дабы съ другой стороны воспрепятствовать вымиранію поколѣній, предписываетъ онъ, чтобы родоначальники оныхъ, по смерти своей, замѣняли себя законными или усыновленными дѣтьми; и въ случаѣ, когда частный человѣкъ умретъ безъ наслѣдниковъ, тогда судебнымъ порядкомъ заступаетъ мѣсто умершаго одинъ изъ его не законнорожденныхъ наслѣдниковъ,

которой бы принялъ его имя и продолжилъ бы родъ его въ потомство.

Начальство, пекущееся о томъ, чтобъ не вымирали домы, то есть не были бы безъ родоначальниковъ, должно распространять попеченіе свое, и покровительство законовъ на сиротъ; на женъ, которыя по смерти мужей своихъ объявляютъ беременность свою; такъ же на дщерей, которыя, не имѣя братьевъ, вступаютъ въ право принимать наслѣдіе родителей своихъ.

Приметъ ли кого гражданинъ вмѣсто сына? то сей можетъ когда нибудь возвратиться въ домъ отца своего; но долженъ онъ въ томъ домѣ, куда былъ принятъ, оставить сына, который бы выполнилъ намѣреніе усыновленія. Такъ же и сей сынъ можетъ опять оставить сей домъ, естьли замѣнитъ онъ мѣсто свое роднымъ или принятымъ сыномъ.

Недовольно было еще сихъ предосторожностей. Нить племени можетъ прерваться раздорами и злобою между супругами. Разводъ позволяется, но только съ извѣстными условіями. Ежели мужъ потребуетъ развода, то повиненъ возвратить женѣ приданое, или платить по крайней мѣ-

рѣ положенное законами жалованье на пропитаніе. Естьли же просить будетъ о томъ жена, то должна сама явиться предъ судей и подать имъ свою прозьбу.

Для народоправленія необходимо нужно, чтобы не только поколѣнія не пресѣкались; но чтобъ и имущества не находились въ рукахъ малаго числа частныхъ людей. Ежели онѣ раздѣлены въ извѣстной соразмѣрности, то народъ, яко владѣлецъ нѣсколькихъ участковъ земли, будетъ болѣе оными, нежели площадными ссорами, заниматься. Отъ того произощли запрещенія нѣкоторыхъ законодавцевъ, продавать недвижимыя имѣнія, развѣ въ случаѣ крайней необходимости, или закладывать оныя, развѣ чтобъ помочь себѣ въ нуждѣ. Нарушенія сего правила довольно было иногда къ разрушенію государственнаго учрежденія.

Солонъ не отступилъ отъ онаго; онъ предписалъ предѣлы новымъ пріобрѣтеніямъ, которыя частный человѣкъ можетъ себѣ сдѣлать; онъ отнялъ у гражданина безразсудно расточившаго наслѣдство родителей своихъ, часть правъ его.

Аѳинянинъ, имѣющій дѣтей, не можетъ инако располагать имѣніемъ своимъ, какъ въ

пользу ихъ. Есть ли же не имѣетъ ихъ и умретъ безъ завѣщанія, то наслѣдство идетъ по праву къ тѣмъ, съ которыми его родство ближае соединяло. Буде оставитъ онъ наслѣдницею имѣнія своего единую дочь, то долженъ жениться на ней ближайшій родственникъ; но онъ долженъ просить объ ней судебнымъ порядкомъ, дабы послѣ никто не могъ оспоривать сей принадлежности. Права ближайшаго родственника толико дѣйствительны, что ежели бы одна изъ его родственницъ, съ Аѳинянином законно сопряженная, вступила въ наслѣдство умершаго отца своего, не оставившаго по себѣ дѣтей мужескаго пола; то имѣлъ бы онъ право бракъ сей уничтожить и принудить ее сочетаться съ нимъ.

Но ежели сей супругъ не въ состояніи имѣть дѣтей, то нарушаетъ онъ тотъ законъ, который печется о продолженіи поколѣній въ потомство; онъ употребляетъ во зло законъ, долженствующій соблюдать семейственныя имѣнія. Въ наказаніе сего сугубаго преступленія позволяетъ Солонъ женѣ вступить въ супружество съ ближайшимъ родственникомъ ея мужа.

По такому же основанію, можетъ си-

рота, единственная дочь или старшая между сестрами своими, когда не имѣетъ она имущества, принудить ближайшаго родственника на ней жениться, или дать ей приданое; ежели же отречется, то долженъ Архонтъ принудить его къ тому, буде не желаетъ самъ заплатить пѣни тысячи драхмъ. Въ слѣдствіе такъ же сихъ правилъ не можетъ, съ одной стороны, быть опекуномъ законный наслѣдникъ, и опекунъ не можетъ жениться на матери малолѣтныхъ, подъ его опекою находящихся; съ другой же стороны, можетъ жениться братъ на сведеной сестрѣ, но не на единоутробной. Ибо надлежало бы опасаться, чтобы корыстолюбивый опекунъ, или ненавистная мать не обратили въ пользу свою имѣнія своихъ малолѣтныхъ, и такъ же, чтобъ братъ не присвоилъ себѣ, посредствомъ брака съ сестрою своею единоутробною, наслѣдства отца своего, и притомъ имѣнія перваго мужа матери своей.

Всѣ учрежденія Солоновы о наслѣдствахъ, о завѣщаніяхъ, о даяніяхъ, сдѣланы въ такомъ же разумѣ. Между тѣмъ должны мы остановиться нѣсколько на томъ учрежденіи, которымъ дозволяетъ онъ гражданину, умирающему безъ дѣтей, поступать съ иму-

ществомъ своимъ по волѣ своей. Любомудрецы возставали и можетъ быть впредь возставать будутъ противъ такаго закона, который противнымъ кажется основанiямъ законодателя: другiе оправдываютъ его, какъ въ разсужденiи присовокупленныхъ имъ ограниченiй, такъ и ради предположенной его цѣли. Онъ требуетъ именно, чтобъ завѣщатель не былъ обремененъ ни старостiю, ни болѣзнiю; чтобы не былъ обольщенъ убѣжденiями жены своей; чтобъ не содержался онъ въ оковахъ, чтобъ разумъ его не подавалъ ни малѣйшаго знака своего поврежденiя. Не вѣроятно, чтобы завѣщатель при такихъ обстоятельствахъ искалъ себѣ наслѣдника въ другомъ семействѣ, естьли онъ не имѣетъ причины жаловаться на свое собственное? И такъ для возбужденiя родственниковъ ко взаимному попеченiю и вниманiю доставилъ Солонъ гражданамъ власть, которой они до того не имѣли, которую они съ радостiю приняли и которую употреблять во зло было бы не сходно съ природою. Надлежитъ присовокупить еще, что Аѳинянинъ, назначающiй наслѣдникомъ чужестранца, долженъ въ тоже время его усыновить.

Египтяне имѣютъ такой законъ, по которому каждый долженъ дать отчетъ о своемъ имуществѣ и о доходахъ своихъ. Сей законъ гораздо полезнѣе въ народоправленіи, гдѣ народъ не долженъ быть ни празднымъ, ни искать содержанія своего непозволенными средствами: и еще необходимѣе онъ въ такой области, гдѣ безплодіе земли можетъ вознаграждено быть трудомъ и раченіемъ. Отъ сего происходятъ узаконенія, которыми Солонъ посрамляетъ безславіемъ праздность; повелѣваетъ Ареопагу изслѣдовать, чѣмъ живутъ частные люди въ государствѣ; позволяетъ всѣмъ имъ упражняться въ рукодѣліяхъ, и того, кто сына своего не научитъ какому нибудь ремеслу, лишаетъ вспоможенія, котораго долженствовалъ бы ожидать отъ него въ старости своей.

3) Остается только упомянуть о нѣкоторыхъ установленіяхъ, относящихся особенно до нравовъ.

Солонъ по примѣру Дракона, издалъ множество законовъ о должностяхъ гражданъ, а особливо о воспитаніи юношества. Онъ все предусматриваетъ въ нихъ; все въ нихъ опредѣляетъ: возрастъ, когда дѣти должны получать общенародныя настав-

ленія, свойства учителей, ихъ обучающихъ; свойства надзирателей, ихъ провождающихъ; часы, когда училища отворяются и запираются. Поелику въ сихъ мѣстахъ должна царствовать невинность, то да накажется смертію, присовокупляетъ онъ, всякой тотъ человѣкъ, который дерзнетъ войти безъ нужды во святилище, гдѣ собраны дѣти, и да надзираетъ единое изъ судилищъ за наблюденіемъ сихъ уставовъ.

Вышедъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, вступаютъ они въ гимназію. Здѣсь должно продолжаться дѣйствіе законовъ, служащихъ къ соблюденію чистоты нравовъ ихъ, къ сохраненію отъ заразы примѣра и отъ опасностей прельщенія.

Въ различныхъ возрастахъ жизни ихъ слѣдуютъ стремительно новыя страсти въ сердца ихъ. Законодатель умножилъ угрозы и наказанія; онъ назначаетъ добродѣтелямъ награды, а порокамъ безчестіе.

Тако должны воспитываться на иждивеніи всеобщемъ дѣти умирающихъ съ оружіемъ въ рукѣ; такимъ образомъ назначаться будутъ вѣнцы торжественно тѣмъ, которые оказали отечеству услуги.

Напротивъ того, гражданинъ, ославившійся развратностію нравовъ своихъ, какаго бы

состоянія онъ ни былъ, какое бы дарованіе ни имѣлъ, отрѣшается отъ священства, государственныхъ служеній, отъ сената, отъ общаго собранія. Онъ не можетъ быть ни народнымъ витіею, ни посломъ, ни засѣдать въ судилищахъ, и ежели онъ приметъ какую нибудь изъ сихъ должностей, то сужденъ будетъ яко преступникъ и накажется строго по закону.

Трусость, подъ какимъ бы образомъ она ни являлась, уклоненіемъ ли отъ военной службы или подлымъ дѣяніемъ измѣны, не можетъ извиниться никакимъ саномъ виноватаго, ни подъ какимъ видомъ; она должна наказана быть не только общимъ презрѣніемъ, но явнымъ обличеніемъ, которое гражданина научаетъ закономъ налагаемаго безчестія страшиться, еще болѣе нежели непріятельскаго меча.

Законы запрещаютъ мужьямъ всякой родъ убранства и роскоши; они содержатъ имѣющихъ великое вліяніе на нравы въ границахъ цѣломудрія; они обязываютъ сына пропитать родителей своихъ въ старости ихъ. Но дѣти, рожденныя отъ непотребной женщины, не имѣютъ сего долга въ разсужденіи

отца своего; ибо они одолжены ему только постыднымъ своимъ рожденіемъ.

Для подкрѣпленія нравовъ потребны примѣры; и сіи примѣры должны преподаваться отъ тѣхъ мужей, которые служатъ начальниками въ правленіи; чѣмъ свыше ниспадаютъ примѣры, тѣмъ глубочайшее они содѣлываютъ впечатлѣніе. Развращеніе низшихъ гражданъ легко можетъ быть обуздано, и остаться только въ подломъ состояніи; ибо развращеніе не восходитъ никогда отъ низкой степени до высшей. Но когда дерзнетъ оно овладѣть тѣми мѣстами, гдѣ пребываетъ власть; то низвергается оно оттуда съ бо́льшею силою, нежели съ какою сами законы дѣйствуютъ. Не опасасались бы утверждать, что нравы народа зависятъ единственно отъ нравовъ его Государя.

Солонъ удостовѣренъ былъ, что благопристойность и святость столь же весьма необходима для народоправленія, какъ и для служенія при жертвенникахъ. Отъ того то произошли испытанія, клятвенныя обѣщанія, отчеты требуемые отъ тѣхъ, которые имѣютъ или уже имѣли какую либо власть. Отъ сего то произошло его правило, что

правосудіе должно исполняться не такъ скоро противъ проступковъ частныхъ людей, но немедленно противъ проступковъ мужей, находящихся при должностяхъ; отъ того то произошелъ ужасный законъ, осуждающій на смерть Архонта, который потерявъ при пиршествѣ разумъ, дерзнетъ народу показаться со знаками своего достоинства.

Наконецъ естьли розсмотрятъ, что надзираніе нравовъ препоручено было судилищу, коего строгое поведеніе было уже сильнѣйшимъ надзираніемъ, то совершенно увидятъ, что Солонъ почиталъ нравы наитвердѣйшею подпорою законодательства.

Такова была всеобщая система Солона. Гражданскіе и уголовные его законы почитаемы были отъ Аѳинянъ оракулами, а отъ другихъ народовъ примѣрами. Многія Греческія правленія поставляли себѣ долгомъ принять оныя у себя; и изъ самыхъ нѣдръ Италіи, искали въ нихъ Римляне, утомленные своими распрями, помощи своей. Когда обстоятельства могутъ правительство убѣдить къ умѣренію нѣкоторыхъ своихъ законовъ, то буду говорить послѣ о предосторожностяхъ, взятыхъ Солономъ для

введенія необходимыхъ перемѣнъ, и для избѣжанія перемѣнъ опасныхъ.

Образъ правленія, имъ учрежденнаго, рязнствуетъ существенно отъ того, которому слѣдуютъ нынѣ. Должно ли сію чудную перемѣну приписать недостаткамъ, сопряженнымъ съ самимъ установленіемъ? Надлежитъ ли относить оную къ происшествіямъ, которыхъ не можно было предвидѣть? Принявъ за основаніе свѣдѣнія, полученныя мною изъ обращенія со многими просвѣщенными Аѳинянами, я приму смѣлость сдѣлать нѣкоторыя разсужденія о семъ столь важномъ предметѣ: но сему небольшому изслѣдованію должна предшествовать исторія перемѣнъ, происшедшихъ въ государствѣ со времени Солона до нашествія Персовъ.

Солоновы законы долженствовали сохранить силу свою только одно столѣтіе. Онъ опредѣлилъ сіе время для того, чтобъ не возмутить Аѳинянъ прозрѣніемъ вѣчнаго ига. Когда Сенаторы, Архонты, народъ клятвенно обязались содержать ихъ, то начертаны были они на разныхъ сторонахъ многихъ деревянныхъ столповъ, которые сначала поставлены были въ замкѣ. Они досязали отъ пола до крыши зданія, въ которомъ они на-

ходились; и поелику столпы сіи весьма удобно могли быть повертываемы, то представляли взору зрителей по порядку все уложеніе законовъ. Потомъ перенесли ихъ въ Пританей и въ другія мѣста, гдѣ позволено и легко было каждому человѣку справляться съ сими драгоцѣнными правами Аѳинской вольности.

По довольномъ объ нихъ сужденіи Аѳинянъ, Солонъ окруженъ былъ толпою докучливыхъ людей, которые обременяли его вопросами, совѣтами, похвалами, или упреками. Одни требовали отъ него изъясненія на нѣкоторые законы, кои по мнѣнію ихъ, подлежали разнымъ толкованіямъ; другіе представляли ему статьи, которыя надлежало прибавить, передѣлать или уничтожить. Солонъ истощивъ всѣ средства терпѣнія и кротости, уразумѣлъ, что единое время можетъ утвердить его твореніе. Выпросивъ позволеніе отлучиться на десять лѣтъ, и обязавъ Аѳинянъ торжественною клятвою не перемѣнять ничего въ законахъ его, до его возвращенія, Солонъ оставилъ Аѳины.

Въ Египтѣ посѣщалъ онъ жрецовъ, мнящихъ имѣть въ рукахъ своихъ лѣтописи міра; а какъ онъ превозносился нѣкогда предъ ними древними Греческими преданіями, то сказалъ

ему одинъ изъ сихъ жрецовъ съ важнымъ видомъ: „Солонъ! Солонъ! вы Греки весьма еще „молоды. Время не убѣлило еще вашихъ знаній „сѣдиною.„ Въ Критѣ имѣлъ онъ честь наставлять въ наукѣ правленія Государя небольшей области и назвать своимъ именемъ тотъ городъ, который содѣлалъ онъ счастливымъ.

При возвращеніи своемъ, нашелъ онъ Аѳинянъ близкихъ къ безначалію. Три стороны, которыя отъ толь давнаго времени раздирали республику, казались, во время его законодательства отлагающими только ненависть свою для того, дабы съ вящшею силою изрыгнуть оную въ его отсутствіе. Они согласны были въ одномъ только, то есть, что желали перемѣны въ постановленіи, бывъ побуждаемы къ тому не инымъ чѣмъ, какъ тайнымъ беспокойствіемъ, и не имѣя инаго намѣренія, кромѣ сомнительной надежды.

Солонъ принятый съ отличными почестьми, хотѣлъ воспользоваться сими приятными расположеніями, чтобъ укротить столь часто возраждающіеся раздоры. Сначала думалъ онъ, что будетъ подкрѣпляемъ Писистратомъ, который былъ начальникомъ крамольнаго народа, и который ревнуя подъ видомъ поборника равенства между гражданами, явно

ополчался противъ всякихъ новостей, могущихъ оное разрушить. Но вскоръ примътилъ онъ, что сей тонкїй политикъ, подъ притворною умъренностїю, неограниченное скрывалъ любочестїе.

Писистратъ.

Никогда человъкъ не соединялъ въ себъ болъе ръдкихъ дарованїй могущихъ плънять умы. Знаменитый родъ, великїя богатства, отличная и многократно испытанная храбрость, величавый видъ, убъдительное красноръчїе, которому звукъ голоса новыя придавалъ прелести; разумъ, украшенный прiятностями, которыми надъляетъ природа, и снабдънный знанїями, ученїемъ прiобрътаемыми; никогда человъкъ не былъ такимъ властелиномъ своихъ страстей и не умълъ болъе приводить въ уваженїе дъйствительныхъ и мнимыхъ своихъ добродътелей. Успъхи его доказали, что въ предпрїятїяхъ медлъннаго исполненїя, ничто не даетъ больше превосходства, какъ кротость и гибкость свойства.

При такихъ великихъ преимуществахъ, Писистратъ, доступный самымъ послъднимъ гражданамъ, подавалъ имъ всякое утъшенїе и

помощь, которыя изсушаютъ источникъ золъ, или услаждаютъ горесть оныхъ. Солонъ замѣчавшій всѣ его поступки, проникъ его намѣренія; но когда занимался онъ предвареніями слѣдствій, то явился Писистратъ на народную площадь, покрытый ранами имъ же самимъ искусно поддѣланными, просилъ защиты у народа, которому самъ столь часто покровительствовалъ. Созывается собраніе; онъ жалуется на Сенатъ и начальниковъ прочихъ крамолъ, что они убить его умышляли, показываетъ кровоточащія язвы, и вопіетъ: „се воздаяніе за любовь мою къ „народоправленію и зарвеніе, съ какимъ защи„щалъ я права ваши„

При сихъ словахъ возгремѣли со всѣхъ сторонъ грозные крики: главные граждане молчатъ въ изумленіи или обращаются въ бѣгство. Солонъ, трусостію ихъ и ослѣпленіемъ народа раздраженный, тщетно старается оживить бодрость въ однихъ и разсѣять обольщеніе другихъ; голосъ его отъ старости ослабѣвшій удобно заглушается воплемъ, который возбуждаетъ сожалѣніе, ярость и боязнь.

Собраніе оканчивается тѣмъ, что Писистрату данъ страшный отрядъ тѣлохраните-

лей, долженствующихъ всюду его сопровождать и охранять жизнь его. Отъ сего часа совершились всѣ его замыслы; вскорѣ употребилъ онъ всѣ силы свои, чтобъ овладѣть крѣпостію, и обезоруживъ народъ, присвоилъ себѣ верховную власть.

Солонъ недолго жилъ послѣ порабощенія отечества своего. Онъ противуборствовалъ, колико могъ, новымъ предпріятіямъ Писистрата. Часто выходилъ онъ съ оружіемъ въ рукахъ на площадь и старался возмутить народъ. Но ни примѣръ его, ни рѣчи его не въ состояніи были сдѣлать никакаго впечатлѣнія; единые только друзья его ужасающіеся его неустрашимости, представляли ему, что тираннъ рѣшился погубить его. И наконецъ вопрошали его: „что вселило въ тебя такую твердость?„ Старость моя, отвѣчалъ онъ.

Писистратъ отнюдь не хотѣлъ обезславить торжества своего такимъ злодѣяніемъ. Изъ величайшаго почтенія къ Солону, чувствовалъ онъ, что единое одобреніе сего законодателя можетъ оправдать нѣкоторымъ образомъ власть его: онъ предварилъ его отличнѣйшими знаками уваженія и почитанія; требовалъ у него совѣтовъ; и Солонъ уступая обольщенію, думалъ, что уступаетъ необхо-

димости, и не укоснилъ подавать ему оные, Безъ сумнѣнія, льстился онъ склонить Писистрата къ поддержанію законовъ, и къ меньшему покушенію на опроверженіе учрежденнаго постановленія.

Тридесять три года протекло отъ сей государственной перемѣны до смерти Писистратовой; но онъ властвовалъ только семьнадцать лѣтъ. Утѣсняемый могуществомъ сопротивниковъ своихъ, дважды принужденъ былъ оставить Аттику, дважды воспринималъ прежнюю власть, и имѣлъ то утѣшеніе, что оную до смерти своей утвердилъ въ семействѣ своемъ.

Доколѣ былъ онъ верховнымъ правителемъ государства, дотолѣ дни его, посвященные общей пользѣ, знаменовались или новыми благодѣяніями или новыми добродѣтелями.

Законы его, истребляя праздность, поощряли земледѣліе и промышленность; онъ разослалъ по деревнямъ сію толпу простыхъ гражданъ, которыхъ стремленіе къ крамоламъ удерживало въ столицѣ; онъ оживилъ храбрость войскъ, опредѣливъ воинамъ, не могущимъ продолжать служеніе, надежное по смерть ихъ пропитаніе. На поляхъ, на тор-

жищѣ, въ вертоградахъ его для всѣхъ отверстыхъ, являлся онъ аки отецъ по средѣ чадъ своихъ, былъ всегда готовъ выслушивать жалобы несчастныхъ, однимъ прощая долги, другихъ ссужая, и всѣмъ обѣщавая.

Въ тоже время, дабы соединить свой вкусъ къ великолѣпію съ тою необходимостію, чтобъ занять упражненіемъ народъ непокорный и праздный, украшалъ онъ городъ храмами, училищами, водометами; и какъ онъ успѣховъ просвѣщенія не опасался, то издалъ вновь Омировы творенія и учредилъ для употребленія Аѳинянъ книгохранилище, изъ наилучшихъ тогда извѣстныхъ книгъ составленное.

Присовокупимъ сюда еще нѣкоторыя черты, которыя наиболѣе являютъ великую его душу. Никогда не имѣлъ онъ слабости мстить за обиды, хотя и весьма удобно могъ оныя наказывать. Дщерь его присутствовала при одномъ отправленіи богослуженія: юноша, который страстно ее любилъ, подбѣжавши къ ней, обнялъ ее, и по нѣкоторомъ времени предпріялъ ее похитить. А какъ семейство склоняло его къ отмщенію, то Писистратъ отвѣчалъ. „ „Ежели мы будемъ ненавидѣть любящихъ

„насъ, то что должно дѣлать съ ненавидя-„щими насъ?„ и не отлагая далѣе, избралъ юношу сего въ супруга дщери своей.

Пьяные люди обругали явно супругу его; на другой день пришли они со слезами къ нему, и просили прощенія, котораго не смѣли и ожидать. „Вы ошибаетесь, сказалъ имъ „Писистратъ, жена моя не выходила вчера „весь день никуда.„

Наконецъ, нѣкоторые изъ его друзей, предпріявшіе уклониться отъ повиновенія къ нему, удалились въ укрѣпленное мѣсто. Онъ послѣдовалъ за ними тотчасъ съ рабами несшими его пожитки; и какъ сіи злоумышленники о намѣреніи его спрашивали, то сказалъ онъ имъ: „либо вы должны меня убѣ-„дить, чтобъ я остался съ вами, или я дол-„женъ уговорить васъ, чтобы вы возврати-„лись со мною.„

Сіи дѣйствія умѣренности и кротости, которыхъ онъ въ жизни своей множество оказывалъ, и которые еще славою правленія его возвышаемы были, обуздывали нечувствительно строптивый нравъ Аѳинянъ, и содѣлывали, что многіе изъ нихъ столь кроткое рабство предпочитали своей прежней и мятежной вольности.

Между тѣмъ должно признаться, хотя Писистратъ въ самодержавіи былъ примѣромъ наилучшихъ царей; однакожъ въ республикѣ Аѳинской вообще болѣе ощущали преступленіе похищенія верховной власти, нежели выгоды, происходящія отъ сего для государства.

По смерти его преемниками были Иппій и Иппархъ, сыновья его; при меньшихъ дарованіяхъ, царствоволи они съ такою же мудростію. Иппархъ особливо любилъ науки. Онъ призвалъ Анакреона и Симонида въ Аѳины и принималъ ихъ со всякою благосклонностію; перваго осыпалъ честьми, а другаго обогатилъ дарами. Онъ долженъ раздѣлить съ отцемъ своимъ ту славу, что распространилъ и славу Омира. Можно его упрекать, такъ какъ брата его, что онъ слишкомъ предавался забавамъ и пріучалъ къ онымъ Аѳинянъ. Не взирая на сіе, можно бы его почесть счастливымъ, ежели бы при сихъ распутствахъ не содѣлалъ той неправды, коея былъ онъ первою жертвою.

Два младые Аѳинянина, Армодій и Аристогитонъ, тѣснѣйшими узами дружества сопряженные, претерпѣли отъ сего государя такую обиду, которой никакъ не можно было забыть; они поклялись погубить

Иппарха и его брата. Нѣкоторые изъ друзей ихъ приступили къ сему заговору, исполненіе коего отложено было до праздника Панаѳинейскаго. Они надѣялись, что великая толпа Аѳинянъ, имѣющихъ позволеніе носить оружіе при семъ торжествѣ, поможетъ ихъ предпріятію, или по крайней мѣрѣ защититъ отъ тѣлохранителей, окружавшихъ сыновей Писистратовыхъ.

Въ семъ намѣреніи прикрываютъ они кинжалы свои миртовыми вѣтвями и удаляются на то мѣсто, гдѣ цари распоряжали священный ходъ, который должны они были вести къ Минервину храму. Они приходятъ, видятъ одного изъ соумышленниковъ, разговаривающаго дружески съ Иппіемъ: думаютъ, что они преданы: но рѣшась жизнь свою дорого продать, удаляются на краткое время, встрѣчаются съ Иппархомъ и вонзаютъ ему кинжалъ въ сердце. Армодій падаетъ вдругъ подъ ударами мечей тѣлохранителей царскихъ. Аристогитонъ тогда же пойманный, былъ допрашиванъ; но вмѣсто объявленія злоумышленниковъ, доноситъ онъ на вѣрнѣйшихъ сообщниковъ Иппія, который немѣдленно велѣлъ ихъ казнить: „можешь ли „ты объявить еще другихъ злодѣевъ, вопі-

Въ 514 до Р. Х.

„етЪ яростію распаленный тираннЪ? — никого „кромѣ тебя, отвѣчаетЪ АѳинянинЪ; я умираю, и умирая уношу сЪ собою то удовольствіе, что лишилЪ тебя наилучшихЪ „твоихЪ друзей.„

СЪ того времени Иппій отличался только неправдами; но иго, коимЪ отягощалЪ АѳинянЪ, свергнуто было спустя
ВЪлѣт. 510 до Р. Х. три года. КлисѳенЪ, начальникЪ АлкмеонидовЪ знатнѣйшаго Аѳинскаго дома, который издавна былЪ непріятелемЪ ПисистратидовЪ, собравЪ на свою сторону всѣхЪ недовольныхЪ, и получивЪ помощь отЪ ЛакедемонянЪ посредствомЪ Дельѳійской Пиѳіи, которую склонилЪ вЪ свою пользу, пошелЪ противу Иппія и принудилЪ его отказаться отЪ тиранства. Сей государь скитаясь всюду нѣсколько времени сЪ семействомЪ своимЪ, удалился потомЪ кЪ Дарію царю Персидскому, и наконецЪ убитЪ на сраженіи МараѳонскомЪ.

КакЪ скоро Аѳиняне получили паки свободу, то и оказаны памяти Армодіевой и Аристогитоновой величайшія почести. Воздвигнули имЪ на площади истуканы; установлено было, чтобЪ имена ихЪ праздновались вѣчно вЪ торжество Панаѳинейское, и чтобЪ

имена ихъ никогда и ни подъ какимъ видомъ не давались рабамъ. Стихотворцы увѣковѣчили славу ихъ стихами своими, которые еще и по нынѣ поютъ при пиршествахъ, а потомкамъ ихъ даны на вѣчныя времена великія преимущества.

Клисѳенъ, поспѣшествовавшій столь много изгнанію Писистратидовъ, долженствовалъ еще нѣсколько лѣтъ бороться съ сильною крамолою; однако наконецъ получивъ въ государствѣ довѣренность, которую заслуживали дарованія его, подкрѣпилъ онъ паки Солоново постановленіе, коего Писистратиды не помышляли никогда истреблять.

Въ самомъ дѣлѣ никогда не принимали сіи владѣтели имени царскаго, хотя и почитали себя происходящими отъ древнихъ Аѳинскихъ государей. Ежели Писистратъ и бралъ прежде десятую долю съ земныхъ произведеній, то казалось, что сей единственной подати, которую сыны его уменьшили до двадцатой части, требовали они всѣ трое менѣе для собственнаго своего содержанія, нежели для надобностей государственныхъ. Они поддержали законы Солоновы толико же примѣромъ своимъ, колико властію своею. Писистратъ обвиненный въ

убійствѣ предсталъ, яко послѣднѣйшій гражданинъ предъ Ареопагъ для оправданія своего. Словомъ, они сохранили существенныя части прежняго установленія, Сенатъ, народныя собранія и градоначальства, которыя сами они занимали и распространяли преимущества ихъ. Слѣдственно они поступали и имѣли столь великое вліяніе въ народныя совѣщанія аки первые правители, аки непремѣнные начальники народодержавнаго государства. Безпредѣльная власть, по видимому, исполняема была законнымъ порядкомъ, и народъ порабощенный имѣлъ всегда предъ глазами образъ вольности. И такъ вступилъ онъ послѣ изгнанія Писистратидовъ, безъ сопротивленія и безъ труда, паки въ свои права болѣе бездѣйственныя, нежели уничтоженныя; перемѣны, учиненныя тогда въ правленіи Клисѳеномъ, не совсѣмъ привели его къ прежнимъ основаніямъ, какъ то покажу я вскорѣ.

Разсужденіе о Солоновомъ законодательствѣ.

Повѣствованіе о происшествіяхъ довело меня до тѣхъ временъ, въ которыя Аѳиняне мужествомъ своимъ противъ Персовъ отличились. Прежде описанія оныхъ долженъ я,

по обѣщанію моему , сообщить нѣкоторыя разсужденія о Солоновой политической системѣ.

Не можно было ожидать отъ Солона законодательства подобнаго Ликургову Они находились въ весьма различныхъ обстоятельствахъ.

Лакедемоняне владѣли токмо землею , которая производила все потребное для ихъ нуждъ. Для законодателя довольно было того, чтобъ они пребывали навсегда въ сихъ предѣлахъ, дабы чужестранные пороки не развратили силы и чистоты его учрежденій. Аѳины находясь при морѣ , окруженные безплодною землею, принуждены были безпрестанно мѣнять жизненные свои припасы , промышленность свою , мысли свои и нравы на таковыя же произведенія всѣхъ прочихъ народовъ.

Перемѣна правленія, учиненная Ликургомъ, предшествовала Солоновой двумя съ половиною вѣками. Спартанцы , ограниченные въ своихъ художествахъ, въ своихъ знаніяхъ, даже и въ страстяхъ своихъ , менѣе успѣли въ добрѣ и злѣ, нежели Аѳиняне во время Солона. Сіи послѣдніе, испытавъ всѣ роды правленія, наскучили рабствомъ и свободою ,

однако не могли пробыть ни безъ того, ни безъ другой. Будучи промышленны, просвѣщенны, тщеславны и непокорны, всѣ до послѣдняго гражданина привыкли къ ухищреніямъ, къ честолюбію и ко всѣмъ великимъ страстямъ, которыя при частыхъ потрясеніяхъ государства рождаются; имѣли они уже пороки находящіеся у народовъ образованныхъ, и имѣли еще сверхъ того такую беспокойную дѣятельность и такое легкомысліе, котораго нѣтъ ни въ какомъ другомъ народѣ.

Домъ Ликурговъ обладалъ съ давнаго времени престоломъ Лакедемонскимъ. Какъ оба царя, раздѣлявшіе тогда оный, не были совсѣмъ уважаемы: то Ликургъ былъ въ глазахъ Спартанцевъ первою и величайшею особою въ государствѣ. Поелику могъ онъ полагаться на его уваженіе къ себѣ и своимъ друзьямъ, то и не былъ останавливаемъ тѣми причинами, которыя охлаждаютъ умъ и стѣсняютъ намѣренія законодателя. Солонъ, простый гражданинъ, облеченный властію временною, которую надлежало ему употреблять съ мудростію, чтобъ употребить ее въ пользу; окруженный многомощными крамольниками, которыхъ долженствовалъ щадить для сохраненія ихъ довѣренности; предва-

ренный недавнымЪ примѣромЪ Дракона, что средства строгія для АѲинянЪ несносны, не могЪ отважиться на введеніе еще важнѣйшихЪ новостей, и безЪ вторичнаго поверженія государства вЪ такія бѣдствія, которыхЪ можетЪ статься ни чѣмЪ бы не льзя ужѐ было поправить.

Я не говорю о личныхЪ качествахЪ обоихЪ законодателей. Менѣе всего сходствуетЪ ЛикурговЪ умЪ сЪ дарованіями Солона, и твердая душа перваго сЪ кроткимЪ и осторожнымЪ свойствомЪ другаго. ОбщимЪ имѣли они только то, что оба сЪ равнымЪ ревніемЪ, но разными путями, пеклися о благоденствіи народовЪ. Естьли бы поставить одного на мѣстѣ другаго, то СолонЪ не произвелЪ бы столь великихЪ дѣлЪ, какЪ ЛикургЪ; сомнѣваться можно, произвелЪ ли бы ЛикургЪ что либо лучшее, нежели СолонЪ.

Сей послѣдній чувствовалЪ, какое бремя принялЪ онЪ на себя; и когда вопрошали его, наилучшіе ли далЪ онЪ АѲинянамЪ законы? отвѣчалЪ онЪ: самые лучшіе, какимЪ только АѲиняне повиноваться могли. СимЪ единымЪ словомЪ изобразилЪ онЪ непокоривое свойство АѲинянЪ и бѣдственное принужденіе, вЪ которомЪ онЪ находился.

Солонъ принужденъ былъ предпочесть народное правленіе; поелику народъ памятующій, что пользовался онымъ многіе вѣки, не могъ болѣе сносить тиранніи богачей; поелику народъ, опредѣляющій себя къ мореплаванію, имѣетъ всегда сильную наклонность къ народоправленію.

Однако умѣрилъ онъ сей избранный имъ образъ правленія такъ, что въ сословіи Ареопагитовъ находилось по видимому самодержавіе не многихъ (олигархія); въ образѣ избранія начальниковъ, вельможеначаліе (аристократія); въ свободномъ позволеніи послѣднимъ гражданамъ присутствовать въ судилищахъ, чистое народоправленіе.

Сіе постановленіе, содержавшее образъ смѣшеннаго правленія, разрушилось отъ излишества власти въ рукахъ народа, какъ и Персидское отъ излишества власти, государю предоставленной.

Упрекаютъ Солона, якобы ускорилъ онъ сіе разрушеніе тѣмъ закономъ, который всѣмъ гражданамъ, безъ разбора, дозволяетъ судопроизводство, и что призывалъ онъ ихъ къ сей важной должности по жребію. Съ начала не можно было примѣтить дѣйствій такаго преимущества; но въ по-

слѣдствіи надлежало снискивать или просить покровительства народа, который, занимая мѣста въ судилищахъ, властенъ былъ толковать законы и располагать по своей волѣ жизнію и имѣніемъ гражданъ.

При начертаніи Солоновой системы упомянулъ я притомъ, какія причины побудили его къ изданію сего охуждаемаго закона. Я присовокупляю къ сему еще 1.) что сей законъ не только принятъ въ наилучше учрежденныхъ народоправленіяхъ, но и весьма еще полезенъ; 2.) что Солонъ не могъ никогда предполагать, чтобы народъ оставилъ труды свои для безплоднаго удовольствія рѣшить распри частныхъ людей. Если же овладѣлъ онъ потомъ судилищами, если чрезъ сіе возрасла власть его; то должно винить за сіе Перикла, назначившаго судіямъ за присутствіе плату и доставившаго бѣднымъ гражданамъ легчайшій способъ къ пропитанію.

Не въ Солоновыхъ законахъ надлежитъ искать сѣмени пороковъ, обезобразившихъ его твореніе; но въ послѣдовавшихъ новостяхъ, которыя большею частію были не нужны, и которыя тогда столь же мало можно было предвидѣть, какъ нынѣ ихъ оправдать.

По изгнаніи Писистратидовъ, Клис-

оенъ, для преклоненія на свою сторону народа, раздѣлилъ четыре поколѣнія, которыя со времени Кекропа составляли жителей Аттики, на десять; а какъ ежегодно изъ каждаго выбирали пятьдесятъ сенаторовъ, то и возросло число сихъ судей до пяти сотъ.

Каждое изъ сихъ поколѣній, кои представляли толикое же число малыхъ республикъ, имѣло своего предсѣдателя, своихъ чиновниковъ благочинія, свои судилища, свои собранія, и собственныя свои выгоды. Умножать ихъ и давать имъ большую дѣятельность значило тоже, что заставить всѣхъ гражданъ безъ различія мѣшаться въ дѣла государственныя; сіе значило потворствовать народу, который, кромѣ права опредѣлять себѣ чиновниковъ, имѣлъ въ каждое поколѣніе величайшее вліяніе.

Сверхъ сего, положено было разнымъ сословіямъ, которымъ поручены были сборы и расходы, состоять изъ десяти чиновниковъ, опредѣленныхъ отъ десяти поколѣній: сіе, представляя честолюбію народа новые предметы, служило способомъ ко введенію его въ разныя части управленія.

Но паче всего побѣдамъ, одержаннымъ

Аѳинянами надъ Персами, приписать должно разрушенїе прежняго постановленїя. Послѣ Платейской битвы опредѣлено, чтобы граждане послѣднихъ степеней, которыхъ Солонъ изключилъ изъ главныхъ чиноначальствъ, имѣли впредь право достигать оныхъ. Мудрый Аристидъ, предложившїй сей приговоръ, подалъ чрезъ сїе преемникамъ своимъ въ начальствѣ самый бѣдственный примѣръ. Сперьва долженствовали они ласкать простый народъ; а потомъ предъ нимъ ползать.

Прежде не удостоивалъ простый народъ присутствїемъ своимъ всеобщихъ собранїй; но какъ скоро правительство опредѣлило давать по три обола каждому присутствующему: то началъ онъ ходить туда въ великомъ множествѣ, удалилъ какъ присутствїемъ своимъ, такъ и дерзостїю своею богатыхъ, и нагло замѣнилъ законы своими прихотями.

Периклъ, наиопаснѣйшїй изъ его ласкателей, лишилъ его совершенно охоты къ трудолюбїю и послѣдней добродѣтели щедротами, государственную казну истощавшими, и которыя, между прочими выгодами, доставили ему удобный входъ въ зрѣлища; и, акибы поклявшись развратить нравы для скорѣйшаго

истребленія постановленія, лишилъ онъ Ареопагъ почти всѣхъ его преимуществъ и привелъ его такимъ образомъ къ молчанію.

Тогда изчезли или остались недѣйствительными всѣ предосторожности, столь благоразумно Солономъ выдуманныя, чрезъ которыя хотѣлъ онъ великія дѣла государственныя охранить отъ безразсудныхъ слѣдствій невѣжественной и неистовой черни. Да припомнятъ себѣ здѣсь, что сенатъ долженствовалъ приготовлять дѣла, прежде представленія оныхъ народному собранію; что оныя разсматриваемы были ораторами дознанной честности; что первые голоса подавались просвѣщенными и опытными старцами. Народъ всѣ сіи узы, столь удобные къ обузданію его буйства, расторгъ совершенно. Онъ хотѣлъ повиноваться только начальникамъ, въ заблужденіе его приводившимъ, и выступилъ столь далеко изъ предѣловъ своея власти, что преставъ самъ наблюдать оные, считалъ ихъ уже несуществующими.

Нѣкоторыя начальства, кои прежде сего по свободному избранію даваемы были людямъ только беззазорнымъ, нынѣ раздаются по жребію гражданамъ всякаго рода: часто

даже, безъ употребленія жеребья или избранія, находятъ частные люди деньгами и ухищреніями способъ къ полученію высокихъ достоинствъ и къ помѣщенію себя въ сенатъ. Напослѣдокъ, народъ рѣшитъ окончательно о разныхъ преступленіяхъ, вѣдѣніе коихъ предоставлено было ему законами, послѣ Солона изданными, или призываетъ самъ къ своему суду, въ предосужденіе опредѣленныхъ для того судилищъ. Такимъ образомъ смѣшиваются власти, столь благоразумно прежде раздѣленныя; и законодательная власть, исполняя собственныя свои законы, заставляетъ ежеминутно чувствовать или опасаться ужаснаго бремени притѣсненія.

Сіи истребительные пороки не могли бы вкрасться въ постановленіе, если бы оное не имѣло непреодолимыхъ препятствій. Но въ самомъ началѣ похищеніе Писистратидовъ остановляло успѣхи онаго; а вскорѣ потомъ побѣды надъ Персами повредили и самое его основаніе. Чтобы защитить себя отъ такихъ приключеній, и чтобъ со всею силою дѣйствовать на нравы Аѳинянъ, надлежало бы имѣть ему долговременный миръ и совершенную свободу; а безъ сего всѣ дарованія ума, соединенныя въ законодателѣ, не могли вос-

препятствовать Писистрату быть величайшимЪ обольстителемЪ людей, а АѳинянамЪ быть народомЪ кЪ обольщенію удобнѣйшимЪ: они не могли воспрепятствовать, чтобы знаменитѣйшіе успѣхи побѣдЪ при Мараѳонѣ, при Саламинѣ и Платеѣ не исполнили безразсудною надменностію такого народа, который изЪ всѣхЪ народовЪ вселенныя наиболѣе кЪ тому былЪ склоненЪ.

По дѣйствіямЪ, которыя произвели Солоновы законы, можно судить, какія бы послѣдствія имѣли они вЪ благопріятнѣйшихЪ обстоятельствахЪ. БывЪ стѣснены во время владычества ПисистратидовЪ, дѣйствовали они медлѣнно на умы, или отЪ образа воспитанія, бывшаго тогда всеобщимЪ и нынѣ ужѐ несуществующаго, или отЪ вліянія республиканскихЪ учрежденій, которыя безпрестанно мечту и надежду вольности питали. Едва только изгнаны были сіи цари, то народоправленіе само собою паки возстановилось, и Аѳиняне явили такое свойство, какого вЪ нихЪ до того не ожидали; отЪ сей эпохи до времени ихЪ разврата, протекла почти половина столѣтія; но вЪ сіе счастливое время почитали еще законы и добродѣтели. Мудрѣйшіе о немЪ говорятЪ нынѣ сЪ

похвалами, наполненными сожалѣнія, и не находятъ другаго врачеванія отъ недуговъ государства, кромѣ возстановленія Солонова правленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣкъ Ѳемистокла и Аристида, съ 490 до 444 года до Р. Х..

Съ трудомъ предпринимаю описывать сраженія. Довольно бы было знать, что войны начинаются честолюбіемъ государей и оканчиваются несчастіемъ народовъ. Но примѣръ такого народа, который предпочитаетъ смерть рабству, такъ великъ и поучителенъ, что не льзя предать его молчанію.

Киръ воздвигъ могущество Персовъ на развалинахъ царствъ Вавилонскаго и Лидійскаго; ему присягнули въ вѣрности Аравія, Египетъ и отдаленнѣйшіе народы. Сыну его Камвису покорилась область Киринейская и многіе народы въ Африкѣ.

По смерти сего послѣдняго, семь Персидскихъ вельможъ умертвивъ Мага, беззаконно похитившаго престолъ, собрались для опре-

дѣленія судьбы столь обширныхъ областей. Отанъ предлагалъ даровать имъ свободу, и повсюду ввести народоправленіе; Мегависъ превозносилъ преимущества вельможеначалія; Дарій, сынъ Истасповъ, защищалъ то постановленіе, которое дотолѣ составляло благоденствіе и славу Персовъ. Мнѣніе его превозмогло; и когда жребій, которому предоставлено было избраніе государя, хитростями его, палъ на него, то содѣлался онъ спокойнымъ обладателемъ наисильнѣйшаго въ свѣтѣ государства, и принялъ, по примѣру древнихъ Ассирійскихъ Монарховъ, званіе великаго царя и званіе царя царей.

Въ 521 до Р. Х.

Возведенный на сію высокую степень, умѣлъ онъ уважать законы, отличать заслуги, принимать совѣты, и пріобрѣтать себѣ друзей. Зопиръ сынъ Мегависовъ былъ весьма нѣжно имъ любимъ. Единожды отважился нѣкто предложить Дарію, державшему въ рукѣ своей гранатное яблоко, такой вопросъ.,, ,,Какое ты благо желалъ бы толико размно,,жить, колико плодъ сей содержитъ въ себѣ ,,зеренъ? ,,Зопира, отвѣчалъ царь не обино,,венно.,, Сей отвѣтъ привелъ Зопира къ такому безразсудному усердію, котораго не

можно оправдать ничЪмЪ, какЪ только чувствованїемЪ, произведшимЪ оное. (*)

Около девятьнадесяти мЪсяцовЪ осаждалЪ Дарїй взбунтовавшїйся ВавилонЪ. ОнЪ намЪревался ужѐ оставить свое предпрїятїе, какЪ явился ЗопирЪ предЪ него безЪ носа, безЪ ушей, по всЪмЪ частямЪ тЪла изувЪченный, и ранами покрытый. „Какая варварская „рука привела тебя вЪ такое состоянїе? „вопїетЪ царь, бросясь кЪ нему на встрЪ„чу. „Я самЪ, отвЪчалЪ ЗопирЪ. Я пойду „вЪ ВавилонЪ, гдЪ имя мое и санЪ мой при „дворЪ твоемЪ довольно извЪстны.„ Тамо бу„ду жаловаться на тебя, аки бы ты на„казалЪ меня безчеловЪчнЪйшею лютостїю „за то, что совЪтовалЪ я тебЪ оставить „осаду. МнЪ поручатЪ отрядЪ войскЪ; ты „пожертвуешь нЪсколькими изЪ своихЪ людей, „и облегчишь тЪ успЪхи, которые прїобрЪ„тутЪ мнЪ болЪе и болЪе довЪренности у не„прїятеля. Я потщусь овладЪть вратами, „и ВавилонЪ будетЪ твой.„ Дарїй пораженЪ былЪ горестїю и удивленїемЪ. Зопирово

(*) СлЪдуя Иродоту (книга 4 глава 143) не Зопира назвалЪ Дарїй, но Мегависа, отца сего юнаго Перса.

предпріятіе удалось; другъ его осыпалъ ласками и благотвореніями; но часто говаривалъ: „ Я далъ бы сто Вивилоновъ за то, „чтобъ избавить Зопира отъ столь варвар„скаго поступка. „

Отъ сея чувствительности въ каждомъ человѣкѣ толико поразительной, толико въ государѣ драгоцѣнной, происходило то милосердіе, которое побѣжденные часто получали отъ сего государя, и та признательность, съ какою царски награждалъ онъ услуги, оказанныя ему какъ человѣку частному. Отъ сего раждалась еще та умѣренность, которую являлъ онъ въ строжайшихъ исполненіяхъ своей власти.

Прежде сего доходы царскіе состояли только въ добровольныхъ приношеніяхъ отъ подданныхъ, въприношеніяхъ, которыя Киръ принималъ съ нѣжностію отца, которыя Камвисъ требовалъ съ высокомѣріемъ повелителя, и которыя въ послѣдствіи государь могъ бы умножить по своимъ прихотямъ. Дарій раздѣлилъ государство свое на двадцать намѣстничествъ или сатрапствъ, предложивъ на разсмотрѣніе управляющимъ начальникамъ въ оныхъ, роспись тѣмъ податямъ, кои предполагалъ онъ получать изъ каж-

дой области. Всѣ удивлялись умѣренности налоговъ; но царь не полагаясь на ихъ мнѣніе, уменшилъ еще оныя до половины.

Мудрые законы составляли разныя части правленія. Они содержали между Персами согласіе и миръ, которыя служатъ подпорою государству; и частные люди находили въ соблюденіи своихъ правъ и имуществъ единственное равенство, коимъ могутъ пользоваться въ монархіи.

Дарій прославилъ царствованіе свое полезными учрежденіями, а помрачилъ оное завоеваніями. Рожденный съ воинскими дарованіями, обожаемый войсками, кипящій храбростію во время сраженій, но спокойный и хладнокровный въ опасности, покорилъ онъ себѣ почти толико же народовъ, колико и самый Киръ.

Военныя его силы, его побѣды и лесть, извивающаяся змїею около престоловъ, удостовѣрили его, что единое съ его стороны слово долженствуетъ принудить народы къ подданству; и поелику онъ былъ способенъ столькоже къ исполненію великихъ намѣреній, сколько къ предпріятію оныхъ, то мотъ ихъ на время отлагать, но не оставлять навсегда.

Говоря здѣсь о величайшихъ пособiяхъ, которыми могъ онъ присоединить къ завоеванiямъ своимъ и Грецiю, долженствовалъ я упомянуть о нѣкоторыхъ чертахъ его свойства: ибо самодержецъ бываетъ болѣе страшенъ по своимъ личнымъ качествамъ, нежели по своему могуществу.

Могущество его было почти безпредѣльно. Государство его, простиравшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 21,164 стадiй (*) отъ востока къ западу, и около 7,636 (**) отъ юга къ сѣверу, можетъ содержать въ себѣ поверхности земли 115,618,000 квадратныхъ стадiй (***); напротивъ того поверхность Грецiи, имѣвъ неболѣе 1, 366, 000 квадратныхъ стадiй(****),составляетъ только 115ю часть поверхности Персiи. Оно заключаетъ въ себѣ множество областей, лежащихъ въ самой благорастворенной поднебесности (климатъ), большими рѣками оплодотворяемыхъ, цвѣтущими городами украшен-

(*) 800 Французскихъ миль, каждая по 2500 тоазовъ.

(**) 300 миль Французскихъ.

(***) 165200 миль квадратныхъ.

(****) 1952 мили Французскихъ квадратныхъ.

ныхъ, богатыхъ природою почвы, промышленностію жителей, дѣятельностію торговли, и населеніемъ, которому притомъ вѣра, законы и опредѣленныя плодородію воздаянія благопріятствуютъ.

Подати денежныя простирались нѣсколько болѣе 14,560 Эвбейскихъ талантовъ (*). Они не были употребляемы на текущіе расходы; но обращенные въ слитки сберегались для чрезвычайныхъ издержекъ. Области долженствовали содержать домъ царскій, и продовольствовать войска: однѣ доставляли хлѣбъ, другія коней; одна Арменія посылала 20,000 жеребятъ. Изъ прочихъ сатрапствъ получали разный скотъ, шерсть, гебеновое дерево, слоновые зубы, и разные роды произведеній.

Войска, распредѣленныя по областямъ, содержали оныя въ повиновеніи, или предохраняли ихъ отъ нападеній. Другое войско, составленное изъ лучшихъ воиновъ, охраняло государя: въ немъ отличались 10,000 человѣкъ, называемыхъ безсмертными; ибо число ихъ долженствовало быть всегда полное. Никакое дру-

---

(*) Около 90 милліоновъ на Французскія деньги.

тое войско не могло равняться съ ними, ни честїю въ степени, ни славою въ храбрости.

Киръ ввелъ въ войскахъ устройство, которое первые его преемники тщательно поддерживали. Ежегодно дѣлалъ государь общїй смотръ; онъ освѣдомлялся самъ о состоянїи войскъ, при немъ находившихся. Знающїе и вѣрные надзиратели дѣлали самое тоже въ отдаленнѣйшихъ областяхъ: чиновники, исполняющїе свои должности, получали награды, прочїе же лишались своихъ мѣстъ.

Народъ собственно Персидскїй, первый на востокѣ съ того времени, какъ произвелъ Кира, почиталъ храбрость превосходнѣйшею добродѣтелїю, и по сему уважалъ ее такъ же и въ своихъ непрїятеляхъ. Презирать суровость годовыхъ временъ, переносить дальнїе и трудные походы, пускать стрѣлы, переправляться черезъ быстрыя рѣки въ плавь, было для него дѣтскими забавами: достигши до совершенныхъ лѣтъ, Персы присоединяли еще къ сему звѣриную ловлю и прочїя упражненїя, къ укрѣпленїю тѣлесныхъ силъ служащїя. Въ мирное время носили часть оружїй, употребляемыхъ на войнѣ; и дабы

не потерять привычки къ конской ѣздѣ, то не ходили почти никогда пѣшіе. Сіи обычаи распространились нечувствительно по всему государству.

Конница составляетъ главную силу Персидскихъ войскъ. Въ самомъ даже своемъ бѣгствѣ, метаніемъ стрѣлъ удерживаетъ она ярость побѣдителя. Всадникъ и конь равно покрыты желѣзомъ и мѣдью. Мидія доставляетъ коней, славныхъ своею статью, силою и легкостію.

На двадцатомъ году отъ роду должно было записываться въ воинскую службу; а на пятидесятомъ оставлять оную. По первому царскому повелѣнію, должны всѣ тѣ, которые назначены въ походъ, въ предписанное время находиться на сборномъ мѣстѣ. Законы по сему предмету были самые строжайшіе. Несчастные отцы просили иногда, въ воздаяніе за свои услуги, оставить у нихъ дѣтей, яко подпору ихъ старости. „Они не пойдутъ со мною въ походъ, отвѣ„чалъ царь; и приказалъ предать ихъ смер„ти.

Восточные цари не выступаютъ никогда въ походъ безъ того, чтобъ не влечь за собою безчисленнаго множества ратниковъ:

Они думаютъ, что санъ ихъ требуетъ того, чтобъ являться въ такихъ случаяхъ со всякимъ великолѣпіемъ могущества; они думаютъ, что число ратниковъ рѣшитъ побѣду; и что соединеніемъ около себя большей части силъ своихъ, предупредятъ смятенія, могущія произойти въ ихъ отсутствіе. Но ежели сіи воинства ни внезапнымъ своимъ ужасомъ, который онѣ производятъ, ни первымъ своимъ ударомъ всего не преодолѣютъ, то вскорѣ принуждены бываютъ удалиться, либо по недостатку пропитанія, или по робости войскъ. По сему то Асійскія войны часто оканчиваются однимъ походомъ, и судьба цѣлаго государства зависитъ отъ успѣха единаго сраженія.

Цари Персидскіе имѣютъ власть безпредѣльную и утвержденную на уваженіи народовъ, которые привыкли государямъ своимъ воздавать честь, яко живымъ изображеніямъ божества. День ихъ рожденія есть день торжества. При кончинѣ ихъ, чтобъ возвѣстить о потерѣ источника свѣта и законовъ, погашаемъ бываетъ огнь священный и запираются судилища. Во время царствованія ихъ подданныя не иначе приносятъ жертвы, какъ

возсылая моленія свои къ небесамъ за государя и за весь народъ. Всѣ, не исключая и самихъ владѣльцовъ, дань платящихъ, намѣстниковъ областей и вельможъ при портѣ [*] находящихся, называютъ себя рабами царя; выраженіе, означающее нынѣ чрезвычайное рабство, но во времена Кира и Дарія бывшее только свидѣтельствомъ преданности и усердія.

До царствованія послѣдняго изъ сихъ царей, Персы не имѣли никакого сообщенія съ народами твердой земли Греціи. Едва вѣдали, при дворѣ Сузскомъ, о существованіи Лакедемона и Аѳинъ, когда Дарій вознамѣрился покорить сіи отдаленныя страны. Супруга его, Атосса, дщерь Кирова, подала ему къ сему первую мысль, которую получила она отъ Греческаго врача Димокида, изцѣлившаго ее отъ опасныя болѣзни. Димокидъ, не имѣя другаго способа получить себѣ свободу, умыслилъ для сего нападеніе на Грецію, и умѣлъ сдѣлать оное царицѣ

(*) Симъ именованіемъ означается въ Персіи дворъ царскій, или намѣстниковъ въ областяхъ.

благоугоднымЪ: онЪ ласкалЪ себя надеждою, что получитЪ при семЪ такое порученiе, которое дастЪ ему способный случай увидѣть паки Кротону, свое отечество.

Атосса воспользовалась тою минутою, когда Дарiй изЪяснялЪ ей свою нѣжность. „Время, говорила она ему, ознаменовать „восшествiе твое на престолЪ такимЪ пред„прiятiемЪ, которое приобрѣло бы тебѣ „почтенiе отЪ подданныхЪ твоихЪ. Персы „должны имѣть государемЪ завоевателя; „обрати мужество ихЪ на какой либо на„родЪ, буде не желаешь, чтобЪ они устре„мили оное противЪ тебя. Дарiй отвѣчалЪ „ей: что намѣренЪ объявить войну СкиѳамЪ. „Они будутЪ твоими, отвѣчала Царица, „когда только сего похощешь. Но я желала „бы, чтобЪ ты обратилЪ оружiе свое про„тивЪ ГрековЪ, и доставилЪ бы, для услугЪ „моихЪ, женЪ ЛакедемонскихЪ, АргосскихЪ, „КоринѳскихЪ и АѳинскихЪ.„ ВЪ тоже самое время Дарiй отмѣнилЪ свое противЪ СкиѳовЪ намѣренiе, и отправилЪ Димокида сЪ пятью Персами, чтобЪ дали ему точное извѣстiе о тѣхЪ мѣстахЪ, которыя полагалЪ онЪ завоевать.

Едва только ДимокидЪ выѣхалЪ изЪ

областей Дарїевыхъ, что и убѣжалъ въ Италїю. Персы, коихъ долженствовалъ онъ провожать, претерпѣли многїя бѣдствїя. По возвращенїи ихъ въ Сузу, желанїе царицыно охладѣло, чтобъ имѣть во услугахъ своихъ рабынь Греческихъ; а Дарїй занимался важнѣйшими дѣлами.

Сей государь, покоривъ паки власти своей городъ Вавилонъ, предпрїялъ идти противъ Скиѳскихъ народовъ, кочующихъ со стадами своими между Истромъ и Танаисомъ, [Дунаемъ и Дономъ] вдоль береговъ понта Эвксинскаго [Чернаго моря]. 508 год. до Р. Х.

Предводительствуя седьмью стами тысящами воиновъ, выступилъ онъ предложить порабощенїе такимъ народамъ, коимъ, для истребленїя его войска, оставалось только заманить его въ невоздѣланныя и пустыя земли. Дарїй не переставалъ слѣдовать по стезямъ ихъ, и яко побѣдитель, проходилъ необитаемыя степи. „Для чего же убѣгаешь „ты меня, спросилъ онъ нѣкогда царя „Скиѳскаго? ежели можешь мнѣ противиться, „остановись, и сражайся; естьли же сразиться не „смѣешь, признай во мнѣ твоего владыку.„ На „сїе царь Скиѳскїй отвѣчалъ: Я никого не убѣ-

„гаю, и никого не страшуся. Мы обыкли „скитаться спокойно по нашимъ пространнымъ владѣніямъ, какъ въ военное такъ и „въ мирное время; мы не знаемъ инаго блага, „кромѣ свободы, иныхъ владыкъ, кромѣ боговъ. Естьли хощешь испытать нашу „храбрость, иди за нами, и поругайся только гробамъ отцевъ нашихъ. „

Между тѣмъ воинство ослабѣвало отъ болѣзней, отъ недостатка въ пропитаніи, и отъ трудности походовъ. Надлежало на возвратномъ пути помышлять о мостѣ, который поставилъ Дарій чрезъ Истръ. Оберегательство онаго поручилъ онъ Іонійскимъ Грекамъ съ такимъ притомъ позволеніемъ, чтобъ они удалились въ свое отечество, естьли не увидятъ его возвратившагося прежде двухъ мѣсяцовъ. По прошествіи сего времени, являлись Скиѳскіе отряды неоднократно на берегахъ: они старались сперва склонить прозьбами, а потомъ угрозами морскихъ чиновниковъ, чтобъ отплыть съ судами обратно въ Іонію. Мильтіадъ, Аѳинянинъ, сильно подкрѣплялъ сіе предложеніе; но когда Истіей Милетскій представилъ прочимъ начальникамъ, что они будучи Даріемъ поставлены правителями разныхъ

городовъ Іоніи, обращены будутъ въ состояніе простыхъ гражданъ , ежели допустятъ царя погибнуть; то, хотя обѣщали Скиѳамъ мостъ снять, однако въ самомъ дѣлѣ рѣшились остаться тамо. Сіе рѣшеніе спасло Дарія и его войско.

Позоръ Скиѳскаго похода заглажденъ былъ скоро важнымъ завоеваніемъ. Дарій принудилъ народы, близь Инда обитающіе, признать себя побѣдителемъ ихъ; и сія рѣка положила предѣлы его государства къ востоку.

Къ западу граничило оно съ Греческими селеніями по берегамъ Эгейскаго моря расположенными. Тамо находятся Ефесъ, Милетъ, Смирна, и многіе цвѣтущіе города, соединенные разными между собою союзами; отъ твердыя земли Греціи раздѣляетъ ихъ море, и множество острововъ, изъ коихъ нѣкоторые были подвластны Аѳинянамъ, а прочіе независимы. Греческіе города въ Асіи домогались свергнуть съ себя иго Персидское. Жители островов и собственно Греціи боялись сосѣдства такого государства, которое угрожало народамъ всеобщимъ рабствомъ.

Сей страхъ усугублялся, когда увидѣ-

ли, что Дарій, при возвращеніи изъ Скиѳіи оставилъ во Ѳракіи 80,000 человѣкъ войска, которое покоривъ ему сіе царство, принудило царя Македонскаго учинить присягу Дарію, и завладѣло островами Лемномъ и Имвромъ.

Ужасъ увеличился еще болѣе, когда увидѣли Персовъ дѣлающихъ нападеніе на островъ Наксъ, и угрожающихъ острову Еввею, близко лежащему къ Аттикѣ; когда Іонійскіе города, предпріявшіе возвратить паки прежнюю свою свободу, выгнали правителей, сожгли городъ Сарды, столицу древняго царства Лидійскаго; и вовлекли народы въ Каріи и на островѣ Кипрѣ въ союзъ, заключенный ими противъ Дарія. Сіе возмущеніе было въ самомъ дѣлѣ началомъ браней, угрожавшихъ уничтоженіемъ всѣхъ Греческихъ силъ, и испровергшихъ послѣ ста пятидесяти лѣтъ Персидскую имперію.

Около 5 4 год. до Р. Х.

Лакедемоняне рѣшились не приступать къ союзу; Аѳиняне рѣшились не защищать явно, но только благопріятствовать оному. Царь Персидскій не скрывалъ болѣе желанія къ распространенію предѣловъ государства своего къ Греціи. Аѳиняне долженствовали многимъ городамъ, уклонившимся

отъ повиновенія ему, давать вспоможеніе, каковымъ столицы обязаны своимъ поселеніямъ: они жаловались давно на защищеніе, доставляемое Персами Иппію, сыну Писистратову, который ихъ притѣснилъ, и коего они изгнали изъ отечества. Артафернъ, братъ Даріевъ, и Сатрапъ Лидійскій объявилъ имъ, что единый способъ пещися о своей безопасности, состоитъ въ возвращеніи Иппія, и знали, что сей послѣдній, со времени его прибытія ко двору Сузскому, подкрѣплялъ въ Даріѣ тѣ предубѣжденія, которыя старались ему внушать безпрестанно противъ народовъ Греціи, а особливо противу Аѳинянъ. Подвигнутые сими причинами, Аѳиняне послали въ Іонію войска, которыя пособствовали взятію Сардовъ. Эретріяне Эввейскіе слѣдовали ихъ примѣру.

Главнѣйшій начинщикъ Іонійскаго возмущенія былъ самый тотъ Истіей Милетскій, который въ Скиѳскомъ походѣ упорствовалъ въ охраненіи моста чрезъ Истръ. Дарій никакъ не забылъ сея важныя услуги, даже помнилъ оную и тогда, когда ужé его наградилъ. Но Истіей, яко изгнанный при дворѣ Сузскомъ, нетерпѣливо желавшій видѣть паки отечество свое, возбудилъ тайно возмущеніе

въ Іоніи, и воспользовался онымъ, дабы получить позволеніе къ возвращенію въ сію область, гдѣ онъ вскорѣ послѣ того съ оружїемъ въ рукахъ взятъ былъ въ плѣнъ. Полководцы поспѣшали лишить его жизни, поелику они знали великодушіе своего государя. Въ самомъ дѣлѣ, сей государь, менѣе тронутый его измѣною, нежели одолженіями, которыми онъ былъ ему обязанъ, почтилъ память его погребеніемъ и укоризнами, учиненными отъ него полководцамъ.

Около того же времени Финикійскіе корабли завладѣли Аѳинскою галерою, и нашли на ней Метіоха, сына Мильтіадова, совѣтовавшаго снять мостъ на Истрѣ, и предать Дарія лютости Скиѳовъ. Они отправили его къ царю, который принялъ его съ честію, и убѣдилъ его благодѣяніями своими поселиться въ Персіи.

Изъ сего не можно еще заключать, чтобъ Дарій былъ нечувствителенъ къ возмущенію Іонянъ, и къ поведенію Аѳинянъ. Когда узналъ онъ о сожженіи Сардовъ, то поклялся учинить послѣднимъ ужасное мщеніе, и поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ, напоминать ему каждый день о полученной обидѣ; но надлежало прежде

окончать войну, которую нанесли ему первые. Она продолжалась нѣсколько лѣтъ, и принесла ему великія выгоды. Іонія приведена паки въ его повиновеніе; многіе острова Егейскаго моря и всѣ города Эллеспонта покорились его законамъ.

Тогда Мардоній, зять его, отправился начальникомъ сильнаго и многочисленнаго воинства, возстановилъ совершенно покой въ Іоніи, вошелъ въ Македонію, и тамо для предупрежденія ли Даріева повелѣнія, или для исполненія онаго, посадилъ войска свои на корабли. Предлогомъ его было наказаніе Аѳинянъ и Еретріянъ; а истинная цѣль была содѣлать Грецію данницею. Но какъ жестокая буря разбила нѣкоторую часть кораблей съ воинами о скалы горы Аѳонской, то онъ возвратился въ Македонію, и вскорѣ потомъ въ Сузу.

Сіе несчастіе не возмогло отвратить бури, которая угрожала Греціи. Дарій отправилъ, не доходя еще до явнаго разрыва, повсюду провозвѣстниковъ именемъ его требовать земли и воды. Симъ образомъ Персы имѣли обычай требовать отъ другихъ народовъ подданства и повиновенія. Большая часть острововъ и народовъ на твердой

землѣ немедлѣнно покорилась. Аѳиняне и Лакедемоняне не токмо отъ сего отказались, но еще съ явнымъ нарушенїемъ народнаго права, ввергли пословъ царскихъ въ глубокїй ровъ. Первые простерли негодованїе свое еще далѣе: они осудили на смерть толмача, осквернившаго языкъ Греческїй изъясненїемъ наономъ повелѣнїй варвара.

Послѣ такого извѣстїя Дарїй поставилъ начальникомъ войскъ своихъ Мидянина, по имени Датиса, имѣвшаго болѣе опытности, нежели Мардонїй; онъ повелѣлъ ему раззорить города Аѳины и Эретрїю, и привесть къ нему жителей въ оковахъ.

Сраженїе при Мараѳонѣ.

Тотчасъ собралося воинство на равнинѣ Киликїйской. Шесть сотъ кораблей перевезли оное на островъ Еввею. Городъ Эретрїя шесть дней сильно защищался, но наконецъ взятъ былъ измѣною нѣкоторыхъ гражданъ, имѣвшихъ у народа довѣренность. Храмы были срыты, жители заключены въ оковы, и флотъ, тотчасъ переправясь къ берегамъ Аттики, присталъ при Мараѳонѣ, лежащемъ отъ Аѳинъ около 140 стадїй, (почти 6 Французскихъ миль) и высадилъ тамъ 100,000 человѣкъ пѣхоты и 10000 конницы.

Они расположились станомъ на равнинѣ, къ востоку окруженной моремъ, а съ прочихъ сторонъ горами, и содержащей въ окружности около 200 стадій (почти 7½ франц. миль).

Между тѣмъ городъ Аѳины находился въ смятеніи и ужасѣ. Онъ послалъ просить помощи у другихъ народовъ Греціи, изъ коихъ одни покорились Дарію, прочіе трепетали отъ единаго имени Мидянъ или Персовъ. Одни Лакедемоняне обѣщали прислать войско; но разныя препятствія не позволили имъ тотчасъ присоединиться къ войскамъ Аѳинскимъ.

И такъ защищеніе сего города оставлено было собственнымъ его силамъ. Но какъ бы съ нѣсколькими, въ скорости набранными воинами, отважился онъ противоборствовать такой державѣ, которая въ полвѣка испровергла величайшія государства въ свѣтѣ? Да естьли бы и дерзнулъ онъ, съ потерею знатнѣйшихъ своихъ гражданъ, храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, домогаться оной чести, чтобъ нѣсколько времени препираться о побѣдѣ; то не выступилиль бы съ береговъ Асіи, и изъ среды Персіи войска гораздо страшнѣйшія, нежели первое? Греки раздражили Дарія; и присоединивъ поруганіе къ обидѣ, оставили ему

избирать только мщеніе, безчестіе или прощеніе. Требуемое имъ повиновеніе влечетъ ли за собою уничижительное рабство? Греческія поселенія, въ областяхъ его основанныя, не соблюли ли своихъ законовъ, своего богослуженія, и своихъ владѣній? Не принудилъ ли Дарій, послѣ возмущенія ихъ, разумнѣйшими расположеніями къ тому, чтобъ они между собою сдѣлали союзъ, и были противу воли своей благополучными? И самый Мардоній не ввелъ ли еще недавно народнаго правленія въ городахъ Іонійскихъ.

Сіи разсужденія, которыя побудили большую часть Греческихъ народовъ пристать явно къ Персамъ, колебались въ сердцахъ Аѳинянъ страхомъ не менѣе основательнымъ. Даріевъ военачальникъ показывалъ имъ одною рукою оковы, въ которыя долженствовалъ ихъ заключить; а другою Иппія, коего настоянія и происки привели наконецъ Персовъ на поля Мараѳонскія. И такъ надлежало подвергнуться либо ужасному несчастію и влекомымъ быть къ стопамъ Дарія, подобно подлымъ невольникамъ, или еще гораздо ужаснѣйшему несчастію, чтобъ стенать паки подъ свирѣпствомъ тиранна, мщеніемъ только дышущаго: въ такомъ затрудненіи, едва

приступали къ совѣщанію, и рѣшились погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ.

По счастію явились тогда три мужа, Мильтіадъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ, которыхъ судьба предопредѣлила къ тому, чтобъ дать новое стремленіе чувствованіямъ народа. Свойство ихъ откроется само собою въ повѣствованіи ихъ дѣяній. Мильтіадъ велъ долгое время войну во Ѳракіи, и приобрѣлъ себѣ блистательную славу; Аристидъ и Ѳемистоклъ, которые были младше его, являли съ младенчества своего соперничество, которое погубило бы государство, естьли бы не пожертвовали онымъ въ важныхъ случаяхъ общему благу. Довольно единыя только черты, чтобъ изобразить Аристида. Онъ былъ правосуднѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ Аѳинянъ; но для изображенія дарованій, пособій и видовъ Ѳемистокла потребны многія черты; онъ любилъ свое отечество, но любилъ славу свою еще болѣе, нежели свое отечество.

Примѣръ и рѣчи сихъ трехъ знаменитыхъ гражданъ совершенно воспламенили умы всѣхъ. Набраны были войска. Каждое изъ десяти колѣнъ поставило по 1000 человѣкъ пѣшихъ съ однимъ предводителемъ. Для

наполненія сего числа надлежало принимать невольниковЪ. Сколь скоро войска были собраны, то выступили изЪ города, и спустились на долину Мараѳонскую, куда Платеяне изЪ Віотіи прислали имЪ вЪ подкрѣпленіе 1000 человѣкЪ пѣхоты.

Едва были они вЪ виду непріятеля, какЪ МильтіадЪ предложилЪ учинить на него нападеніе. АристидЪ и нѣкоторые изЪ начальниковЪ подкрѣпляли сильно сіе предложеніе; прочіе, устрашенные чрезвычайною несоразмѣрностію войскЪ, желали обождать помощи Лакедемонской. Поелику мнѣнія были раздѣлены, то и зависѣло отЪ рѣшенія Полемарха или главнаго военачальника: требуютЪ его совѣта вЪ такихЪ случаяхЪ для уничтоженія равенства голосовЪ. МильтіадЪ обращается кЪ нему и говоритЪ ему сЪ жаромЪ души сильно чувствующей: „Аѳины „подвержены вЪ настоящемЪ времени величайшей перемѣнѣ. Они могутЪ быть либо „первою державою Греціи, или позорищемЪ „Иппіевой лютости; отЪ тебя единаго, Каллимахъ, ожидаютЪ они рѣшенія судьбы своей. „Ежели допустимЪ охладѣть жару войскЪ, „то преклонятся они постыдно игу ПерсовЪ; когда же поведемЪ ихЪ на сраженіе,

„то будемъ имѣть защитниками боговъ и „побѣду. Единое слово изъ устъ твоихъ „низвергнетъ отечество твое въ рабство, или „сохранитъ его свободу.„

Каллимахъ подалъ свой голосъ, и положено сразиться. Чтобъ удостовѣрить себя въ счастливомъ успѣхѣ, то Аристидъ и прочїе полководцы, по примѣру его, уступили Милтїаду честь повелительства: но дабы избавить ихъ отъ непрїятныхъ происшествїй, ожидалъ онъ дня, въ который по праву долженъ былъ начальствовать войсками.

Какъ скоро оный насталъ, Милтїадъ построилъ войска свои при подошвѣ горы на мѣстѣ, гдѣ нарочно набросаны были деревья, которыя долженствовали удерживать Персидскую конницу. На лѣвомъ крылѣ поставлены были Платеяне; Каллимахъ повелѣвалъ правымъ; Аристидъ и Ѳемистоклъ находились въ срединѣ войска; а Милтїадъ всюду. Между Греками и Персами было разстоянїя только на восемь стадїй, (около 760 тоазовъ).

По первому знаку Греки быстро пробѣжали сїе разстоянїе. Персы, изумленные такимъ родомъ нападенїя, которое совсѣмъ было новое для обоихъ народовъ, стояли нѣсколько времени неподвижными; но вскорѣ противопо-

ложили стремительной ярости непріятелей ярость болѣе спокойную, но не менѣе страшную. По нѣскольких часах упорнаго сраженія, начинают оба крыла Греческаго воинства рѣшить побѣду. Правое разсыпает непріятелей по равнинѣ; лѣвое гонит их в болото, казавшееся быть лугом, гдѣ они сражаются и погрязают. Оба крыла летят на помощь Аристиду и Ѳемистоклу, которые находились в опасности быть побѣжденными от лучших войск, кои Датис в средину своего строя поставил. С сея минуты содѣлывается разстройство всеобщим. Персы, со всѣх сторон отражаемые, не находят инаго убѣжища, кромѣ своего флота, приближившагося к берегу. Побѣдитель гонит их мечем и пламенем; он берет, сожигает и потопляет множество их кораблей, прочіе же спасаются скорою греблею.

Персидское воинство потеряло около 6400 человѣк; Аѳинское же 192 ироя; ибо не было при сем случаѣ ниединаго, который бы не заслужил сего названія. Милтіад был ранен, Иппій убит, равно как Стесилей и Каллимах, оба Аѳинскіе полководцы.

Едва оканчивалось сраженіе, как один воин, изнуренный от трудов, приемлет

намѣреніе принесть первую вѣдомость о столь великомъ успѣхѣ Аѳинскимъ градоначальникамъ, и, не отлагая оружія, бѣжитъ, летитъ, приходитъ, возвѣщаетъ о побѣдѣ, и падаетъ мертвъ при ногахъ ихъ.

Между тѣмъ сія побѣда моглабы нанести несчастіе Грекамъ безъ дѣятельности Милтіадовой. Датисъ, отступая, получилъ надежду нечаянно напасть на Аѳины, думая, что нѣтъ тамъ защиты; и ужѐ флотъ его объѣхалъ мысъ Суній. Милтіадъ, какъ скоро получилъ о томъ извѣстіе, отправился съ войскомъ въ походъ, прибылъ тогоже дня подъ стѣны города, уничтожилъ присутствіемъ своимъ намѣренія непріятеля, и принудилъ его удалиться къ берегамъ Асіи.

Сраженіе происходило 6 го Веодроміона, въ третіе лѣто седмьдесять вторыя Олимпіады. На другой день прибыли двѣ тысящи Спартанцевъ. Они перешли въ три дни и три нощи 1200 стадій, (то есть 240 верстъ, или около $46\frac{1}{2}$ франц. миль); хотя узнали ужѐ они о бѣгствѣ Персовъ, однако продолжали путь свой до Мараѳона, и нимало не страшились зрѣлища тѣхъ мѣстъ, гдѣ соперники ихъ столь великими подвигами отличились: тамо видѣли они еще разставлен-

20 Сен. 490 год. до Р. Х.

ные шатры Персовъ , мертвыми трупами устланную и богатыми корыстями покрытую равнину ; здѣсь обрѣли они Аристида , гдѣ охранялъ онъ съ колѣномъ своимъ плѣнниковъ и добычу , и не прежде возвратились, пока не воздали праведныхъ похвалъ побѣдителямъ.

Аѳиняне не оставили ничего, чтобъ увѣковѣчить память въ сраженіи убіенныхъ. Учинено было имъ славное погребеніе; имена ихъ вырѣзаны были на полустолпіяхъ , воздвигнутыхъ на Мараѳонской равнинѣ. Сіи памятники и самыя гробницы обоихъ полководцевъ , Каллимаха и Стесилея были чрезвычайно просты. Подлѣ оныхъ поставленъ былъ побѣдоносный знакъ или трофей, обвѣшанный Персидскимъ оружіемъ. Искусный художникъ изобразилъ подробности сраженія на одномъ портикѣ (крытомъ переходѣ), болѣе прочихъ посѣщаемомъ въ городѣ. Онъ представилъ Милтіада первенствующимъ изъ полководцевъ и въ ту самую минуту, когда увѣщевалъ войска къ сраженію.

Дарій получилъ извѣстіе о разбитіи своего воинства съ великимъ негодованіемъ. Всѣ трепетали о судьбѣ Эретріянъ, приведенныхъ Датисомъ къ стопамъ его. Однако,

какъ скоро онъ ихъ увидѣлъ, то сожалѣніе утушило всѣ прочія чувствованія въ его сердцѣ: онъ роздалъ имъ земли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Сузы; и дабы Грекамъ отмстить образомъ благороднѣйшимъ и его достойнѣйшимъ, повелѣлъ набрать новыя войска, и сдѣлалъ чрезвычайныя приготовленія.

Аѳиняне сами себѣ не замедлили отмстить за него. Они превознесли Мильтіада столь высоко, что начали его опасаться. Зависть представляла, что онъ во время повелительства своего во Ѳракіи, имѣлъ совершенно неограниченную власть; что онъ страшенъ чужестраннымъ народамъ и обожаемъ Аѳинянами, слѣдовательно настоитъ время надзирать за его добродѣтелями такъ какъ и за его славою. Неудачный его походъ противъ острова Пароса подалъ новый случай къ ненависти враговъ его. Обвиняли его, яко бы онъ подкупленъ отъ Персовъ деньгами, и не взирая на представленія и вопль честнѣйшихъ граждань, присудили ввергнуть его въ ровъ, для погубленія злодѣевъ уготованный. Однако градоправители воспротивились исполненію сего безчестнаго приговора, и смертная казнь обращена была въ пѣню пятидесяти талан-

товъ; [270,000 ливровъ.] И какъ онъ не въ состоянiи былъ оной заплатить, то долженствовалъ побѣдитель Дарiя умереть въ оковахъ, отъ ранъ, которыя получилъ онъ служа государству.

Өемистоклъ и Аристидъ.

Сiи ужасные примѣры неправосудiя и неблагодарности со стороны государя, или народа не ослабляютъ ни честолюбiя ни добродѣтели. Се камни на пути почестей, подобные подводнымъ камнямъ, находящимся посредѣ моря. Өемистоклъ и Аристидъ приобрѣтали надъ Аөинянами такую власть, которую одинъ многоразличiемъ своихъ дарованiй, другiй единообразiемъ поведенiя, совершенно общему благу посвященнаго, заслуживали. Первый, мучимый день и нощь воспоминанiемъ о побѣдахъ Милтiадовыхъ, ласкалъ непрестанно, новыми опредѣленiями, гордость народа, упоеннаго его побѣдою; другiй трудился только надъ тѣмъ, чтобы поддерживать законы и нравы, которыми та побѣда была предуготовлена. Оба въ основанiяхъ своихъ и намѣренiяхъ противоположные, толико наполняли несогласiями своими народ-

ную площадь, что Аристидъ нѣкогда, противъ всякой справедливости одержавъ преимущество надъ своимъ соперникомъ, не могъ воздержаться, чтобъ не сказать, что республика погибнетъ, ежели его и Ѳемистокла не бросятъ въ глубокій ровъ.

Наконецъ дарованія и пронырство восторжествовали надъ добродѣтелію. Поелику Аристидъ въ распряхъ частныхъ людей употребляемъ былъ посредникомъ, то слава о его справедливости содѣлала судилища пустыми. Единомышленники Ѳемистокловы обвиняли его, яко бы уготовляетъ онъ себѣ власть царскую, тѣмъ паче страшную, когда она основана на любви народной, и требовали его изгнанія. Колѣна были собраны и долженствовали подавать писменно свои голоса. Аристидъ находился при семъ судѣ. Одинъ простый гражданинъ, сидѣвшій подлѣ его, просилъ, чтобъ написалъ имя обвиняемаго на раковинѣ, которую ему подалъ. „Развѣ сдѣлалъ онъ тебѣ какую обиду, отвѣчалъ Аристидъ? Нѣтъ, сказалъ сей незнакомый; но мнѣ уже наскучило слышать, „что вездѣ его называютъ правдивымъ. „Аристидъ написалъ свое имя, былъ осужденъ, и вышелъ изъ города, благословляя свое отечество.

Изгнанïе его послѣдовало вскорѣ по кончинѣ Дарïевой. Сей государь угрожалъ въ одно и тоже время и Грецïи, отрекшейся подвергнуть себя игу Персовъ, и Египту, который оное съ себя свергнулъ. Сынъ его Ксерксъ
Въ 485 былъ наслѣдникомъ его престола: но онъ не
год. до имѣлъ ниединаго изъ великихъ его качествъ.
Р. Х. Воспитанный въ высокомъ мнѣнïи о своемъ могуществѣ, правосудный и благотворный по прихотямъ, несправедливый и жестокïй по слабости, почти всегда неспособный переносить счастïе и несчастïе, показывалъ онъ въ свойствѣ своемъ нечто иное, какъ чрезвычайную вспыльчивость и безмѣрное малодушïе.

Наказавъ Египтянъ за ихъ возмущенïе, и обременивъ безумно тяжесть ихъ оковъ, можетъ быть наслаждался бы онъ спокойно мщенïемъ своимъ, естьли бы не случилось одного изъ тѣхъ подлыхъ царедворцевъ, кои тысящами людей жертвуютъ, безъ угрызенïя совѣсти, своимъ корыстямъ. Мардонïй, коему честь, что былъ супругомъ сестры своего государя, вперяла обширныя притязанïя, желалъ повелѣвать воинствами, загладить безчестïе перваго своего похода, покорить Грецïю, чтобъ получить надъ оною правленïе, и тамо насыщаться своими хищенïями. Легко

уговорилъ онъ Ксеркса сїю страну и всю Европу присовокупить къ Персидскому государству. Положено было объявить войну, и вся Асїя поколебалась.

Къ чрезвычайнымъ приготовленїямъ, которыя сдѣлалъ Дарїй, присовокуплены были еще приготовленїя гораздо ужаснѣйшїя. Четыре года употреблены были для набора войскъ, для учрежденїя запасницъ по дорогамъ, на доставленїе къ морскимъ берегамъ военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, на построенїе во всѣхъ пристаняхъ галеръ и перевозныхъ судовъ.

Наконецъ отправился царь изъ Сузы въ той надеждѣ, чтобы распространить предѣлы государства своего до тѣхъ мѣстъ, гдѣ солнце оканчиваетъ свое теченїе. Сколь скоро прибылъ онъ въ Сарды въ Лидїи, то разослалъ провозвѣстниковъ по всей Грецїи, исключая только Лакедемонянъ и Аѳинянъ. Они долженствовали принимать присягу въ подданствѣ отъ острововъ и народовъ твердой земли: многїе изъ нихъ покорилися Персамъ.

Весною четвертаго года 74й Олимпїады Ксерксъ отправился къ берегамъ Эллеспонта со многочисленнѣйшимъ воинствомъ, которое въ лѣт. 480 до Р. Х.

когда либо землю опустошало. Здѣсь возжелалъ онъ насладиться на досугѣ зрѣнїемъ на могущество свое; и увидѣлъ съ возвышеннаго престола море, покрытое кораблями, а поле своими войсками.

Въ семъ мѣстѣ брегъ Асїйскїй отдѣляется отъ Европейскаго морскимъ рукавомъ, шириною въ седмь стадїй. Два на судахъ поставленные моста, на якоряхъ утвержденные, соединяли противоположные берега. Египтяне и Финикїяне употреблены были съ самаго начала къ строенїю оныхъ. Но какъ сильная буря раззорила ихъ работу, то Ксерскъ приказалъ работникамъ отрубить головы, и желая поступить съ моремъ, аки съ возмутившимся рабомъ, повелѣлъ оное бить кнутомъ, заклеймить раскаленнымъ желѣзомъ, и бросить въ глубину его пару цѣпей. Но при всемъ томъ слѣдовали за симъ государемъ миллїоны людей!

Войска его употребили седмь дней и седмь нощей на переправу чрезъ морскїй проливъ: обозы же цѣлый мѣсяцъ. Оттолѣ воспрїялъ онъ путь чрезъ Ѳракїю, и держась береговъ, прибылъ на равнину Дориска, рѣкою Эвромъ орошаемую, которая не только способна была для успокоенїя и прохлажденїя, но и для смотра и счисленїя войска.

Оно состояло изъ милліона седми сотъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и изъ осмидесяти тысячъ конницы; двадцать тысячъ Аравлянъ и Ливіянъ провожали вельблюдовъ и телѣги. Ксерксъ, сидящій на колесницѣ, проѣхалъ всѣ ряды; потомъ отправился ко флоту своему, приближившемуся къ берегу, и состоявшему изъ 1207 галеръ о трехъ рядахъ веслъ. Каждая могла помѣстить въ себѣ 200 человѣкъ, а всѣ совокупно 241,400 человѣкъ. За ними слѣдовали 3000 перевозныхъ судовъ, на которыхъ, какъ полагаютъ, 240,000 человѣкъ находилось.

Таковы были военныя силы, приведенныя имъ изъ Асіи: вскорѣ умножены онѣ еще были 300,000 ратоборцевъ, взятыхъ изъ Ѳракіи, Македоніи, Пеоніи, и многихъ другихъ Европейскихъ странъ, Ксерксу покоренныхъ. Сосѣдственныя острова выставили болѣе 120 галеръ, на коихъ было 24,000 человѣкъ. Присовокупивъ къ сему безмѣрному числу надобныхъ и безполезныхъ людей, слѣдующихъ за войскомъ, найдутъ, что пять милліоновъ людей исторгнуты были изъ своего отечества, и шествовали для истребленія цѣлыхъ народовъ, дабы удовле-

творитъ честолюбїю частнаго человѣка, называемаго Мардонїемъ.

По обозрѣнїи всего воинства и флота, призвалъ къ себѣ Ксерксъ царя Демарата, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ бывъ изгнанъ изъ Лакедемона, нашелъ прибѣжище при дворѣ Сузскомъ.

„Думаешь ли ты, сказалъ онъ ему, „что Греки дерзнутъ противоборствовать „мнѣ?„ Демаратъ, получивъ позволенїе говорить ему правду, отвѣчалъ: „Грековъ должно „опасаться для того, что они бѣдны и „добродѣтельны. Не дѣлая похвалы о про„чихъ, упомяну только о Лакедемонянахъ. „Единая мысль о рабствѣ возмутитъ ихъ. „Когда бы и вся Грецїя покорилась оружїю „твоему, то они тѣмъ горячѣе стали бы „защищать свою свободу. Не спрашивай о „числѣ войскъ ихъ; хотя бы они состояли „токмо въ тысячѣ, или еще въ меньшемъ „числѣ; однако предстанутъ на сраженїе.„

Царь засмѣялся; и сравнивъ военныя свои силы съ Лакедемонскими, присовокупилъ потомъ къ сему: „Не видишь ли ты, „что большая часть воиновъ моихъ предались бы бѣгству, естьли бы не удержи„вали ихъ угрозы и побои? Но какъ такой

„страхъ на Спартанцовъ дѣйствовать не „можетъ, которыхъ описываютъ намъ столь „свободными и независимыми, то ясно ви„дѣть можно, что они сами собою не отва„жатся на извѣстную смерть; и кто бы могъ „ихъ къ сему принудить?—„Законъ, отвѣчалъ „Демаратъ, законъ, который имѣетъ надъ „ними болѣе власти, нежели ты надъ своими „подданными; законъ, который имъ гласитъ: „се враги ваши; нѣтъ нужды исчислять ихъ; „надлежитъ ихъ побѣдить или погибнуть.„

Смѣхъ Ксерксовъ умножился при сихъ словахъ: онъ далъ свои повелѣнія, и воинство, раздѣленное на три части, отправилось въ походъ. Одна держалась морскаго берега, а прочія двѣ шли въ нѣкоторомъ разстояніи во внутренности земель. Воспріятыя мѣры доставляли имъ надежныя средства для содержанія. Три тысячи судовъ со съѣстными припасами тянулись вдоль береговъ, и располагали движенія свои по движеніямъ воинства. Уже напередъ Египтяне и Финикіяне снабдили многія приморскія мѣста Ѳракіи и Македоніи съѣстными припасами. Наконецъ при каждомъ становищѣ, Персы получали пищу, и содержаны были отъ жителей сопредѣльныхъ земель, кото-

рые будучи давно предварены о прибытіи ихъ, пригошовились къ ихъ приняшію.

Между шѣмъ, какъ сіе воинсшво продолжало пушь свой къ Ѳессаліи, опусшошало поля, пожирало въ одинъ день жашвы многихъ лѣшъ, влекло съ собою ограбленные народы на сраженіе; шо флошъ Ксерксовъ проходилъ сквозь гору Аѳонъ, вмѣсто шого, что бы оную объѣхашь.

Сія гора просширается полуосшровомъ, кошорый соединяешся съ машерою землею широкимъ перешейкомъ въ 12 стадій, [около полумили Французской]. Персидскій флошъ нѣсколько лѣшъ прежде испышалъ, сколь опасенъ сей морскій переходъ. На сей разъ можно бы было перенесшь оный чрезъ перешеекъ на рукахъ; но Ксерксъ приказалъ оный прорышь, и множесшво рабошниковъ долгое время упражнялись рышіемъ канала, по кошорому двѣ галеры могли бы проходишь рядомъ. Ксерксъ увидѣвъ оный подумалъ, что наведя мосшъ чрезъ море, и проложа дорогу чрезъ горы, ничшо не воспрошивишся уже его могущесшву.

Греція досшигала шогда до рѣшишельной развязки всѣхъ шѣхъ опасносшей, кошорыя ее многіе годы сряду въ безпокойсшвіе

приводили. Со времени Мараѳонскаго сраженія не предвѣщали извѣстія изъ Асіи ничего инаго со стороны великаго царя, какъ расположеніе ко мщенію, и военныя приготовленія, Даріевою смертію пресѣченныя, но сыномъ его Ксерксомъ съ большимъ жаромъ паки воспріятыя.

Въ то время, какъ сей послѣдній наиболѣе онымъ занимался, увидѣли вдругъ двухъ Спартанцовъ въ Сузѣ, допущенныхъ предъ царя, но твердо упорствовавшихъ повергнуться предъ нимъ на землю, по обычаю восточныхъ народовъ. „Царь Мидійскій, „говорили они ему, Лакедемоняне умертвили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Даріе„выхъ пословъ. Они обязаны Персіи за то „удовлетворить; мы пришли предложить „тебѣ наши головы.„ Сіи два Спартанца, по имени Сперѳій и Вулій, провѣдавъ, что боги, прогнѣванные убійствомъ Персидскихъ пословъ, жертвы Лакедемонянъ отвергаютъ, сами себя посвятили смерти для спасенія своего отечества. Ксерксъ удивленный ихъ твердостію, не менѣе привелъ ихъ отвѣтомъ своимъ въ удивленіе. „Идите и скажите Лаке„демону, что хотя онъ склоненъ нарушать „право народное, однако я не хочу слѣдо-

„вать примѣру его; и что я смертїю вашею „не очищу того беззаконїя, которымъ онъ „себя осквернилъ. „

По нѣкоторомъ времени, когда Ксерксъ находился въ Сардахъ, пойманы были три Аѳинскїе лазутчика, въ Персидскїй станъ пробравшїеся. Царь, вмѣсто осужденїя ихъ на казнь, позволилъ имъ свободно осмотрѣть точное состоянїе его силъ: онъ ласкался надеждою, что по возвращенїи ихъ, Греки не умедлятъ ему покориться. Но сказанное ими служило только къ подкрѣпленїю Лакедомонянъ и Аѳинянъ въ предпрїятомъ намѣренїи, чтобъ сдѣлать всеобщїй союзъ между всѣми Греческими народами. Они собрали сеймъ на перешейкѣ Коринѳскомъ; посланники ихъ ходили изъ города въ городъ, и старались распространять тоже ревнїе, которымъ одушевлены были сами. Дельфїйская Пиѳїя, непрестанно вопрошаемая, непрестанно окружаемая дарами, стараясь согласовать честь своего сана съ корыстолюбивыми намѣренїями жрецовъ, и съ тайными намѣренїями ее вопрошающихъ, иногда убѣждала она народы пребывать въ недѣятельности, иногда увеличивала смятенїя ихъ предвѣщаемыми несчастїями, и не извѣ-

стность ихъ непроницаемостїю своихъ отвѣтовъ.

Понуждали Аргїанъ вступить въ союзъ. Шесть тысячъ воиновъ ихъ, между которыми находились отборные юноши, погибли въ походѣ, предпрїятомъ Лакедемонскимъ царемъ Клеоменомъ противъ Арголиды. Истощенные сею потерею, получили они прорицанїе, запрещавшее имъ принимать оружїе. Потомъ требовали они себѣ начальства надъ частїю Греческаго войска, и жалуясь на отказъ, котораго ожидали, остались спокойны; а наконецъ имѣли съ Ксерксомъ тайное сношенїе.

Надежда, которую полагали на помощь Гелона, царя Сиракузскаго, была гораздо основательнѣе. Сей государь, побѣдами и дарованїями своими едва только покорилъ многїя Греческїя посеенїя, которыя долженствовали естественно спѣшить на защищенїе своей отечественной столицы. Посланники Лакедемонскїе и Аѳинскїе были предъ него допущены; Спартанецъ Сїагръ говорилъ рѣчь, и объявя кратко о военной силѣ и намѣренїи Ксеркса, представлялъ только Гелону то, что паденїе Грецїи навлечетъ за собою и паденїе Сицилїи.

Царь отвѣчалъ съ чувствительностїю, что въ войнахъ его противъ Карѳагенцовъ и въ другихъ случаяхъ, просилъ онъ помощи у союзныхъ державъ, и не получилъ оной; что нынѣ одна опасность принудила ихъ прибѣгнуть къ нему; но не взирая на то, забываетъ онъ справедливыя свои причины къ жалобѣ, готовъ поставить 200 галеръ, 20000 тяжело вооруженныхъ, 4000 конницы, 2000 стрѣлковъ и толикое же число пращниковъ. „ Сверхъ сего, присовокупилъ онъ, „обязуюсь я, все воинство, во время войны, „снабжать съѣстными припасами. Токмо „единаго требую условїя, чтобъ избранъ „былъ я верховнымъ повелителемъ всѣхъ „сухопутныхъ и морскихъ войскъ. „

„Ахъ! колико возстенаетъ тѣнь Агамем„нона, отвѣчалъ съ жаромъ Сїагръ, если „узнаетъ, что Гелонъ и Сиракузяне похи„щаютъ у Лакедемонянъ честь военачаль„ства! Нѣтъ, никогда Спарта не уступитъ „тебѣ сего преимущества. Ежели хощешь „помогать Грецїи, то принимай отъ насъ „повелѣнїя; будеже самъ желаешь давать оныя, „то оставь при себѣ твоихъ воиновъ!„ Сїагръ, отвѣчалъ спокойно царь, „я помню, что „узы гостепрїимства насъ соединяютъ;

„помниже и ты съ своей стороны, что „оскорбительныя слова служатъ только „къ раздраженїю. Гордый отвѣтъ твой не „выведетъ меня изъ предѣловъ умѣренности; „и хотя, по могуществу моему, имѣю я бо- „лѣе права, нежели вы, на верховное пове- „лительство; однако предлагаю раздѣлить „оное съ вами. Избирай, либо предводитель- „ство сухопутнаго воинства, или флота; я „приму другое. „

„ Не предводителя просятъ Греки, под- „хватилъ тотчасъ посолъ Аѳинскїй, но „войскъ; я молчалъ при первыхъ твоихъ „требованїяхъ; Сїагру оставалось отказать „въ оныхъ. Но теперь объявляю, что ежели „Лакедемоняне уступятъ часть начальства, „то переходитъ она по праву къ намъ. „

Послѣ сихъ словъ, отпустилъ Гелонъ пословъ, и отправилъ немедлѣнно Кадма въ Дельѳы съ повелѣнїемъ, ожидать въ семъ мѣстѣ конца сраженїя; возвратиться, когда Греки будутъ побѣдителями; а ежели они будутъ побѣждены, представить Ксерксу его подданство, и поднесть купно богатые дары.

Большая часть переговоровъ союзныхъ городовъ не лучшїй имѣли успѣхъ. Жи-

тели Крита вопросили прорицателя, который повелѣлъ имъ не мѣшаться въ дѣла Греческія. Корциряне вооружили 60 галеръ, приказали имъ стоять спокойно при полуденныхъ берегахъ Пелопонниса, и потомъ взять сторону побѣдителей.

Наконецъ Ѳессалійцы, которые довѣренностію многихъ своихъ начальниковъ придерживались до того времени стороны Мидянъ, объявили сейму, что они готовы, ежели прочіе Греки имъ помогать желаютъ, охранять проходъ горы Олимпа, который идетъ изъ нижней Македоніи въ Ѳессалію. Тотчасъ отправлены были подъ предводительствомъ Эвенета Лакедемонскаго и Ѳемистокла Аѳинскаго, 10,000 человѣкъ; они прибыли на брега Пенеа, и расположились станомъ съ конницею Ѳессалійскою при входѣ Темпійской долины. А какъ они по прошествіи нѣсколькихъ дней узнали, что Персидское воинство удобнѣйшимъ путемъ въ Ѳессалію пройти можетъ, и посланники отъ царя Александра Македонскаго о ихъ опасномъ положеніи увѣдомили; то отступили къ перешейку Коринѳскому; а Ѳессалійцы положили примириться съ Персами.

Итакъ для защищенія Греціи оставалось

только малое число народовъ и городовъ. Ѳемистоклъ былъ душею ихъ совѣтовъ, и ободрялъ ихъ надежду: употребляя то убѣжденіе и хитрость, то благоразуміе и дѣятельность, привлекая всѣ умы не столько силою краснорѣчія своего, какъ силою своего нрава, будучи самъ влекомъ непрестанно отмѣннымъ дарованіемъ, которое искуствомъ не было обработано, но опредѣлено было природою къ управленію людьми и происшествіями; и которое есть родъ врожденнаго побужденія, коего незапныя вдохновенія открывали ему для будущаго и для настоящаго времени то, чего онъ надѣяться или опасаться долженствовалъ.

За нѣсколько лѣтъ предвидѣлъ онъ, что Мараѳонское сраженіе есть только преддверіе браней, угрожающихъ Грекамъ; что никогда не бывали они въ вящшей опасности, какъ со времени ихъ побѣды; что для сохраненія пріобрѣтеннаго превосходства, долженствуютъ они оставить способы, давшіе имъ оное; что они пребыли бы всегда властелинами твердыя земли, если бы могли остаться властителями моря: что наконецъ придетъ время, въ которое спасеніе Грековъ зависѣть

будетъ отъ спасенія Аѳинъ, а спасеніе Аѳинское отъ числа ихъ кораблей.

По симъ сколь новымъ, столь важнымъ разсужденіямъ, предпріялъ онъ перемѣнить мысли Аѳинянъ, и обратить вниманіе ихъ на морское ополченіе. Два обстоятельства привели его въ состояніе, исполнить свое намѣреніе. Аѳиняне воевали противъ жителей острова Эгины; и долженствовали между собою дѣлить великое число денегъ, получаемыхъ съ ихъ серебряныхъ рудниковъ. Онъ убѣдилъ ихъ отрещися отъ сего раздѣла, и вмѣсто того построить 200 галеръ, которыми они въ настоящее время на Эгинянъ нападать, или впредь противъ Персовъ защищать себя могутъ. Во время нападенія Ксерксова находились оныя галеры въ Аттическихъ пристаняхъ.

Въ то время, какъ сей государь продолжалъ свой походъ, заключено было на сеймѣ въ перешейкѣ, чтобъ часть войскъ подъ предводительствомъ Леонида, царя Спартанскаго, заняла проходъ Ѳермопильскій, лежащій между Ѳессаліею и Локридою; чтобъ Греческій флотъ ожидалъ Персидскаго въ ближнемъ морѣ, въ проливѣ, который Ѳессалійскіе и Эввейскіе берега образуютъ.

Аѳиняне, долженствовавшїе вооружить 127 галеръ, утверждали, что имѣютъ болѣе права повелѣвать флотомъ, нежели Лакедемоняне, поставившїе только десять галеръ. Но увидѣвъ, что союзники угрожаютъ удалиться, ежели не будутъ повиноваться Спартанцу, оставили свое требованїе. Эврибїадъ избранъ былъ главнымъ начальникомъ, отъ котораго зависѣли Ѳемистоклъ и начальники прочихъ народовъ.

280 кораблей собрались при сѣверномъ берегѣ Эввеи, близъ мѣста называемаго Артемизїумъ.

Леонидъ узнавъ о избранїи сейма, предвидѣлъ судьбу свою, и подвергся оной съ такимъ величїемъ души, которое тогда свойственно было его народу; онъ взялъ съ собою только 300 Спартанцовъ, которые въ храбрости подобны были ему, и расположенїя коихъ онъ зналъ. Эфоры представляли ему, что столь малое число воиновъ не можетъ быть для него достаточно. „Весьма ихъ мало, отвѣ„чалъ онъ, чтобъ остановить непрїятеля; „но слишкомъ довольно для предполагаемой ими „цѣли?„ Да какая же сїя цѣль? вопросили Эфоры. „Должность наша, говорилъ онъ, защищать „проходъ; намѣренїе наше, тамъ умереть. „Триста жертвъ довольно для чести Спарты.

„Она погибла бы неминуемо, ежели бы „вѣрила мнѣ всѣхъ своихъ воиновъ; ибо я „не думаю, чтобъ хотя единый изъ нихъ „дерзнулъ обратиться въ бѣгство.

Нѣсколько дней послѣ того представлено было въ Лакедемонѣ зрѣлище, о коемъ не можно воспомянуть безъ содроганія. Сотоварищи Леонидовы почтили предварительно его и свою кончину погребательнымъ сраженіемъ, при которомъ присутствовали отцы и матери ихъ. По окончаніи сего обряда, выступили они изъ города, сопровождаемые своими родственниками и друзьями, съ коими они навѣки простились; и здѣсь то просила супруга Леонидова послѣднихъ у него завѣщаній: „я желаю тебѣ, сказалъ онъ ей, „супруга тебя достойнаго, и чадъ ему по„добныхъ.„

Сраженіе въ Ѳермопилахъ.

Леонидъ поспѣшалъ своимъ походомъ. Онъ желалъ, примѣромъ своимъ, удержать многіе города въ ихъ должности, которые казались уже готовыми принять сторону Персовъ. Онъ прошелъ земли Ѳивянъ, коихъ вѣрность была подозрительна, но кои однакоже

дали ему 400 человѣкЪ, сЪ которыми расположился онЪ станомЪ вЪ ѲермопилахЪ.

Вскорѣ прибыли одни послѣ другихЪ, 1000 воиновЪ изЪ Тегея и Мантинеи, 120 изЪ Орхомена, 1000 изЪ прочихЪ городовЪ АркадскихЪ, 400 изЪ Коринѳа, 200 изЪ Флїонта, 80 изЪ МикенЪ, 700 изЪ Ѳеспїи, 1000 изЪ Фокиды. Малочисленный народЪ Локрїйскїй отправился со всею своею военною силою вЪ станЪ.

За симЪ отрядомЪ, почти изЪ 7000 человѣкЪ состоявшимЪ, долженствовало слѣдовать все Греческое воинство. Лакедемоняне удержаны были празднествомЪ; прочїе союзники приготовлялись кЪ торжествованїю ОлимпїйскихЪ игрЪ. КакЪ сїи, такЪ и другїе думали, что КсерксЪ находился еще далеко отЪ ѲермопилЪ.

Сей проходЪ есть единственный путь, чрезЪ который могло бы пройти воинство изЪ Ѳессалїи вЪ Локриду, Фокиду, Вїотїю, Аттику, и вЪ сосѣдственныя страны. Здѣсь надлежитЪ сдѣлать ему краткое описанїе.

Отправясь изЪ Фокиды вЪ Ѳессалїю, должно проѣзжать чрезЪ небольшую землицу ЛокрїянЪ, и прибыть вЪ мѣстечко Ал-

пенъ, лежащее при морѣ. А какъ оное находится при самомъ узкомъ проходѣ, то и укрѣпили его въ сіи послѣднія времена.

Начало сей дороги имѣетъ широту, нужную только для проѣзду одной телѣги; потомъ простирается она между болотами, происшедшими отъ морскихъ водъ, и между скалами почти неприступными, окончивающими цѣпь горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Эты.

Едва выѣдешь изъ Алпена, найдешь въ лѣвой сторонѣ камень, посвященный Ираклу Мелампигскому, и здѣсь то кончится тропа, ведущая на верхъ горы. Я буду говорить о томъ скоро.

Далѣе должно переходить чрезъ истокъ теплыхъ водъ, отъ которыхъ сіе мѣсто получило именованіе Ѳермопилъ.

Близко находится мѣстечко Анѳела, на равнинѣ, оное окружающей, есть холмъ и храмъ Цереры, куда Амфиктіоны единожды въ годъ собираются.

При выходѣ изъ равнины, находится дорога или паче плотина, имѣющая только отъ 7 до 8 футовъ ширины. Сіе мѣсто примѣчанія достойно. Здѣсь Фокеяне по-

строили нѣкогда каменную стѣну для защищенія своего отъ набѣговъ Ѳессаліянъ.

Проѣхавъ чрезъ Фениксъ, коего воды соединяются съ водами рѣки Асопа, вытекающей изъ близь лежащей долины, встрѣтишь потомъ узкой проходъ, коего ширина содержитъ половину плефры.

Сей путь расширяется потомъ до Трахиніи, имѣющей именованіе свое отъ города Трахиса, и обитаемой Маліенами. Сія земля представляетъ большія равнины, орошаемыя Сперхіемъ и другими рѣками. Къ востоку отъ Трахиса находится нынѣ городъ Ираклія, который во время Ксеркса еще не существовалъ.

Весь путь, начиная отъ тѣснаго прохода, который предъ Алпеномъ, даже до послѣдняго по ту сторону Феникса, имѣетъ длины 48 стадій. Широта его перемѣняется почти при каждомъ шагѣ; но вездѣ находятся съ одной стороны утесистыя горы, а съ другой море или непроходимыя болота: дорога часто портится либо отъ стремленія ручьевъ съ горъ быстро текущихъ, или отъ стоячихъ водъ.

Леонидъ расположилъ воинство свое близь Анѳелы, возобновилъ каменную стѣну

Фокіянъ, и поставилъ нѣсколько отрядовъ войска предъ оною, чтобъ непріятель къ ней не приближился. Но недовольно сего было, чтобъ охранять проходъ, лежащей при подошвѣ горы: на самой горѣ находилась тропа, начинающаяся при равнинѣ Трахійской, и по многихъ излучинахъ окончивающаяся близь мѣстечка Алпена. Леонидъ препоручилъ защищеніе оной тысячѣ Фокіянъ, которыхъ имѣлъ онъ при себѣ; и кои стали на высотахъ горы Эты.

Едва сіи расположенія учинены были, какъ увидѣли Ксерксово воинство распространяющееся по Трахиніи, и покрывающее равнину безчисленнымъ множествомъ шатровъ. При семъ явленіи Греки совѣщавались, что имъ предпріять должно. Большая часть предводителей предлагали отступить къ перешейку; но какъ Леонидъ отвергъ сіе мнѣніе, то положили отправить гонцовъ, и требовать скорой помощи отъ союзныхъ городовъ.

Тогда явился Персидскій всадникъ, посланный отъ Ксеркса для обозрѣнія непріятелей. Первую стражу Грековъ содержали въ сей день Спартанцы: одни упражнялись въ борьбѣ, а прочіе чесали свои власы: ибо убираніе своихъ головъ есть первое ихъ попе-

ченіе въ такихъ опасностяхъ. Всадникъ имѣлъ удобное время приближиться къ нимъ, счесть ихъ, и возвратиться такъ, что никто его и не примѣтилъ. Поелику же каменная стѣна закрывала отъ него достальную часть воинства, то и донесъ онъ Ксерксу только о трехъ стахъ человѣкахъ, коихъ онъ видѣлъ при входѣ въ тѣсный путь.

Царь, удивленный спокойствіемъ Лакедемонянъ, обождалъ нѣсколько дней, чтобъ дать имъ время на размышленіе. Въ пятый день написалъ онъ Леониду. „Если желаешь „покориться, то дамъ тебѣ владычество надъ „Грецією. „Леонидъ отвѣчалъ: я лучше умру „за свое отечество, нежели поработщу его. „ „Второе письмо царя содержало только сіи „слова: „отдай мнѣ твое оружіе. „Леонидъ „подписалъ въ низу: „Приди и возьми.„

Ксерксъ воспаленный гнѣвомъ, отправилъ Мидянъ и Кисіянъ съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ взяли сихъ людей живыхъ, и привели бы къ нему немедлѣнно. Нѣкоторые воины бѣгутъ къ Леониду, и сказываютъ ему: „Персы близко насъ.„ Онъ отвѣчаетъ имъ хладнокровно: „Скажите лучше, „что мы близко ихъ.„ Тотчасъ выступаетъ онъ изъ окоповъ съ отборными воинами, и

даетъ знакъ къ сраженiю. Мидяне наступаютъ съ яростiю: первые ряды ихъ пораженные мечами падаютъ, и заступившiе ихъ мѣсто равный жребiй имѣютъ. Греки сомкнувшись плотно, и большими щитами покрытые, представляютъ рядъ простертыхъ предъ собою длинныхъ копьевъ. Тщетно новыя войска усиливаются. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ нападенiй, ужасъ объемлетъ Мидянъ; они бѣгутъ, и заступаетъ мѣсто ихъ толпа 10000 безсмертныхъ, предводительствуемыхъ Идарномъ. Тогда битва содѣлалася кровопролитнѣе. Можетъ быть храбрость была равная съ обѣихъ сторонъ; но Греки имѣли на своей сторонѣ выгодное мѣсто и превосходство оружiя. Копья у Персовъ были слишкомъ коротки, а щиты слишкомъ малы; они потеряли много людей, и Ксерксъ видя ихъ бѣгство, какъ сказываютъ, вскакивалъ неоднократно съ престола своего, и сожалѣлъ о своемъ воинствѣ.

На другой день возобновилось паки сраженiе, но съ такимъ малымъ успѣхомъ со стороны Персовъ, что Ксерксъ отчаявался уже овладѣть узкимъ проходомъ. Безпокойствiе и стыдъ терзали горделивую и робкую его душу, какъ житель страны той, име-

немъ Эпіальтъ, открылъ ему бѣдственную тропу, по которой можно было зайти къ Грекамъ съ тыла. Ксерксъ восхищенный радостію, отрядилъ тотчасъ Идарна съ войскомъ безсмертныхъ. Эпіальтъ служитъ имъ путеводцемъ: они отправляются при наступленіи ночи; пробираются чрезъ дубовый лѣсъ, которымъ покрыты бока сихъ горъ, и приходятъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Леонидъ поставилъ отрядъ своего воинства.

Идарнъ почелъ оный отрядъ за Спартанскій; но бывъ ободренъ Эпіальтомъ, который узналъ Фокіанъ, готовился къ бою, какъ увидѣлъ сихъ послѣднихъ, по легкомъ сопротивленіи, бѣгущихъ на близь лежащія высоты. Персы продолжали свой путь.

Во время ночи, Леонидъ увѣдомленъ былъ о ихъ намѣреніи отъ переметчиковъ, бѣжавшихъ изъ Ксерксова стана; а на другой день узналъ онъ о успѣхѣ онаго чрезъ стражей, прибѣжавшихъ съ высоты горы. По сему ужасному извѣстію собрались Греческіе предводители. Нѣкоторые мнили оставить Ѳермопилы, другіе тамъ остаться. Леонидъ заклиналъ ихъ поберечь себя для времянъ благоуспѣшнѣйшихъ, и объявилъ; что касается до него и до его товарищей, то не позволено

имъ оставить такое мѣсто, которое вѣрила имъ Спарта. Ѳеспіане торжественно объявили, что не оставятъ Спартанцовъ; четыреста Ѳиванъ, по волѣ или по неволѣ, на тоже согласились; остальное воинство имѣло время выдти изъ сего тѣснаго прохода.

Между тѣмъ Леонидъ приготовлялся къ отважнѣйшему предпріятію. „Не здѣсь, говорилъ онъ своимъ сотоварищамъ, должны мы „сражаться: мы должны идти въ шатеръ „Ксерксовъ, заклать его , или погибнуть „посредѣ его стана.„ Воины его отвѣчали ему только радостными воплями. Онъ приказалъ имъ подкрѣпить себя умѣренною пищею, сказавъ притомъ, „что они скоро ужинать будутъ у Плутона.„ Всѣ слова его содѣлывали глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ ихъ. Предъ самымъ сраженіемъ съ непріятелемъ, поражаетъ его судьба двухъ Спартанцовъ , коихъ родство и дружба съ нимъ сопрягали; онъ даетъ одному письмо, другому тайное порученіе къ начальству Лакедемонскому. „ Не для того „мы здѣсь, говорятъ они ему, чтобъ разно„сить повелѣнія, но чтобъ сражаться; „ и, не дожидая его отвѣта, становятся въ ряды, имъ назначенные.

Среди нощи, Греки предводительствуемые Леонидомъ, выступаютъ изъ тѣснаго прохода, спѣшатъ удвоенными шагами на равнину, опрокидываютъ передовыхъ стражей, и продираются въ шатеръ Ксеркса, который ужѐ убѣжалъ; они входятъ въ ближнїе шатры, разсыпаются по стану, и насыщаются кровопролитїемъ. Ужасъ ими наносимый возрастаетъ при каждомъ шагѣ, въ каждую минуту, съ обстоятельствами отчасу страшнѣйшими. Сперва нѣкая тихая молва, потомъ ужасные вопли возвѣщаютъ, что войска Идарновы разбиты; и что все воинство вскорѣ истребится отъ соединенныхъ силъ Грецїи. Храбрѣйшїе изъ Персовъ не могши слышать гласа своихъ полководцевъ, не зная куда идти, куда устремить свое оружїе, бросалися въ сраженїе на удачу и погибали другъ отъ друга, доколѣ первые лучи солнца не открыли взору ихъ малаго числа побѣдителей. Тотчасъ строятся они, и нападаютъ на Грековъ со всѣхъ сторонъ. Леонидъ падаетъ подъ тучею стрѣлъ. Честь исхитить мертвое его тѣло производитъ страшный бой между его сотоварищами и между опытнѣйшими ратниками Персидскаго воинства. Два

брата Ксерксовы, множество Персовъ, многіе Спартанцы лишились при томъ жизни. Наконецъ Греки, хотя истощенные и ослабленные потерями своими, уносятъ тѣло своего полководца, отражаютъ четырекратно непріятеля въ отступленіи своемъ; и достигши паки тѣснаго прохода, переходятъ окопъ, и становятся на маломъ холмѣ Анѳелы; здѣсь защищались они еще нѣсколько минутъ какъ отъ войскъ за ними слѣдовавшихъ, такъ и отъ тѣхъ, которыя Идарнъ велъ съ другой стороны тѣснаго прохода.

Простите, великодушныя тѣни! слабости моихъ выраженій. Я воздавалъ вамъ достойнѣйшее благоговѣніе, когда посѣщалъ сей холмъ, гдѣ испустили вы послѣднее дыханіе; когда опершись на одну изъ вашихъ гробницъ, орошалъ я слезами моими мѣста̀, обагренныя кровію вашею. Да и какое краснорѣчіе могло бы возвысить сію толь великую и чрезвычайную жертву? Память ваша существовать будетъ долѣе, нежели Персидское государство, которому вы противоборствовали; и до скончанія вѣковъ примѣръ вашъ преисполнитъ вниманіемъ сердца̀, любящія свое отечество, и произведетъ въ нихъ восторгъ удивленія.

Прежде окончанія битвы, нѣкоторые Ѳивяне, какъ повѣствуютъ, передались къ Персамъ. Ѳеспіяне раздѣляли подвиги и участь со Спартанцами; однако же слава Спартанцевъ почти затмила славу Ѳеспіянъ. Между причинами, которыя имѣли вліяніе въ общенародное мнѣніе, должно замѣтить и ту, что рѣшительность умереть въ Ѳермопилахъ была у первыхъ намѣреніе сколь хладокровно, столь и постоянно воспріятое; но напротивъ того у вторыхъ она была только мгновенное стремленіе храбрости и добродѣтели, примѣромъ возбужденное. Ѳеспіяне превзошли только для того прочихъ людей, что Спартанцы превзошли самихъ себя.

Лакедемонъ гордится потерею своихъ ратниковъ. Все, что до нихъ ни касается, возбуждаетъ уваженіе. Когда находились они въ Ѳермопилахъ, одинъ Трахинянинъ, желая подать имъ высокое понятіе о Ксерксовомъ воинствѣ, сказалъ имъ, что число стрѣлъ ихъ могло бы затмить солнце. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Спартанецъ Діинекъ, мы будемъ сражаться въ тѣни. Другой, посланный Леонидомъ въ Лакедемонъ, удержанъ былъ въ мѣстечкѣ Альпенѣ очною болѣзнію. Возвѣщаютъ ему, что отрядъ Идарновъ спустился

съ горы, и ближится къ узкому проходу. Тотчасъ беретъ онъ свое оружїе, приказываетъ рабу своему вести себя къ непрїятелю, нападаетъ на удачу и получаетъ смерть, которую онъ ожидалъ.

Другїе двое, равномѣрно по повелѣнїю полководца отсутственные, подозрѣваемы были при ихъ возвращенїи, что не употребили всѣхъ способовъ явиться на сраженїе. Сїе сомнѣнїе было для нихъ безчестїемъ. Одинъ лишилъ себя жизни; другой не имѣлъ инаго средства, какъ потерять оную нѣсколько времени послѣ того на Платейской битвѣ.

Пожертвованїе Леонида и сотоварищей его произвело болѣе дѣйствїя, нежели блистательнѣйшая побѣда. Онъ открылъ Грекамъ таинство ихъ силъ, а Персамъ таинство слабости ихъ. Ксерксъ устрашенный, что имѣетъ столь много людей и столь мало воиновъ, не менѣе пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что Грецїя въ нѣдрѣ своемъ питаетъ множество такихъ же безстрашныхъ защитниковъ, каковы Ѳеспїяне, и 8000 Спартанцовъ подобныхъ днесь погибшимъ. Съ другой стороны, удивленїе, которымъ сїи послѣднїе всѣхъ Грековъ исполнили, превратилось скоро въ сильное желанїе, подражать

имЪ. Любовь ко славѢ, любовь кЪ отечеству, всѢ добродѢтели вознеслись на высочайшую степень, и всѢ души на высоту дотолѢ неизвѢстную. Се время великихЪ подвиговЪ, но не время, чтобЪ налагать оковы на народы, толь благородными чувствованіями одушевленные.

Во время пребыванія Ксерксова вЪ ѲермопилахЪ, флотЪ его, претерпѢвЪ на морѢ при МагнесійскихЪ берегахЪ бурю, погубившую 400 галерЪ и множество перевозныхЪ судовЪ, продолжалЪ путь свой далѢе, и сталЪ на якоряхЪ близь города Афеты, вЪ виду и только на 80 стадій разстоянія отЪ Греческаго флота, долженствовавшаго защищать проходЪ между Эввеи и твердыя земли. ЗдѢсь, хотя сЪ нѢкоторою разностію вЪ успѢхЪ, возобновились при нападеніи и при защищеніи многія обстоятельства, предварявшія и сопутствовавшія сраженію Ѳермопильскому.

Когда флотЪ непріятельскій приближился, то Греки рѢшились оставить морскій проливЪ; но ѲемистоклЪ ихЪ удержалЪ. ДвѢсти ПерсидскихЪ кораблей объѢхали островЪ Эввею, и хотѢли окружить ГрековЪ, какЪ новая буря ихЪ разбила о подводные камни. Во время трехЪ дней происходили многія сраженія, вЪ которыхЪ Греки почти всегда

имѣли верхъ. Наконецъ увѣдомились они, что проходъ Ѳермопильскій былъ взятъ; и немедлѣнно возвратились къ острову Саламину.

При семъ отступленіи Ѳемистоклъ прошелъ берега, куда источники водъ могли привлекать людство съ непріятельскихъ кораблей. Здѣсь оставилъ онъ надписи къ Іонянамъ, находившимся въ воинствѣ Ксерксовомъ; онъ напоминалъ имъ о ихъ происхожденіи отъ тѣхъ Грековъ, противъ которыхъ они нынѣ воюютъ. Намѣреніе его было отвлечь ихъ отъ стороны сего государя, или по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ у него подозрительными.

Между тѣмъ расположилось Греческое воинство въ перешейкѣ Коринѳскомъ, и помышляло только о защищеніи входа въ Пелопонисъ. Сіе предпріятіе разстроивало намѣреніе Аѳинянъ, которые дотолѣ ласкались, что Віотія, а не Аттика будетъ позорищемъ войны. Оставленные отъ своихъ союзниковъ, оставили бы они можетъ быть самихъ себя. Но Ѳемистоклъ предвидѣлъ все, не опасаясь ничего, такъ какъ предупреждалъ все, не отваживаясь ни на что, принялъ такія надежныя мѣры, что сіе самое происшествіе

послужило только оправданіемъ оборонительнаго распоряженія, предпріятаго имъ въ самомъ началѣ Мидійской войны.

Всенародно и частно представлялъ онъ Аѳинянамъ, что время оставитъ такія мѣста, которыя гнѣвъ небесный предаетъ ярости Персовъ; что флотъ подаетъ имъ надежное убѣжище; что найдутъ они новое отечество вездѣ, гдѣ только могутъ сохранить свою вольность: онъ подкрѣплялъ сіи слова прорицаніями, которыя получилъ онъ отъ Пиѳіи; и когда народъ собрался, то случай Ѳемистокломъ употребленный рѣшилъ его совершенно. Жрецы возвѣстили, что священный змій, питаемый во храмѣ Минервы, сокрылся. Богиня оставляетъ сіе жилище, возопили они: почто же медлимъ, слѣдовать за нею? Тотчасъ народъ утвердилъ предложенный Ѳемистокломъ приговоръ: „ Чтобъ городъ предать покровительству Минервы; чтобъ всѣ жители, которые въ состояніи носить оружіе, перешли „на корабли; чтобъ каждый гражданинъ пекся о безопасности жены своей, чадъ своихъ и рабовъ своихъ.„ Народъ былъ такъ подвигнутъ, что выходя изъ собранія побилъ каменіемъ Кирсила, дерзнувшаго пре

ложитъ о покоренiи себя Персамъ, и предалъ таковой же казни жену сего витiи.

Исполненiе сего опредѣленiя представило жалостное зрѣлище. Жители Аттики, принужденные оставить домы свои, поля свои, храмы боговъ своихъ, гробы отцевъ своихъ, наполняли воздухъ стенанiемъ плачевнымъ. Престарѣлые, дряхлость коихъ препятствовала увезть ихъ съ собою, не могли исторгнуться изъ объятiй неутѣшимаго своего семейства; мужи, которые въ состоянiи были служить Республикѣ, на берегахъ моря принимали прощанiя и слезы своихъ женъ, чадъ, и родителей своихъ: спѣшно помогали они имъ садиться на корабли, которые долженствовали отвезть ихъ въ Эгину, Трезену и Саламинъ; и потомъ сами отправлялись немедлѣнно во флотъ, неся въ груди бремя горести, ожидавшей только минуты мщенiя.

Ксерксъ располагался тогда выдти изъ Ѳермопилъ: бѣгство морской силы Грековъ возвратило ему всю его гордость: онъ чаетъ найти въ нихъ содроганiе и унынiе, которое малѣйшая неудача въ душѣ его производила. При сихъ обстоятельствахъ, пришли въ его воинство нѣкоторые переметчи-

ки изъ Аркадіи, и приведены были предъ него. Спросили ихъ, что дѣлаютъ народы Пелопонискіе? „ Празднуютъ Олимпій„скія игры, отвѣчали они, и занимаются „раздаваніемъ побѣдителямъ вѣнцовъ.„ Одинъ изъ военачальниковъ вскричалъ тотчасъ: и такъ ведутъ насъ противъ людей, для славы только сражающихся? Но Ксерксъ упрекнувъ его робостію, и признавая безпечность Грековъ поруганіемъ, тѣмъ паче ускорилъ свое отшествіе.

Онъ вступилъ въ Фокиду; жители рѣшились пожертвовать скорѣе всемъ, нежели оставить общую пользу. Нѣкоторые убѣжали на гору Парнасъ; другіе къ сопредѣльному народу. Поля ихъ были опустошены, и города истреблены огнемъ и мечемъ. Віотія покорилась, выключая Платеи и Ѳеспіи, которыя до основанія были раззорены.

Опустошивъ Аттику, Ксерксъ вступилъ въ Аѳины: тутъ нашелъ онъ нѣсколькихъ несчастныхъ старцевъ, ожидавшихъ смерти, и малое число гражданъ, предпріявшихъ, во упованіи нѣкоторыхъ ложно истолкованныхъ прорицаній, защищать замокъ: нѣсколько дней отражали они повторяемые приступы осаждающихъ; наконецъ, одни низ-

верглись съ высоты стѣнъ, прочїе побиты были въ мѣстахъ священныхъ, гдѣ тщетно искали убѣжища. Городъ преданъ былъ на разграбленїе, и обращенъ въ пепелъ.

Саламинская битва.

Персидскїй флотъ стоялъ близь пристани Фалерской, въ 20 стадїяхъ отъ Аѳинъ, а Греческїй при берегахъ Саламина. Сей островъ лежитъ противъ самаго Элевсиса, и составляетъ нарочито большой заливъ, куда входятъ чрезъ два пролива: одинъ къ западу со стороны Аттики, другой къ востоку со стороны Мегары. Первый, при входѣ коего находится малый островъ Пситталїя, имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 7 до 8 стадїй широты, въ другихъ мѣстахъ гораздо болѣе; второй не столь широкъ.

Пожираемые пламенемъ Аѳины произвели столь великое впечатлѣнїе въ морскихъ силахъ Греческихъ, что большая часть предпрїяли приближиться къ перешейку Коринѳскому, гдѣ сухопутныя войска стояли въ окопахъ. Отъѣздъ назначенъ былъ на другой день. Во время нощи, Ѳемистоклъ

отправился къ Эвривіаду верховному вождю флота. Онъ представилъ ему живо, что ежели при ужасѣ, объявшемъ воиновъ, поведетъ онъ ихъ въ такія страны, которыя способствуютъ ихъ побѣгу, то власть его не можетъ удержать ихъ на корабляхъ, и онъ узритъ вскорѣ себя безъ воинства, и Грецію безъ защиты. Съ 18 на 19 число Октября, 480 до Р. Х.

Эвривіадъ, пораженный такимъ представленіемъ, созвалъ военачальниковъ на совѣтъ. Всѣ возстаютъ противъ предложенія Ѳемистоклова; всѣхъ раздражаетъ упорство его, доходитъ до обидныхъ порицаній, до угрозъ поносительныхъ. Когда отражалъ онъ съ яростію сіи нападенія неблагопристойныя и мятежныя, то увидѣлъ Лакедемонскаго военачальника идущаго къ нему съ поднятою на него тростію. Онъ останавливается, и говоритъ ему нимало не поколебавшись: „ „Бей, только выслушай.„ Сей величественный поступокъ изумляетъ Спартанца, и налагаетъ молчаніе, а Ѳемистоклъ воспріемлетъ свое преимущество; но не обращая ни малѣйшаго подозрѣнія на вѣрность предводителей и войскъ, изображаетъ живо выгоды занимаемаго ими мѣста, и опасности того, куда желаютъ удалиться. „ Здѣсь, говоритъ

„онъ, въ узкомъ проливѣ стѣсненные, мо-
„жемъ мы противоположить строй, равный
„непріятельскому. Далѣе, безчисленный флотъ
„Персовъ, имѣя довольное пространство для
„своего распространенія, можетъ насъ со
„всѣхъ сторонъ окружить. Сражаясь при
„Саламинѣ сохранимъ мы сей островъ, гдѣ
„для безопасности оставили женъ и дѣтей
„нашихъ, мы охранимъ островъ Эгину и
„городъ Мегару, коихъ жители вошли съ на-
„ми въ союзъ: буде же отступимъ къ
„перешейку, то потеряемъ сіи мѣста важ-
„ныя, и ты Эвривіадъ укорять себя будешь,
„что привлекъ непріятеля ко брегамъ Пело-
„понниса.„

На сіи слова, Адимантъ, предводитель Коринѳянъ, явный защитникъ противнаго мнѣнія, произнесъ новыя поношенія. „При-
„лично ли человѣку, сказалъ онъ, не имѣю-
„щему ни дома, ни мѣста, предписывать
„законы Греціи? Да отложитъ Ѳемистоклъ
„совѣты свои до того времени, когда мо-
„жетъ ласкаться имѣть отечество. Какъ!
„вскричалъ Ѳемистоклъ, дерзаютъ въ при-
„сутствіи Грековъ, вмѣнять намъ въ пре-
„ступленіе то, что мы оставили пустую
„кучу камней, для избѣжанія рабства! Не-

„счастный Адимантъ! Аѳины раззорены, но „Аѳиняне еще существуютъ; отечество ихъ „тысяща кратъ болѣе цвѣтуще, нежели твое. „Оно состоитъ въ двухъ стахъ корабляхъ, „имъ принадлежащихъ, и мною повелѣвае-„мыхъ: я предлагаю ихъ еще, но они оста-„нутся только на семъ мѣстѣ. Ежели отри-„нута будетъ помощь ихъ, то внимающїй „меня изъ Грековъ узнаетъ вскорѣ, что Аѳи-„няне имѣютъ городъ богатѣе и поля плодоно-„снѣе, нежели какїя они потеряли. И обра-„тясь тотчасъ къ Эвривїаду, говорилъ онъ „еще: отъ тебя зависитъ теперь избрать „между честїю, спасенїе Грецїи и между „стыдомъ поспѣшествованїе погибели ея. Я „объявляю тебѣ только то, что мы по от-„бытїи вашемъ, посадя на корабли женъ и „дѣтей нашихъ, отправимся въ Италїю, и „оснуемъ тамо государство, которое нѣког-„да возвѣщено было намъ прорицалищами. „Когда потеряешь ты такихъ союзниковъ, „каковы Аѳиняне, то вспомнишь можетъ „быть слова Ѳемистокловы. „

Твердость Аѳинскаго предводителя толь сильно подѣйствовала, что Эвривїадъ повелѣлъ, не оставлять воинству бреговъ Саламинскихъ.

О таковыхъ же важныхъ обстоятельствахъ и въ тоже самое время разсуждаемо было на обоихъ флотахъ. Ксерксъ созвалъ на единый изъ кораблей своихъ, начальниковъ особыхъ отдѣленій, изъ коихъ морскія его силы состояли. То были цари Сидонскій, Тирскій, Киликійскій, Кипрскій, и множество другихъ небольшихъ владѣльцевъ и самодержавцевъ, данниковъ, зависящихъ отъ Персіи. Въ сіе знаменитѣйшее собраніе явилась также Артемиза, царица Аликарнасса и нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ острововъ: такая государыня, которую никто изъ прочихъ предводителей въ мужествѣ не превосходилъ, и никто съ нею въ благоразуміи не равнялся. Она слѣдовала за Ксерксомъ, не бывъ къ тому принуждена, и вѣщала ему истинну, не дѣлая досады. Предложено было на разсужденіе, должно ли нападать вновь на Греческій флотъ? Мардоній всталъ съ мѣста для собиранія голосовъ.

Царь Сидонскій, и большая часть съ нимъ подававшихъ мнѣніе, знавъ намѣреніе великаго царя, согласились на сраженіе. Но Артемиза сказала Мардонію: „донеси Ксерк„су тѣмиже словами, какія я тебѣ говорить

„буду: государь, послѣ того, что случилось „въ послѣднемъ морскомъ сраженіи, не бу„дутъ подозрѣвать меня въ слабости или ро„бости. Усердіе мое побуждаетъ меня ны„нѣ, дать тебѣ совѣтъ спасительный. Не „отваживайся на сраженіе, коего слѣдствія „будутъ безполезны или пагубны для твоей „славы. Не исполнилося ли главное намѣре„ніе твоего похода? Ты владыка Аѳинъ: ско„ро будешь владыкою и всея Греціи. Когда „удержишь флотъ свой въ недѣйствіи, то „флотъ непріятельскій, не имѣя болѣе про„питанія, какъ на нѣсколько дней, самъ со„бою разсѣется. Хощешь ли ускорить сіе? „пошли корабли свои ко брегамъ Пелопони„са, поведи сухопутныя войска свои къ пере„шейку Коринѳскому, ты увидишь, что Грече„скія войска побѣгутъ на помощь своему отече„ству. Я боюсь сраженія, потому что оно, „вмѣсто доставленія тебѣ сихъ выгодъ, под„вергнетъ оба твои воинства опасности; я „боюсь сего, потому что знаю превосходство „морской силы Грековъ. Ты, государь, наи„лучшій изъ владыкъ, но имѣешь весьма ху„дыхъ служителей. Да и какую довѣрен„ность можешь имѣть къ сей толпѣ Египт„тянъ, Кипрянъ, Киликіянъ, и Памфиліянъ,

„наполняющихъ большую часть кораблей „твоихъ?„

Мардоній собравъ голоса, учинилъ о семъ донесеніе свое Ксерксу, который осыпавъ похвалами царицу Аликарнасскую, старался согласить мнѣніе ея со мнѣніемъ бо́льшаго числа. Флотъ его получилъ повелѣніе приближиться къ острову Саламинскому, а сухопутному воинству его приказано идти къ перешейку Коринѳскому.

Сей походъ произвелъ дѣйствіе, Артемизою предвидѣнное. Большая часть начальниковъ Греческаго флота закричали: теперь то время идти на помощь Пелопонису. Противорѣчіе Эгинянъ, Мегарянъ и Аѳинянъ продлили совѣтъ; но наконецъ Ѳемистоклъ видя, что противное мнѣніе превозмогаетъ, употребилъ послѣднее средство для предупрежденія худыхъ слѣдствій.

Съ 19 на 20 число Октября, 480 до Р. Х.

Нощію отправился одинъ человѣкъ къ начальникамъ непріятельскаго флота возвѣстить именемъ Ѳемистокла, что часть Грековъ подъ предводительствомъ полководца намѣрены приступить къ сторонѣ царской; что прочіе, объятые страхомъ, помышляютъ о поспѣшномъ возвращеніи; что обезсиленные несогласіями, когда увидятъ себя вне-

зашу окруженныхЪ ПерсидскимЪ воинствомЪ, принуждены будутЪ или положить оружїе, или обратить оное противЪ самихЪ себя.

Персы немедлѣнно при помощи нощнаго мрака подошли ближе, и занявЪ всѣ выходы, чрезЪ которые Греки могли бы ускользнуть, высадили четыреста человѣкЪ на островЪ Пситталїю, лежащїй между твердою землею и восточнымЪ мысомЪ Саламина. ВЪ семЪ мѣстѣ надлежало быть сраженїю.

ВЪ самую сїю минуту АристидЪ, котораго ѲемистоклЪ за нѣсколько времени возвратилЪ изЪ ссылки, по желанїю АѳинянЪ, проѣзжалЪ сЪ острова Эгины кЪ Греческому воинству: онЪ примѣтилЪ движенїе ПерсовЪ; и сколь скоро прибылЪ вЪ СаламинЪ, пошелЪ на то мѣсто, гдѣ собраны были предводители, вызвалЪ Ѳемистокла и ему сказалЪ: ,, ,,Время оставить тщетныя и дѣтскїя наши ,,распри. Теперь единое попеченїе должно насЪ ,,одушевлять, попеченїе спасти Грецїю; ты повелѣвай, а я готовЪ исполнять. Скажи ГрекамЪ, что всякое разсужденїе теперь отлагается, и что непрїятель овладѣлЪ всѣми проходами, которые могли пособствовать ихЪ побѣгу. ,, ѲемистоклЪ, пораженный АристидовымЪ поступкомЪ, открылЪ

ему хитрость, употребленную имъ для привлеченія Персовъ, и просилъ его войти въ совѣтъ. Аристидово сказаніе, подтвержденное другими свидѣтелями, которые одинъ за другимъ являлись, прервало собраніе, и Греки приготовились къ бою.

Отъ новыхъ подкрѣпленій, которыя оба флота получили, Персидскій простирался до 1207 кораблей, а Греческій до 380. При разсвѣтѣ дня, Ѳемистоклъ посадилъ воиновъ своихъ на корабли. Флотъ Греческій построился въ восточномъ проливѣ. Аѳиняне находились на правомъ крылѣ противу Ѳиникїянъ; лѣвое, состоявшее изъ Лакедемонянъ, Эгинянъ и Мегарянъ, имѣло предъ собою Іонянъ.

Ксерксъ, желая присутствїемъ своимъ ободрить воинство свое, расположился на близь лежащей высотѣ, окруженный писцами, которые долженствовали записывать всѣ обстоятельства сраженія. Сколь скоро онъ показался, то оба крыла Персовъ двигнулись, и подались даже за островъ Пситталію. Они наблюдали строй доколѣ могли расширяться; но были принуждены разорвать оный, по мѣрѣ приближенія своего къ острову и къ матерой землѣ. Кромѣ

сего неудобства, долженствовали они бороться съ противнымъ вѣтромъ, съ тяжестїю своихъ кораблей, неудобныхъ къ поворотамъ, и которые вмѣсто взаимнаго защищенїя, паче себѣ препятствовали, и безпрестанно другъ съ другомъ сталкивались.

Участь сраженїя зависѣла отъ того, что произойдетъ на правомъ крылѣ у Грековъ, и на лѣвомъ у Персовъ: тамо находились отборныя войска обоихъ ополченій. Ѳиникїяне и Аѳиняне тѣснили другъ друга въ узкомъ проливѣ. Арїавигнъ, братъ Ксерксовъ, велъ первыхъ къ сраженїю, и не инако какъ будто бы велъ ихъ къ побѣдѣ. Ѳемистоклъ присутствовалъ во всѣхъ мѣстахъ, при всѣхъ опасностяхъ. Между тѣмъ, какъ онъ воспламенялъ или укрощалъ жаръ своихъ ратоборцевъ, Арїавигнъ приближался, и осыпалъ ужѐ его, аки бы съ высоты стѣны, тучею стрѣлъ и дротиковъ. Въ то самое мгновенїе Аѳинская галера стремительно напала на предводителя Ѳиникїйскихъ кораблей; младый царевичъ раздраженный бросился на сїю галеру, и былъ тотчасъ пронзенъ копїями.

Смерть предводителя распространила ужасъ между Ѳиникїанами; а многочислен-

ность начальниковъ произвела между ими неустройство, которое ускорило ихъ гибель; тяжелые ихъ корабли, на скалы ближнихъ береговъ нанесенные, другъ о друга сокрушенные, носами Аѳинскихъ галеръ съ боковъ пробитые, покрывали море своими обломками. Самая помощь, къ нимъ посылаемая, служила только къ умноженію безпорядка. Тщетно желали Кипряне и прочїе восточные народы поправить сраженїе: по довольно долгомъ сопротивленїи, разсѣялись они подобно Ѳиникїанамъ. Недовольный симъ преимуществомъ, Ѳемистоклъ повелъ побѣдоносное крыло свое на помощь Лакедемонянамъ и прочимъ союзникамъ, противъ Iонянъ оборонявшимся. Поелику сїи послѣднїе читали на брегахъ Эввеи надписи, въ которыхъ увѣщавалъ ихъ Ѳемистоклъ оставить сторону Персовъ; то утверждаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ соединились во время сраженїя съ Греками, или по меньшей мѣрѣ старались ихъ щадить. Однакожъ сїе достовѣрно, что большая часть изъ нихъ сражались съ великою храбростїю, и тогда только объ отступленїи помышлять начали, когда все Греческое воинство на нихъ устремилось. Здѣсь то Артемиза, окруженная непрїяте-

лями, и опасающаяся ужѐ попасть въ руки одного Аѳинянина, близко за нею гнавшагося, рѣшилась потопить одинъ корабль Персидскій. Аѳинянинъ, такимъ дѣйствіемъ убѣжденный, что Царица оставила сторону Персовъ, пересталъ гнаться за нею; а Ксерксъ увѣренный, что потопленный корабль принадлежалъ къ Греческому флоту, не могъ удержаться, чтобъ не сказать, что въ сей день мужчины поступали какъ женщины, а женщины какъ мужчины. „

Персидское воинство удалилось въ Фалерскую пристань. Двѣсти кораблей погибло; множество другихъ было взято: Греки потеряли только 40 галеръ. Битва происходила двадцатаго числа мѣсяца Воидроміона въ первомъ году семьдесять пятыя Олимпіады. 20 Октября, 480 года до Р: Х:

Сохранена была память народовъ и частныхъ мужей, при сей битвѣ болѣе отличившихся. Между первыми были Эгинеты и Аѳиняне; между вторыми Поликратъ изъ Эгины, и два Аѳинянина, Эвменъ и Аминій.

Доколѣ битва продолжалась, Ксерксъ былъ колеблемъ радостію, страхомъ и отчаяніемъ; то расточая обѣщанія, то про-

износя кровожаждущія повелѣнія; приказывая записывать писцамъ своимъ имена въ дѣйствіи храбро отличившихся; заставляя своихъ рабовъ предавать смерти чиновниковъ, приходившихъ къ нему для оправданія своего поступка. Когда же ни надежда, ни лютость болѣе его не подкрѣпляли, то погрузился онъ въ глубокое уныніе; и хотя имѣлъ еще довольно силъ, чтобъ поработить вселенную; однако видѣлъ ужѐ флотъ свой готовымъ къ возмущенію, и Грековъ готовыхъ сжечь судовый мостъ, который имѣлъ онъ на Эллеспонтѣ. Скоропостижное бѣгство могло бы избавить его отъ сихъ тщетныхъ ужасовъ; но какъ остатокъ благопристойности или гордости не позволялъ ему показывать толикую слабость предъ глазами своихъ непріятелей и своихъ придворныхъ; то повелѣлъ дѣлать приготовленія къ новому нападенію, и соединить оплотомъ съ твердою землею островъ Саламинъ.

Потомъ отправилъ онъ гонца въ Сузу, такъ какъ посылалъ онъ такагоже послѣ взятія Аѳинъ. По прибытіи перваго, стекались жители сего города во храмы и возжигали благовонія на улицахъ, усыпанныхъ мирто-

выми вѣтьвями. По прибытіи втораго, раздирали они одежды свои; и всюду раздавались вопли, стенанія, изъявленія приемлемаго участія въ судьбѣ царя, проклятія Мардонію, первому виновнику сея войны.

Персы и Греки ожидали новаго сраженія: но Мардоній, не полагаясь на данныя Ксерксомъ повелѣнія, читалъ въ душѣ сего царя, и не находилъ въ ней ничего кромѣ самыхъ низкихъ чувствованій, сопряженныхъ съ замыслами ко мщенію, котораго самъ онъ будетъ жертвою. „ Великій государь! сказалъ онъ, приближась къ нему, укрѣпись „мужествомъ своимъ: ты не полагалъ надежды „своей на флотъ, но уповалъ на страшное воин„ство, мнѣ препорученное. Греки не въ состоя„ніи болѣе тебѣ сопротивляться, какъ преж„де; ничто не может исхитить ихъ отъ „наказанія, которое заслуживаютъ прежнія „ихъ обиды, и безплодное ихъ преимуще„ство, нынѣ ими одержанное. Ежели мы возъ„намѣримся отступить, то будемъ на„всегда предметомъ ихъ посмѣянія, и ты „нанесешь на вѣрныхъ своихъ Персовъ то „безчестіе, которое навлекли на себя Финикія„не, Египтяне и прочіе народы, на кораб-

„ляхъ твоихъ сражавшїеся. Я мыслю о дру-
„гомъ средствѣ спасти твою и ихъ славу,
„то есть, чтобъ большую часть твоихъ
„войскъ возвратить въ Персїю, и оставить
„мнѣ триста тысячъ человѣкъ, съ которыми
„поработу тебѣ всю Грецїю. „

Ксерксъ, исполненный внутреннею радостїю, собралъ совѣтъ, въ который пригласилъ Артемизу, и требовалъ, чтобъ она объявила мысли свои о предпрїятїи Мардонїевомъ. Царица, безъ сомнѣнїя потерявшая охоту служить такому государю и увѣренная, что есть случаи, гдѣ разсужденїя значатъ уже рѣшимость, совѣтовала ему, какъ можно скорѣе возвратиться въ свои области. Я долженъ представить часть отвѣта ея, дабы показать, какъ говорили при дворѣ Сузскомъ.„ Оставь Мардонїю попеченїе доверъ-
„шишь подвигъ твой. Когда ему удастся,
„то вся слава онаго припишется тебѣ;
„ежелиже онъ погибнетъ, или разбитъ будетъ,
„то государство твое отъ того нимало не
„потрясется, и Персїя не сочтетъ великимъ
„несчастїемъ потерю сраженїя, когда только
„ты оградишь безопасностїю свою особу.„
Ксерксъ не медлилъ болѣе. Флотъ его полу-

чилъ повелѣніе отправиться неукоснительно къ Эллеспонту, и пещись о сохраненіи судоваго моста; Греческій же флотъ гнался за нимъ до острова Андроса. Ѳемистоклъ и Аѳиняне хотѣли его догнать, и потомъ сжечь мостъ; но Эвривіадъ представлялъ сильно, что не токмо не должно запирать Персовъ въ Греціи, но паче надлежитъ, ежели можно, доставить имъ новые пути къ выходу. И такъ союзное воинство остановилось, и вскорѣ послѣ того отправилось въ пристань Пагазскую, гдѣ и зимовало.

Ѳемистоклъ отправилъ тогда ко Ксерксу тайное донесеніе. Нѣкоторые говорятъ, что, желая на случай непріятныхъ слѣдствій, снискать себѣ у сего царя убѣжище, радовался, что отвратилъ Грековъ отъ предпріятаго намѣренія сжечь мостъ. По сказанію другихъ, предупреждалъ онъ царя, что ежели не ускоритъ своимъ отъѣздомъ, то Греки заградятъ ему путь въ Асію. Какъ бы то ни было; спустя нѣсколько дней послѣ Саламинскаго сраженія, царь поѣхалъ чрезъ Ѳессалію, гдѣ Мардоній расположилъ зимовать 300,000 человѣкъ, которыхъ онъ требовалъ и выбралъ изъ всего войска: оттуда продолжая путь далѣе,

прибылъ онъ на брега Эллеспонта съ малымъ числомъ войскъ своихъ; прочїе же, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, отъ болѣзней погибли или разбѣжались въ Македонїю и во Ѳракїю. Къ конечному несчастїю мостъ ужѐ тамъ не существовалъ; буря разорила его. Царь бросился въ лодку, преплылъ какъ бѣглецъ, море, чрезъ которое за шесть мѣсяцовъ переходилъ какъ завоеватель, и отправился во Фригїю, дабы тамъ соорудить великолѣпный дворецъ, который намѣренъ былъ укрѣпить. Послѣ сраженїя, первое было попеченїе побѣдителей послать въ Дельфы начатки корыстей между собою раздѣленныхъ; потомъ предводители отправились къ Коринѳскому перешейку и, по обычаю, древностїю своею достопочтенному, еще паче достопочтенному духомъ соревнованїя, которое онъ внушаетъ, собрались они къ жертвеннику Нептуна для назначенїя вѣнцовъ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе побѣдѣ споспѣшествовали. Не было учинено никакого приговора; каждый начальникъ присуждалъ себѣ первую награду, когда притомъ большая часть опредѣляла вторую Ѳемистоклу.

Декабря 4 го. 480 года до Р. Хр.

Хотя, по общему мнѣнїю, не можно было законнымъ образомъ оспоривать у Ѳемистокла

первой награды; однако желалъ онъ достойную получить награду отъ Спартанцовъ; они приняли его въ Лакедемонѣ съ такимъ высокопочитанїемъ, какое сами они заслужили, и приобщили его къ тѣмъ почестямъ, которыя они присудили Эврибїаду. Вѣнецъ изъ масличныхъ вѣтьвей былъ воздаянїемъ тому и другому. При отъѣздѣ его превознесенъ былъ онъ новыми похвалами, подарили ему самую лучшую колесницу, каковую только можно было сыскать въ Лакедемонѣ; и по отличїю сколь новому, столь и блистательному, 300 младыхъ всадниковъ, избранныхъ изъ знатнѣйшихъ домовъ Спарты, получили повелѣнїе провождать его до предѣловъ Лаконїйскихъ.

Между тѣмъ Мардонїй располагался кончить войну столь постыдную для Персїи: онъ присовокуплялъ новыя войска къ тѣмъ, которыя оставилъ ему Ксерксъ, не разсуждая о томъ, что умножать ихъ значитъ только ослаблять; онъ требовалъ совѣта то у сего, то у другаго прорицателя Греческаго; вызывалъ союзные народы, предлагая имъ мѣстомъ побоища равнины Вїотїйскїя

или Ѳессалїйскїя. Наконецъ рѣшился отвлечь Аѳинянъ отъ союза, и послалъ въ Аѳины Александра, Царя Македонскаго, соединеннаго съ ними узами гостепрїимства.

Сей Государь, допущенный въ одно время съ Лакедемонскими послами въ народное собранїе, которымъ поручено было прервать сїи переговоры, сказалъ слѣдующее: Се что говоритъ Мардонїй: „Я получилъ отъ царя „повелѣнїе, которое гласитъ тако: Я забы„ваю обиды Аѳинянъ. Мардонїй! исполни волю „мою: возврати народу сему земли его; дай ему „другїя, ежели онъ пожелаетъ ихъ; оставь „ему законы его, и возстанови храмы сож„женные мною. Почитая долгомъ увѣдомить „васъ о намѣренїяхъ Государя моего, присо„вокупляю еще къ сему: безразсудно было бы „со стороны вашей, ежели бы восхотѣли вы „противиться Персамъ; но еще безразсуднѣе „было бы думать о продолжительномъ имъ „сопротивленїи. Да ежели бы вы, противъ „всякаго чаянїя, и одержали побѣду, то дру„гое воинство исторгнуло бы оную тотчасъ „изъ рукъ вашихъ. Итакъ не ввергайтесь въ „погибель, но паче мирный договоръ, на до-

„брой вѣрѣ основанный, да оградитъ честь и „вольность вашу.„ Александръ предложивъ сіи слова, старался убѣдить Аѳинянъ, что они не могутъ бороться съ могуществомъ Персовъ, и заклиналъ ихъ предпочесть дружество Ксерксово всякой другой пользѣ.

Не слушайте вѣроломныхъ совѣтовъ Александра, возопили тогда посланные отъ Лакедемона.„ Онъ есть тираннъ, служащій „другому тиранну: онъ исказилъ подлою хи„тростію данные ему Мардоніемъ предписа„нія; именемъ его дѣлаемыя представленія „весьма обманчивы и подозрительны. Вы не „можете ихъ принять безъ попранія зако„новъ справедливости и чести. Не вы ли „возжгли брань? И должно ли, чтобъ самые „тѣ Аѳиняне, которые во всѣ времена были „ревностнѣйшіе защитники свободы, были „первыми виновниками нашего рабства? Ла„кедемонъ, дѣлающій сіи представленія на„шими устами, жалѣетъ о плачевномъ со„стояніи, въ которое привели васъ раззо„ренные ваши домы и опустошенныя ваши „нивы: онъ предлагаетъ вамъ именемъ сво„имъ, и именемъ союзниковъ своихъ, пріять,

„въ теченіе войны, женъ, дѣтей и рабовъ „вашихъ подъ защиту и охраненіе.„

Аѳиняне совѣтовались о семъ дѣлѣ, и по мнѣнію Аристида положено было отвѣчать царю Македонскому, что могъ бы онъ оставить таковое извѣщеніе, что силы ихъ не столь велики какъ непріятельскія; что тѣмъ не менѣе расположены они противупоставить симъ варварамъ мужественнѣйшее сопротивленіе; что они совѣтуютъ ему, ежели онъ вознамѣрится впредь предлагать такіе подлые совѣты, не являться предъ ними, и не доводить ихъ до нарушенія въ особѣ его правъ гостепріимства и дружбы.

Опредѣлено было отвѣтствовать Лакедемонянамъ, что ежели бы Спарта лучше знала Аѳинянъ, то не почитала бы ихъ удобными къ измѣнѣ, ниже старалася бы удерживать ихъ въ союзѣ своемъ видами корыстолюбія; что они пекутся по возможности своей о призрѣніи семействъ своихъ, и благодарятъ союзниковъ за великодушныя ихъ предложенія; что они привязаны къ соучастію священными и неразрывными узами; что единой той милости просятъ они у союзниковъ, чтобъ прислать имъ скорѣйшую помощь; поелику время уже идти въ Віотію,

и воспрепятствовать Персамъ вступить вторично въ Аттику.

Когда послы паки вошли, то Аристидъ приказалъ прочитать постановленіе въ ихъ присутствіи; и вдругъ возвысивъ гласъ, сказалъ онъ: „Послы Лакедемонскіе, объяви„те въ Спартѣ, что все злато обращающееся „ на земли, или въ ея утробѣ еще сокровен„ное, есть ничто въ глазахъ нашихъ предъ „вольностію нашею! .... А ты, Александръ„ обратясь къ сему государю и показывая ему на солнце, скажи Мардонію, доколѣ свѣтило сіе „предписанный ему путь совершать будетъ, „дотолѣ Аѳиняне будутъ преслѣдовать „царя Персидскаго мщеніемъ, котораго тре„буютъ опустошенныя ихъ поля и храмы „ихъ въ пепелъ обращенные.„ Дабы сей обѣтъ учинить еще торжественнѣе, немедлѣнно далъ онъ повелѣніе, которымъ предписано было жрецамъ, предавать проклятію всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть сообщеніе съ Персами, и которые отторгнутся отъ союза съ Греками.

Мардоній, получивъ извѣстіе о намѣреніи Аѳинянъ, повелъ тотчасъ войска свои въ Віотію, и оттуда напалъ на Аттику, коея жители вторично убѣжали на островъ Сала-

минскій; взятіемъ сея пустыя земли былъ онъ толико обольщенъ, что поставленными отъ одного мѣста до другаго маяками, частію по островамъ, частію на твердой землѣ, возвѣстилъ о семъ Ксерксу, пребывающему еще въ Сардахъ Лидійскихъ. Притомъ хотѣлъ онъ также воспользоваться симъ, что бы вступить въ новые переговоры съ Аѳинянами; но получилъ прежній отвѣтъ; и Ликидъ, единый изъ сенаторовъ, представлявшій о выслушаніи предложеній Персидскаго полкокодца, убитъ былъ съ женою и дѣтьми своими каменіемъ.

Между тѣмъ союзники вмѣсто того, чтобы по условію послать воинство въ Аттику, укрѣпились на перешейкѣ Коринѳскомъ и по видимому устремили вниманіе свое на защищеніе Пелопониса. Аѳиняне, встревоженные симъ намѣреніемъ, отправили пословъ въ Лакедемонъ, гдѣ торжествовали празднество, многіе дни продолжаться долженствовавшее: они приносили свои жалобы. Отвѣтъ на оныя отлагаемъ былъ отъ одного дня до другаго. Наконецъ огорченные такою недѣятельностію и молчаніемъ, которое давало имъ право подозрѣвать въ вѣроломствѣ, предстали въ послѣдній разъ предъ Эфоровъ и объявили, что Аѳины Лакедемонянами

измѣненные, другими союзниками оставленные, рѣшились обратить противъ ихъ оружїе свое и учинить миръ съ Персами.

Эфоры отвѣчали: что въ прошедшую нощь отправили они подъ предводительствомъ Павзанїя, попечителя младаго царя Плистарха, 5000 Спартанцевъ и 35000 легковооруженныхъ рабовъ или илотовъ. Сїи войска, вскорѣ умноженныя пятью тысячами Лакедемонянъ, присовокупясь къ войскамъ союзныхъ городовъ, вышли изъ Элевсиса и пустились въ Вїотїю, куда Мардонїй воинство свое велъ обратно.

Онъ поступалъ разумно, что избѣгалъ отъ сраженїя въ Аттикѣ. Поелику страна сїя пересѣчена высотами и узкими проходами, то не могъ бы онъ удобно дѣйствовать конницею своею въ сраженїи, ни обезопасить отступленїя своего въ несчастїи. Вїотїя напротивъ того предлагала ему обширныя равнины, страну плодоносную, множество городовъ, готовыхъ къ принятїю остатковъ разбитаго его воинства: ибо всѣ народы сего округа, выключая Платеянъ и Ѳеспїянъ, приняли сторону Персовъ.

Платейская битва.

Мардоній расположилъ станъ свой на равнинѣ Ѳивской, вдоль рѣки Асопа, по лѣвому берегу оныя, до предѣловъ Платейскихъ. Дабы помѣстить обозы свои и обезопасить себѣ убѣжище, приказалъ онъ обвести глубокимъ рвомъ, стѣнами и деревянными башнями мѣсто, имѣвшее по десяти поприщъ на каждой сторонѣ.

Греки стояли напротивъ у подошвы и на скатѣ горы Киѳерона. Аристидъ повелѣвалъ Аѳинянами, а Павзаній всемъ воинствомъ.

Здѣсь то начертали полководцы образецъ слѣдующей присяги, которую воины спѣшили произнесть. „Я не предпочту никогда жизни вольности, не оставлю начальниковъ моихъ ни при жизни ни по смерти ихъ; почту погребеніемъ тѣхъ изъ союзниковъ, кои погибнутъ на сраженіи: послѣ побѣды не раззорю я ни единаго града за Грецію сражавшагося, и возму десятину со всѣхъ градовъ, съ непріятелемъ соединенныхъ: я не буду возобновлять храмовъ, непріятелемъ сожженныхъ или раззоренныхъ, но хощу, чтобъ существовали

„развалины ихъ, дабы воспоминали безпре-
„станно нашимъ потомкамъ нечестивую лю-
„тость варваровъ.„

Одно происшествіе, почти современнымъ писателемъ повѣствуемое, заставляетъ насъ судить о томъ мнѣніи, какое большая часть Персовъ имѣли о своемъ предводителѣ. Мардоній ужиналъ у одного частнаго Ѳивянина съ пятьюдесятью изъ своихъ полководцевъ, съ такимъ же числомъ Ѳивянъ, и съ Ѳерсандромъ, знатнѣйшимъ гражданиномъ изъ Орхомена. При концѣ пира, когда гости обоихъ народовъ откровенно между собою обходились, говорилъ ему одинъ Персъ, сидѣвшій подлѣ Ѳерсандра: „Сей пиръ, порука
„нашей вѣрности, сіи жертвенныя возліянія,
„обще нами принесенныя въ честь боговъ,
„внушаютъ мнѣ тайное къ тебѣ усердіе.
„Время помыслить о твоей безопасности.
„Ты видишь сихъ Персовъ, восхищающихся
„отъ радости; ты видѣлъ сіе воинство, на
„брегахъ рѣки нами оставленное: ахъ! скоро
„узришь ты слабые только остатки она-
„го.„ Говоря сіи слова, онъ плакалъ. Ѳерсандръ удивленный вопрошалъ его, сообщилъ ли онъ о своемъ опасеніи Мардонію, или тѣмъ, коихъ почитаетъ онъ достой-

ными своей довѣренности. „ Любезный мой „гость, отвѣчалъ ему чужестранецъ: чело-„вѣкъ судьбы своей избѣгнуть не можетъ. „Множество Персовъ предвидятъ, подобно „мнѣ, тотъ жребій, который имъ угрожа-„етъ, но всѣ мы попускаемъ влещи себя ро-„комъ. Величайшее для людей несчастіе „есть то, что мудрѣйшіе изъ нихъ имѣютъ „всегда меньше довѣренности.„ Упомянутый мною писатель слышалъ о семъ отъ самаго Ѳерсандра.

Мардоній видя, что Греки непремѣнно оставались на высотахъ, послалъ противъ нихъ всю свою конницу, предводительствуемую Мазистіемъ, находившимся въ великой милости у Ксеркса и въ великомъ почтеніи у всего воинства. Персы упрекая Грековъ трусостію, напали на Мегарянъ, стоявшихъ на мѣстѣ болѣе ровномъ, но при помощи трехъ сотъ Аѳинянъ довольно долго сопротивлявшихся. Смерть Мазистія спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія и кончила битву. Сія потеря была поводомъ сѣтованія для Персидскаго воинства, и поводомъ торжества для Грековъ, видѣвшихъ возимое предъ нимъ тѣло Мазистія, исторгнутое ими у непріятеля.

Не взирая на сїе преимущество, трудность доставлять себѣ воду въ виду непрїятеля, прогонявшаго стрѣлами желавшихъ приближиться къ рѣкѣ, принудила ихъ перемѣнить мѣстоположенїе; они пошли вдоль горы Киѳерона и вступили въ страну Платеянъ.

Лакедемоняне расположились близъ обильнаго Гаргафїйскаго источника, который могъ воинство довольствовать водою. Прочїе союзники стали большею частїю на холмахъ, при подошвѣ горы лежащихъ; нѣкоторые на равнинѣ, а всѣ лицемъ къ Асопу.

Во время сего распредѣленїя мѣстъ, произошла довольно большая ссора между Аѳинянъ и Тегеатовъ, требовавшихъ равномѣрно начальства надъ лѣвымъ крыломъ: какъ тѣ, такъ и другїе ссылались на собственныя права и подвиги своихъ предковъ. Аристидъ кончилъ сїю прю. „Мы не для того „здѣсь, говорилъ онъ, чтобъ ссориться съ на„шими союзниками, но сражаться съ нашими не„прїятелями. Мы объявляемъ, что не мѣсто „даетъ или отъемлетъ храбрость. Итакъ „на васъ, Лакедемоняне, полагаемся; ка„кой бы вы степень намъ ни назначили,

„мы возвысимъ оный толико, что онъ бу-„детъ, можетъ быть, наипочтеннѣйшимъ „изъ всѣхъ.„ Лакедемоняне съ восклицаніемъ дали преимущество Аѳинянамъ.

Опасность паче угрожающая привела Аристидово благоразуміе въ превеликое искушеніе. Онъ узналъ, что нѣкоторые чиновники воинства его, принадлежавшіе къ первымъ домамъ, предпріяли учинить измѣну въ пользу Персовъ, и что заговоръ ежедневно въ большую приходитъ силу. Не желая содѣлать его опаснѣйшимъ изслѣдованіями, которыя открыли бы ему весь умыселъ, довольствовался онъ тѣмъ, что отдалъ подъ стражу восемь только заговорщиковъ. Два виновнѣйшіе ушли. Прочимъ говорилъ онъ, показавъ на непріятелей: „ одна только кровь ихъ „можетъ загладить преступленіе ваше. „

Какъ скоро Мардоній узналъ, что Греки удалились въ область Платейскую, то приказалъ воинству своему податься выше вдоль рѣки, и поставилъ оное вторично противъ непріятеля. Оно состояло изъ 300,000 человѣкъ Асіатскихъ народовъ, и изъ 50,000 Віотіянъ, Ѳессалянъ и прочихъ вспомогательныхъ Грековъ. Воинство союзниковъ составляло около 110,000 человѣкъ,

изъ коихъ 69,500 человѣкъ были только легковооруженные. Въ числѣ сихъ находились 10,000 Спартанцовъ и Лакедемонянъ, 8000 Аѳинянъ, 5000 Коринѳянъ, 3000 Мегарянъ, и разные малые отряды, присланные отъ многихъ другихъ Греческихъ народовъ и городовъ. Ежедневно приходили новыя войска. Мантинеяне и Эліяне явились послѣ сраженія.

Воинства стояли восемь дней другъ противъ друга, какъ отрядъ Персидскій конницы во время нощи перешедъ чрезъ Асопъ, взялъ обозъ, шедшій изъ Пелопониса, и спускавшійся внизъ Киѳерона. Персы овладѣли сею переправою и Греки не получали уже съѣстныхъ припасовъ. 17 Сентября 479 до Р. Х.

Въ оба слѣдующіе дня, станъ сихъ послѣднихъ былъ часто обеспокоиванъ непріятельскою конницею. Оба воинства не смѣли переходить рѣку: ибо обоимъ прорицатель, самъ ли собою, или постороннимъ внушеніемъ, обѣщавалъ побѣду, естьли только держаться будутъ оборонительно.

Въ одиннадцатый день, Мардоній собралъ свой совѣтъ. Артавазъ, единый изъ первыхъ предводителей воинства предлагалъ отступить подъ стѣны Ѳивскія, и не от- 20 Сентября.

важиваться на сраженіе, но подкупить деньгами знаменитѣйшихъ гражданъ союзныхъ городовъ. Сіе предложеніе, съ которымъ согласовали Ѳивяне, отторгнуло бы нечувствительно отъ союза большую часть народовъ, изъ которыхъ оный былъ составленъ. Сверхъ того Греческое воинство, которому не доставало съѣстныхъ припасовъ, принуждено было бы въ нѣсколько дней разсѣяться, или сражаться на равнинѣ. Но Мардоній отвергъ сіе представленіе съ презрѣніемъ.

Съ 20, на 21, Сентября. Въ слѣдующую нощь всадникъ, уѣхавшій изъ Персидскаго стана, и приближившійся къ Аѳинянамъ, приказалъ увѣдомить ихъ полководца, что онъ имѣетъ открыть ему важную тайну; и какъ скоро Аристидъ прибылъ, то сказалъ ему сей неизвѣстный; „Мардоній тщетно утруждаетъ боговъ, „чтобъ получить отъ нихъ благополучныя „предзнаменованія. Молчаніе ихъ замедляло „до сихъ поръ сраженіе; но прорицатели напрасно стараются его остановить. За утра „на самомъ разсвѣтѣ нападетъ онъ на васъ. „Я надѣюсь, что послѣ побѣды вашей, вспомните вы, что я подвергалъ жизнь мою „опасности, дабы предохранить васъ отъ

„нечаяннаго нападенія. Я Александръ, царь „Македонскій. „Послѣ сего извѣщенія, поскакалъ онъ обратно въ свой станъ.

Аристидъ пошелъ тотчасъ въ Лакедемонское становище. Тамо разсуждали о наилучшихъ мѣрахъ противъ непріятеля; и Павзаній объявилъ такое мнѣніе, котораго самъ Аристидъ предложить не смѣлъ: то есть, чтобъ поставить Аѳинянъ противъ Персовъ, а Лакедемонянъ противъ Грековъ, помогающихъ Ксерксу. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, будемъ мы сражаться съ войсками, которыя испытали уже нашу храбрость. Положивъ сіе намѣреніе, Аѳиняне пошли съ разсвѣтомъ дня на правое крыло, а Лакедемоняне на лѣвое. Мардоній, проникнувъ въ ихъ предпріятіе, приказалъ тотчасъ Персамъ перейти на свое правое крыло, и не прежде поставилъ ихъ на прежнее мѣсто, пока не увидѣлъ непріятеля паки занявшаго первый свой боевый порядокъ.

Сей полководецъ почиталъ движенія Лакедемонянъ знакомъ ихъ трусости. Упоенный гордостію своею, упрекалъ онъ пріобрѣтенною ими славою, и съ поруганіемъ вызывалъ ихъ на бой. Отправленный отъ него къ Павзанію провозвѣстникъ, предложилъ ему

рѣшить распрю Персіи и Греціи сраженіемъ между назначеннымъ числомъ Спартанцовъ и Персовъ. Но поелику Мардоній никакого отвѣта не получилъ, то велѣлъ двинуться на нихъ всей своей конницѣ. Она безпокоила воинство Греческое во весь день, и удалось ей даже засыпать Гаргафійскій источникъ.

Греки, лишенные сея единственныя помощи, положили перенесть станъ свой нѣсколько далѣе, на островъ образованный двумя рукавами Асопа́, изъ коихъ одинъ называется Перое. Оттуда долженствовали они послать половину войскъ своихъ къ проходу горы Киѳерона, дабы выгнать Персовъ, перехватывавшихъ обозы. Станъ снятъ

Съ 21го на 22е Сентября.

былъ во время нощи, съ такимъ смятеніемъ, котораго надлежало ожидать отъ столь многихъ независимыхъ народовъ, потерявшихъ недѣятельностію своею охоту къ сраженіямъ, и потомъ удрученныхъ какъ частыми своими отступленіями, такъ и недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ. Нѣкоторые пошли въ назначенное мѣсто, прочіе, или отъ вожатыхъ обманутые, или отъ великаго страха сбившіеся съ пути, убѣжали къ городу Платеѣ.

Выступленіе Лакедемонянъ и Аѳинянъ отложено было до восхожденія зари. Сіи последніе пошли къ равнинѣ: Лакедемоняне, сопровождаемые 3000 Тегеатовъ пробирались при подошвѣ Киѳерона. Дошедши до Храма Цереры, отстоящаго на десять поприщъ, какъ отъ перваго ихъ мѣстоположенія, такъ и отъ города Платеи, остановились они для ожиданія одного ихъ отряда, который долго противился оставить свое мѣсто; и здѣсь то были они настижены Персидскою конницею, отправленною Мардоніемъ, чтобъ остановить ихъ походъ. „Вотъ они, вскричалъ тогда сей полководецъ своимъ чиновникамъ, вотъ сіи неустрашимые Лакедемоняне, которые, какъ сказываютъ, не бѣгутъ никогда отъ непріятеля! Презрѣнный народъ, который отъ прочихъ Грековъ отличается только крайнею трусостію, и скоро подвергнется праведному и достойному наказанію.„

Потомъ беретъ воинственный народъ Персидскій и лучшія свои войска; переправляется чрезъ рѣку и спѣшно идетъ на равнину. Прочіе восточные народы слѣдовали за нимъ въ неустройствѣ и съ великимъ крикомъ: въ то же время правое его крыло, состо-

явшее изъ вспомогательныхъ Грековъ, нападаетъ на Аѳинянъ, и не допускаетъ ихъ подать помощь Лакедемонянамъ.

Павзаній поставилъ войска свои на мѣстѣ покатомъ и неровномъ, подлѣ малаго ручья, текущаго изъ округа посвященнаго Церерѣ, и подвергалъ ихъ долго пораженію дротиковъ и стрѣлъ, такъ что они не отваживались себя защищать. Внутренности закалаемыхъ жертвъ предвѣщали только одни слѣдствія неблагополучныя. Сіе пагубное суевѣріе похитило у нихъ множество воиновъ, которые менѣе сожалѣли о своей жизни, нежели о смерти для Греціи безполезной. Наконецъ Тегеаты, не могши обуздать сильнаго своего стремленія, двигнулись, и скоро подкрѣплены были Спартанцами, которые получили или вымыслили сами благопріятныя для себя предзнаменованія.

При ихъ приближеніи, Персы бросаютъ свои луки, смыкаютъ плотно ряды свои, покрываются щитами, и составляютъ такую толщу, коея тяжесть и движеніе удерживаютъ и отражаютъ ярость непріятеля. Тщетно щиты ихъ, изъ бреннаго вещества сдѣланные, ломаются въ щепы; они ломаютъ

копія, устремленныя на пронзеніе ихъ, и буйною храбростію замѣняютъ недостатокъ оружія.

Мардоній, съ 1000 отборныхъ воиновъ, долго удерживалъ побѣду въ нерѣшимости; но вдругъ падаетъ пораженный смертельнымъ ударомъ. Окружающіе Мардонія желаютъ мстить за его смерть, и близь его погибаютъ. Тогда то Персы мятутся, колеблются и обращаются въ бѣгство. Персидская конница удерживала еще нѣсколько времени побѣдителя, но не воспящала пробраться ему до окопа, который Персы близь Асопа сдѣлали, и куда собрались остатки разбитаго ихъ воинства.

Аѳиняне имѣли таковый же успѣхъ на лѣвомъ крылѣ: Віотіяне весьма храбро, а прочіе союзники Ксерксовы очень слабо сопротивлялись имъ; они конечно были огорчены гордостію Мардонія и его упорствомъ вступить въ бой въ такомъ невыгодномъ мѣстѣ. Віотіяне, въ бѣгствѣ своемъ, увлекли за собою все правое крыло Персовъ.

Аристидъ вмѣсто того, чтобъ за ними гнаться, соединился тотчасъ съ Лакедемонянами, кои будучи мало свѣдущи въ осадномъ искуствѣ, тщетно нападали на окопы

въ коихъ Персы были заперты. Прибытіе Аѳинянъ и прочихъ союзныхъ войскъ не устрашило осажденныхъ: они отражали съ яростію всѣхъ тѣхъ, кои дерзали на приступъ; но наконецъ, когда Аѳиняне окопомъ овладѣли и одну часть стѣны раззорили, то Греки бросились въ станъ, и Персы были убиваемы яко жертва заколенія.

Въ самомъ началѣ битвы, Артавазъ, имѣвшій въ повелѣніи своемъ 40,000 человѣкъ войска, но съ давнаго времени огорчавшійся тайно Ксерксовымъ избраніемъ Мардонія въ верховные повелители воинства, подвинулся впередъ, чтобъ паче зрителемъ быть сраженія, нежели способствовать успѣху. Сколь скоро увидѣлъ онъ отступающимъ войско Мардоніево, то приказалъ своимъ войскамъ за собою слѣдовать. Онъ взялъ въ бѣгствѣ путь чрезъ Фокиду, переправился при Византіи чрезъ море, и удалился въ Асію, гдѣ можетъ быть сочли ему заслугою, что онъ спасъ часть воинства; ибо всѣ достальные, выключая только около 3000 человѣкъ, погибли въ окопѣ или въ сраженіи.

Народы, въ сей день отличившіеся, были съ одной стороны Персы и Сакяне; съ другой стороны Лакедемоняне, Аѳиняне, и Те-

теашы. Побѣдишели восхвалили храбросшь Мардонія, Аѳинянина Софана, и чешырехъ Спаршанцовъ, между кошорыми должно первымъ помѣсшишь Арисшодема, желавшаго при семъ случаѣ загладишь шошъ сшыдъ, чшо не погибъ при Ѳермопилахъ. Лакедемоняне не воздали праху его никакія чесши; они говорили, чшо предпріявшій паче умерешь, нежели побѣдишь, высшупилъ онъ во время сраженія изъ ряду своего, и показалъ неусшрашимосшь, происходящую ошъ ошчаянія, а не ошъ мужесшва.

Между шѣмъ Лакедемоняне и Аѳиняне равномѣрно домогались предпочшенія въ храбросши; первые за шо, чшо разбили лучшіе Мардоніевы войска; вшорые за шо, чшо овладѣли окопами: шѣ и другіе защищали шребованія свои съ шакимъ высокомѣріемъ, кошорое не дозволяло имъ никакъ ошъ оныхъ ошказашься. Они сильно огорчились; въ обоихъ сшанахъ слышны были угрозы; и конечно дошло бы до сраженія, есшьлибы Арисшидово благоразуміе не убѣдило Аѳинянъ положишься на судъ союзниковъ. Тогда Ѳеозишонъ Мегарскій предложилъ обоимъ соперничесшвующимъ народамъ ошказашься ошъ предпочшенія, и опредѣлишь оное какому либо другому

народу. Клеокритъ Коринѳскїй назначилъ Платеянъ, и всѣ голоса были въ ихъ пользу.

Ратное поле покрыто было богатыми добычами Персовъ; злато и сребро блистало въ шатрахъ ихъ. Павзанїй приказалъ оберегать добычу илотамъ; десятая часть оставлена была для храма Дельфїйскаго, и еще великая часть для памятниковъ въ честь боговъ. Прочее раздѣлили между собою побѣдители, и насадили въ отечествѣ своемъ первое сѣмя развращенїя.

Всякаго рода почести возданы были умершимъ съ оружїемъ въ рукахъ. Каждый народъ воздвигъ гробницу своимъ воинамъ, и въ собранїи полководцевъ, Аристидъ предложилъ слѣдующее постановленїе: „чтобъ народы Греческїе посылали ежегодно пословъ въ Платею „для возобновленїя тамо торжественными жертвоприношенїями памяти убитыхъ на сраженїи; чтобъ по прошествїи каждыхъ пяти „лѣтъ отправлялись торжественныя игры, „которыя назывались бы празднествами вольности; и чтобъ Платеяне, не имѣя никакой „другой должности, кромѣ приношенїя молитвъ за спасенїе Грецїи, почитались народомъ неприкосновеннымъ и посвященнымъ „божеству.„

Спустя одиннадцать дней послѣ сраженія побѣдители пошли въ Ѳивы, и требовали у жителей выдачи гражданъ, склонившихъ покориться Мидянамъ. По отказу Ѳивянъ, городъ былъ осажденъ, и подвергался опасности быть раззореннымъ, естьли бы одинъ изъ главнѣйшихъ преступниковъ не рѣшился предаться съ единомышленниками своими въ руки союзниковъ. Они ласкались искупить жизнь свою деньгами, полученными отъ Мардонія; однако Павсаній презрѣвъ сіи приношенія, осудилъ ихъ на смертную казнь. 3 Октября 79 года.

Платейская битва случилась третьяго дня мѣсяца Воидроміона во вторый годъ 75й Олимпіады. Въ тотъ же самый день флотъ Греческій, предводительствуемый Левтихидомъ, царемъ Лакедемонскимъ и Ксантиппомъ Аѳинаниномъ, одержалъ знаменитую побѣду надъ Персами близь мыса Микалы въ Іоніи. Народы страны сея, призвавшіе его къ себѣ на помощь, приступили послѣ сраженія къ общему союзу. 22 Сентября, 479 год. до Р. Х.

Такимъ образомъ кончилась война Ксерксова, болѣе извѣстная подъ именемъ Мидійской. Она продолжалась два года; и никогда, можетъ быть, въ толь краткое время не

случалось таких великих дѣл; и никогда так же происшествія не производили столь скоропостижных перемѣн в образѣ мыслей, в государственных пользах и в правленіи народов. Дѣйствіе их на Лакедемонян и на Аѳинян было различно, по разности их свойств и установленій. Первые старались только успокоиться от успѣхов своих, и едва показали нѣкоторое соперничество против Аѳинян. Сіи послѣдніе предались вдруг необузданнѣйшему любочестію, и предпріяли тогда же намѣреніе лишить Лакедемонян того предпочтенія, которое имѣли они в Греціи, и защитить от Персов Іонян, возвратившихъ свою вольность.

Наконец народы отдохнули: Аѳиняне селились опять среди развалин несчастнаго своего города; они возобновляли паки стѣны его, не смотря на жалобы союзников, начинавших страшиться славы сего народа, не взирая на представленія Лакедемонян, предлагавших раззорить Греческія укрѣпленія внѣ Пелопониса, дабы не служили онѣ Персам при новом нападеніи убѣжищем. Ѳемистокл умѣл отвратить искусно бурю, угрожавшую в сем случаѣ

Аѳинянамъ. Онъ склонилъ ихъ сверхъ того сдѣлать въ Пиреѣ пристань, окруженную ужасною оградою, строить ежегодно нѣкоторое число галеръ, обѣщать чужестранцамъ разныя выгоды, а особливо ремесленникамъ, желающимъ поселиться въ ихъ городахъ.

Въ то же самое время, союзники приготовлялись освободить Греческіе города, въ которыхъ Персы оставили оберегательныя войска. Многочисленный флотъ, подъ предводительствомъ Павзанія и Аристида, принудилъ непріятеля оставить островъ Кипръ, и городъ Византію при Иллеспонтѣ. Сіи успѣхи ускорили паденіе Павзаніево, который не въ состояніи уже былъ поддерживать болѣе бремени своея славы.

Онъ не былъ уже тотъ строгій Спартанецъ, который на ратныхъ поляхъ Платейскихъ ругался пышностію и рабствомъ Мидянъ. Онъ былъ Сатрапъ совсѣмъ порабощенный нравамъ народовъ побѣжденныхъ, и безпрестанно окруженный иноплеменными тѣлохранителями, возбранявшими до него доступъ. Союзники, получавшіе отъ него отвѣты жестокіе и уничижительные, повелѣнія только властолюбивыя и кровожажду-

щія, возстали наконецЪ противЪ тиранства его, содѣлавшагося паче ненавистнымЪ отЪ поведенія Аристидова. Сей послѣдній употреблялЪ для привлеченія кЪ себѣ сердецЪ, оружія гораздо сильнѣйшія: кротость и правосудіе. Почему союзные народы и предложили АѳинянамЪ вести войну подЪ ихЪ предводительствомЪ.

Лакедемоняне, получившіе извѣстіе о семЪ отложеніи, тотчасЪ отозвали обратно Павзанія, обвиняемаго вЪ утѣсненіи союзниковЪ и подозрѣваемаго вЪ тайномЪ сообщеніи сЪ Персами. Тогда получили доказательства его притѣсненій, и отняли у него повелительство надЪ воинствомЪ; вскорѣ потомЪ узнали о его предательствѣ, и лишили его жизни. Сколь ни было жестоко сіе наказаніе, однако не возвратило союзниковЪ. Они отреклись повиноваться Спартанцу Доркису, заступившему мѣсто Павзанія; и когда сей полководецЪ удалился, то Лакедемоняне разсуждали, что имЪ дѣлать?

Право верховнаго повелительства надЪ соединенными войсками ГрековЪ основано было на достопочтеннѣйшихЪ доказательствахЪ. Всѣ народы Греческіе, не исключая

Аѳинянъ, признавали его по нынѣ. Спарта употребляла его не для распространенія своихъ владѣній, но для истребленія повсюду тираннїи. Мудрость ея законовъ часто содѣлывала ее судїею народовъ Греческихъ, и справедливость ея рѣшеній привлекала многихъ къ ея союзу. И какое же время избрали они для лишенія ея права? такое, въ которое подъ предводительствомъ ея полководцевъ Греки одержали блистательнѣйшія побѣды.

Спартанцы, разсуждая о сихъ причинахъ, исполнились негодованїемъ и яростїю. Ужé угрожали союзниковъ; ужé помышляли о нападенїи на Аттику, когда Сенаторъ Гетемаридъ отважился представить окружавшимъ его воинамъ, что полководцы ихъ, послѣ преславнѣйшихъ успѣховъ, принесли только въ отечество свое сѣмена развращенія; что примѣръ Павзанїевъ долженствовалъ приводить ихъ въ трепетъ въ избранїи его преемниковъ, и что полезно республикѣ уступить Аѳинянамъ владычество надъ моремъ, и попеченїе продолжать войну противъ Персовъ.

Сїя рѣчь изумила и смягчила вдругъ сердца. Казалось, что народъ неустраши-

мѣйшій во вселенной, предпочиталъ добродѣтели свои мщенію, и при гласѣ разума отлагалъ свое соперничество. Ликурговъ духъ господствовалъ еще въ Спартѣ. Никогда можетъ быть не являла она болѣе мужества и величія.

Аѳиняне, не ожидавшіе совсѣмъ сея жертвы, готовы уже были получить ее оружіемъ; они дивились умѣренности, которой не въ состояніи были подражать; и между тѣмъ, какъ соревнующій народъ лишалъ себя добровольно одной части своего могущества, тѣмъ ревностнѣе старались они удержать за собою чрезъ союзниковъ почтенное право повелѣвать Греческими морскими воинствами.

Сей новый родъ союза долженствовалъ оправданъ быть новыми предпріятіями и возродилъ новые замыслы. Во первыхъ назначены были для продолженія Персидской войны потребные налоги. Всѣ народы ввѣрили себя Аристиду; онъ объѣзжалъ матерую землю и острова, освѣдомлялся о земныхъ произведеніяхъ, и показывалъ въ своихъ распоряженіяхъ столь много вниманія и правоты, что самые данники признавали его благодѣтелемъ своимъ. Сколь скоро онъ опре-

дѣлены были, то и предпріяли учинить на Персовъ нападеніе.

Лакедемоняне не принимали ни какого участія въ семъ совѣщаніи. Они желали только мира, Аѳиняне войны. Сіе противоположеніе видовъ оказывалось ужé неоднократно. Послѣ битвы Микальской хотѣли Пелопонисцы, подъ руководствомъ Лакедемонянъ, перевесть народы Іонійскіе на матерую землю Греціи, и дать имъ приморскія мѣста народовъ, вступившихъ въ союзъ съ Персами. Чрезъ сіи переселенія, Греція была бы освобождена отъ попеченія защищать Іонянъ, и отвратился бы неизбѣжный разрывъ между Асіею и Европою. Но Аѳиняне отринули сіе предложеніе подъ видомъ, что судьба ихъ переведенцовъ не должна зависѣть отъ союзниковъ. По меньшей мѣрѣ надлежало запечатлѣть нѣкоторымъ поношеніемъ тѣ Греческіе народы, которые соединили войска свои съ войсками Ксеркса, или которые оставались въ бездѣйствіи. Лакедемоняне предлагали исключить ихъ изъ собранія Амфиктіоновъ: но Ѳемистоклъ, желавшій доставить отечеству своему союзъ Аргіянъ, Ѳивянъ, и Ѳессалянъ, представлялъ, что ежели удалить изъ сего

собранія народы виновные, то два или три сильные города располагать будутЪ тамЪ по своему произволенію всѣми голосами; такимЪ образомЪ воспрепятствовалЪ онЪ предложенію ЛакедемонянЪ, и навлекЪ на себя чрезЪ то ихЪ ненависть.

ОнЪ навлекЪ на себя сію ненависть союзниковЪ насиліями и поборами, которые производилЪ на островахЪ Эгейскаго моря. Множество частныхЪ людей жаловались на его несправедливость; другіе на приобрѣтенныя имЪ богатства; всѣ, на чрезвычайное желаніе его властолюбія. Зависть, которая ловила и самыя маловажныя его дѣла и слова́, вкушала лютое удовольствіе, помрачая его славу. СамЪ онЪ видѣлЪ ее день отЪ дня увядающею; и для поддержанія блеска оныя, унижался онЪ до того, что наскучилЪ народу, разсказывая о своихЪ воинскихЪ подвигахЪ, не примѣчая, что столько же опасно, какЪ и безполезно напоминать забытыя услуги. ОнЪ воздвигЪ близь дома своего храмЪ *Діанѣ, виновницѣ добрыхЪ совѣтовЪ*. Сія надпись, памятникЪ тѣхЪ совѣтовЪ, которыя давалЪ онЪ АѳинянамЪ во время Мидійской войны, казалась укоризною, и слѣдовательно оскорбленіемЪ

народу. Враги его превозмогли; онъ былъ изгнанъ, и удалился въ Пелопонисъ; но скоро потомъ обличенный въ измѣннической перепискѣ съ Артаксерксомъ, преемникомъ Ксеркса, и гонимый изъ города въ городъ, ушелъ онъ къ Персамъ. Сіи почитали въ побѣдителѣ своемъ, ищущемъ покровительства, тѣ дарованія, которыя ихъ уничижили, но которыя не были уже страшны. По нѣсколькихъ лѣтахъ онъ умеръ. Около 449 го. до Р.Х.

Аѳиняне едва чувствовали сію потерю; они имѣли Аристида и Кимона, сына Мильтіадова. Кимонъ соединялъ съ мужествомъ отца своего благоразуміе Ѳемистокла, и почти всѣ добродѣтели Аристида, коего слѣдовалъ, примѣрамъ и внималъ наставленіямъ. Ему поручено было повелительство Греческаго флота; онъ отправился во Ѳракію, овладѣлъ городомъ, гдѣ Персы имѣли охранительное войско, истребилъ морскихъ разбойниковъ, безпокоившихъ сосѣдственныя моря, и распространилъ ужасъ на нѣкоторыхъ островахъ, отъ союза отторгнувшихся. Вскорѣ послѣ того выходитъ онъ изъ Пирея съ 200 галеръ, къ которымъ союзники присоединяютъ сто другихъ; онъ принуждаетъ присутствіемъ своимъ или

своимъ оружїемъ города Карїйскїе и Ликїйскїе объявить себя противъ Персовъ; и встрѣтивъ на высотѣ острова Кипра флотъ последнихъ, состоявшїй изъ 200 кораблей, потопляетъ часть онаго, а прочїе беретъ; того же вечера пристаетъ онъ къ брегамъ Памфилїи, гдѣ Персы собрали сильное воинство, высаживаетъ на землю свои войска, нападаетъ на непрїятеля, разсѣваетъ, и возвращается обратно съ ужаснымъ множествомъ плѣнныхъ, и съ великими и богатыми корыстями, назначенными для украшенїя Аѳинъ.

Завоеванїе Ѳракїйскаго полуострова слѣдовало весьма скоро послѣ сея сугубыя побѣды, и еще другїя выгоды, прiобрѣтенныя въ теченїи многихъ лѣтъ, увеличивали славу Аѳинянъ, и довѣренность къ ихъ силамъ. Силы ихъ союзниковъ ослабѣвали въ таковойже соразмѣрности. Изнуренные войною, которая день отъ дня становилась имъ болѣе чуждою, не хотѣли большею частїю доставлять помощь войсками и кораблями. Аѳиняне употребили сперва, чтобъ ихъ къ тому принудить, угрозы и насилїе: Но прозорливый Кимонъ предложилъ имъ удержать своихъ воиновъ и корабельщиковъ,

умножить свои денежныя подати, и прислать только свои галеры, которыя снабдитЪ онЪ Аѳинянами. Сею хитростію лишилЪ онЪ морской ихЪ силы; и погрузивЪ ихЪ вЪ бѣдственное спокойствіе, доставилЪ отечеству своему такое превосходство, что оно престало имѣть уваженіе кЪ союзникамЪ. АристидЪ и КимонЪ удержали еще нѣкоторыхЪ изЪ нихЪ, оказывая кЪ нимЪ непремѣнное свое вниманіе. Аѳины, гордостію своею принудили прочихЪ удалиться отЪ союза своего, и наказали за отпаденіе ихЪ порабощеніемЪ.

ТакимЪ образомЪ овладѣли они островами СкиросомЪ и НаксосомЪ, и что островЪ ѲазосЪ, по продолжительной осадѣ, принужденЪ былЪ раззорить стѣны своея столицы, и отдать побѣдителямЪ корабли свои, золотыя свои рудокопи и область свою на матерой землѣ.

Сіи присвоенія были явно противны договору, учиненному АристидомЪ сЪ союзниками, и исполненіе коего долженствовали предохранять ужасныя клятвы. Но самЪ АристидЪ поощрялЪ АѳинянЪ обратить на него всѣ наказанія, которыя клятвопреступство

ихъ заслуживало. Кажется, что честолюбіе начинало развращать и самую добродѣтель. Аѳины находились тогда въ безпрерывной войнѣ; и сія война имѣла два предмета; первый явно обнародованный, состоялъ въ охраненіи вольности Эоническихъ городовъ; второй, котораго сказать не хотѣли, состоялъ въ похищеніи вольности у Греческихъ народовъ.

Лакедемоняне, возбужденные наконецъ жалобами союзниковъ, предпріяли въ продолженіе осады Ѳазоса, учинить нападеніе на Аттику; но въ самое время сего исполненія, страшное землетрясеніе опустошаетъ Спарту и погребаетъ подъ ея развалинами великое множество жителей. Рабы возмущаются; нѣкоторые города Лаконійскіе слѣдуютъ ихъ примѣру, и Лакедемоняне видятъ себя принужденными искать помощи у того народа, коего успѣхи остановить хотѣли. Одинъ

Около 464 го. до Р. Х.

ораторъ совѣтовалъ сему народу, чтобъ онъ не препятствовалъ погибели государства, страшнаго для Греціи; но Кимонъ убѣжденный, что соперничество Спарты выгоднѣе Аѳинянамъ, нежели самыя ихъ завоеванія, умѣлъ внушить имъ мысли великодушнѣйшія. Они присоединяли, въ разныя времена,

войска свои къ Лакедемонскимъ; и сія важная услуга, долженствовавшая соединить оба народа, возродила только ненависть, которая произвела войны бѣдственныя. Лакедемоняне примѣтивъ, яко бы Аѳинскіе полководцы имѣютъ сообщеніе съ возмутителями, просили ихъ подъ благовидными предлогами возвратиться назадъ; но Аѳиняне, раздраженные такимъ подозрѣніемъ, нарушили договоръ, соединявшій ихъ съ Лакедемонянами съ самаго начала войны Мидійской, и спѣшили заключить другой съ Аргіянами, давными непріятелями Лакедемонянъ.

Между тѣмъ временемъ Инаръ, сынъ Псамметиховъ, возмутивъ Египтянъ противъ Артаксеркса, царя Персидскаго, просилъ защиты у Аѳинянъ. Желаніе ослабить Персовъ, и доставить себѣ союзъ Египтянъ, преклонило республику еще болѣе, нежели дары Инаровы. Кимонъ повелъ въ Египетъ союзническій флотъ, изъ двухъ сотъ кораблей состоящій; онъ шелъ вверхъ Нила, и соединился со флотомъ Египтянъ, которые разбили Персовъ, и взяли Мемфисъ, выключая одну часть города, куда убѣжали остатки Персидскаго воинства. Возмущеніе Египтянъ укрощено было не прежде шести лѣтъ; единая храбрость Аѳинянъ и

прочихъ Грековъ была причиною сея продолжительности. Бывъ разбиты на сраженіи, защищались они шестьнадцать мѣсяцовъ на одномъ островѣ, окруженномъ двумя рукавами Нила, и большая часть погибла съ оружіемъ въ рукахъ. Надлежитъ замѣтить, что Артаксерксъ, дабы принудить войска къ оставленію Египта, тщетно старался склонить дарами Лакедемонянъ къ нападенію на Аттику.

Въ то время, какъ Аѳиняне вели войну въ отдаленности, для постановленія царя въ Египтѣ, нападали они въ Европѣ на царей Коринѳскаго и Эпидаврскаго; побѣждали Віотіянъ и Сикіонянъ, разсѣвали Пелопониской флотъ, принуждали жителей Эгины отдать имъ свои корабли, платить дань, и раззорить свои стѣны; они посылали войска въ Ѳессалію для возведенія Ореста на престолъ его предковъ; они возмущали непрестанно народы Греческіе тайными происками, или дерзскими предпріятіями, подавая помощь однимъ, принуждая прочихъ вспомоществовать себѣ, присоединяя къ своимъ владѣніямъ земли имъ выгодныя, дѣлая заведенія въ тѣхъ, куда привлекала ихъ торговля, имѣя всегда въ рукахъ оружіе, всегда будучи влекомы къ

новымЪ походамЪ быстрымЪ воспослѣдованіемЪ несчастій и успѣховЪ.

Поселенія, состоявшія иногда изЪ 10,000 человѣкЪ, ходили вЪ отдаленныя мѣста, для воздѣлыванія земель, оружіемЪ приобрѣтенныхЪ; онѣ, такЪ какЪ и частыя войны опустошили бы Аттику. Но чужестранцы стекались толпами вЪ сію небольшую землицу, будучи привлекаемы опредѣленіемЪ Ѳемистокла, который давалЪ имЪ убѣжище, а наипаче желаніемЪ, чтобЪ участвовать вЪ славѣ и плодѣ столь многихЪ завоеваній.

Искусные и предпріимчивые полководцы много способствовали необузданному любочестію республики. Таковы были МиронидЪ, который вЪ одинЪ походЪ завладѣлЪ Фокидою и почти всею Віотіею; ТолмидЪ, который почти вЪ тоже время опустошилЪ брега Пелопониса; ПериклЪ, начинавшій полагать основаніе своей славы, и пользовавшійся частымЪ отсутствіемЪ Кимона, чтобЪ содѣлаться властителемЪ надЪ умами народа.

Аѳиняне не имѣли тогда явной войны сЪ ЛакедемономЪ; но часто поступали непріятельски какЪ сЪ нимЪ, такЪ и сЪ союзниками его. Нѣкогда хотѣли они, обще сЪ Аргіянами воспротивиться возвращенію нѣ-

сколькихъ войскъ Лакедемонскихъ, которыхъ особливыя выгоды влекли изъ Пелопониса въ Віотію. Сраженіе случилось близъ города Танаграда. Аѳиняне были разбиты, Лакедемоняне продолжали спокойно свой походъ. Первые опасались тогда явнаго разрыва. При такихъ обстоятельствахъ, республика стыдилась своихъ несправедливостей, и управлявшіе ею оставляли свое соперничество. Взоры всѣхъ устремлены были на Кимона, котораго они за нѣсколько лѣтъ прежде изгнали. Периклъ, бывшій причиною его изгнанія, принялъ на себя предложить опредѣленіе о его возвращеніи.

Около 456 года до Р.Х.

Сей великій мужъ, почтенный уваженіемъ Спартанъ, и обнадеженный довѣренностію Аѳинянъ, употребилъ всѣ способы для приведенія ихъ къ миролюбивымъ намѣреніямъ, и убѣдилъ ихъ по крайней мѣрѣ заключить перемиріе на пять лѣтъ. Но какъ Аѳиняне не могли болѣе сносить спокойствія, то спѣшилъ повесть ихъ въ Кипръ; и одержалъ тамъ столь великія надъ Персами преимущества, что принудилъ Артаксеркса просить съ покорностію мира. Условія онаго были для великаго Царя уничижительны: Самъ онъ не могъ бы строже ихъ предпи-

въ 450-го. до Р. Х.

сать народу разбойническому, который бы грабилъ въ предѣлахъ его царства. Онъ призналъ независимость Греческихъ городовъ въ Іоніи. Положено было, чтобъ военные его корабли не появлялись въ моряхъ Греческихъ, и чтобъ сухопутныя его войска не приближались ко брегамъ ихъ на разстояніе тридневнаго похода. Аѳиняне съ своей стороны клялись не безпокоить Артаксерксовыхъ областей.

Такіе то законы предписывалъ Греческій городъ величайшему государству въ свѣтѣ. За тридесять лѣтъ до сего воспріятое имъ намѣреніе сопротивляться сей державѣ признаваемо было дѣйствіемъ отчаянія, а успѣхъ чудомъ. Кимонъ не долго наслаждался своею славою; онъ умеръ въ Кипрѣ. Смерть его была предѣломъ счастія Аѳинянъ; и она была бы предѣломъ сей части ихъ бытописаиія, еслибы не оставалось мнѣ еще дополнить нѣкоторыхъ начертаній, служащихъ къ изображенію вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Разсужденія о вѣкѣ Ѳемистокла и Аристида.

Когда Персы появились въ Греціи, сугубый страхъ побудилъ Аѳинянъ, противо-

положить имъ сильное сопротивленіе; страхъ рабства, который въ народѣ вольномъ всегда болѣе производилъ добродѣтелей, нежели правила наставленія; и страхъ общаго мнѣнія, который у всѣхъ народовъ часто дополняетъ недостатокъ въ добродѣтеляхъ. Первый дѣйствовалъ тѣмъ болѣе надъ Аѳинянами, что они начинали наслаждаться вольностію, за которую цѣлые два вѣка стязались; вторымъ обязаны они воспитанію и долговременному навыку. Тогда господствовалъ еще въ душахъ стыдъ, заставляющій краснѣть отъ необузданности, равномѣрно какъ и отъ трусости; производящій то, что каждый гражданинъ ограничиваетъ себя въ предѣлахъ своего состоянія или своихъ дарованій; содѣлывающій также, что законъ бываетъ уздою человѣку сильному; исполненіе должностей пособіемъ человѣку слабому, а почтеніе отъ подобныхъ себѣ общею нуждою.

Тогда удалялись отъ должностей для того, что были оныхъ достойны; не смѣли добиваться отличностей для того, что народное уваженіе достаточнымъ было воздаяніемъ за оказанныя государству услуги. Никогда не было учинено столь великихъ

дѣлъ, какъ въ семъ вѣкѣ; никогда не были толико удаленными отъ помышленія, что слава оныхъ дѣлъ долженствовала относиться только къ нѣкоторымъ гражданамъ. Воздвигнуты были истуканы въ честь Солону, Армодію, Аристогитону; но уже́ послѣ смерти ихъ. Аристидъ и Ѳемистоклъ спасли Республику, которая не присудила имъ даже лавроваго вѣнца. Мильтіадъ, послѣ Мараѳонской битвы, просилъ сея почести въ народномъ собраніи; одинъ человѣкъ вставъ съ мѣста, сказалъ ему: „ Мильтіадъ, когда ты одинъ отразишь варваровъ, тогда одинъ ты и получишь вѣнецъ. „ Вскорѣ потомъ войска Аѳинскія подъ предводительствомъ Кимона приобрѣли великіе успѣхи во Ѳракіи; по возвращеніи своемъ просили они воздаянія. Въ вырѣзанныхъ надписяхъ похвалены были войска, но не было ни о комъ особенно упомянуто.

Когда каждый гражданинъ могъ быть полезенъ, и не былъ унижаемъ ежеминутно неправедными предпочтеніями, то и знали всѣ, что могли приобрѣтать личное уваженіе; и когда нравы были еще просты и чисты, то имѣли вообще ту независимость и то достоин-

ство, которыя теряются только отъ многообразности нуждъ и выгодъ.

Я не буду приводить къ похвалѣ сего вѣка отличной преданности, возданной Аристидову праводушію: сіе случилось во время представленія одного Эсхилова сочиненія. Когда лицедѣй сказалъ, что Амфіарай менѣе старался казаться честнымъ человѣкомъ, нежели быть подлинно такимъ, то взоры всѣхъ обратились быстро на Аристида. И развращенный народъ могъ бы сдѣлать подобное отношеніе; но Аѳиняне имѣли всегда больше уваженія къ разсужденіямъ Аристида, нежели къ мнѣніямъ Ѳемистокла, а сего не нашли бы въ народѣ развращенномъ.

Послѣ ихъ успѣховъ противъ Персовъ, гордость, которую раждаетъ побѣда, приобщилась въ сердцахъ ихъ къ добродѣтелямъ, которыя произвели оную побѣду; и сія гордость была тѣмъ справедливѣе, что никогда не сражались за дѣло толико праведное и толико важное.

Когда народъ бѣдный и добродѣтельный вдругъ достигаетъ до нѣкотораго возвышенія, тогда бываетъ одно изъ двухъ: либо, для соблюденія постановленія своего,

отрѣкается онъ отъ всякаго распространенія; и тогда наслаждается въ тишинѣ собственнымъ своимъ уваженіемъ и почтеніемъ отъ прочихъ народовъ, что и случилось съ Лакедемонянами; или желаетъ онъ, чего бы то ни стоило, свое могущество увеличить; и тогда бываетъ онъ несправедливъ и властолюбивъ; что испытали и Аѳиняне.

Ѳемистоклъ совратилъ ихъ съ пути, по которому ихъ велъ. Прочіе начальники, вмѣсто умѣренія ихъ жара, старались только воспламенить оный.

Во время втораго нашествія Персовъ, Мильтіадъ предложилъ вступить въ сраженіе съ ними на открытомъ полѣ. Сіе предпріятіе достойно было побѣдителя Мараѳонскаго. Ѳемистоклово предпріятіе было можетъ быть отважнѣе: онъ совѣтовалъ Аѳинянамъ ввѣрить судьбу свою жребію морской битвы. Сильныя причины противополагаемы были сему оборонительному предначертанію. Аѳиняне едва умѣли тогда управлять слабыми своими судами; они совсѣмъ не привычны были къ морскимъ сраженіямъ. Не можно было предвидѣть, чтобъ Ксерксъ напалъ на Грековъ въ проливѣ. Наконецъ,

могъ ли Өемистоклъ ласкать себя надеждою, какъ онъ въ томъ увѣрялъ, что на всякой случай откроетъ себѣ путь сквозь непріятельскій флотъ и переведетъ народъ Аѳинскій въ отдаленную страну? Какъ бы то ни было, успѣхъ оправдалъ его намѣреніе.

Но ежели заведеніе морской силы было спасеніемъ Аѳинъ, то послужило оно скоро орудіемъ ихъ любочестія и погибели. Өемистоклъ желавшій содѣлать народъ свой сильнѣйшимъ въ Греціи, чтобъ быть тогда первымъ гражданиномъ, приказалъ сдѣлать новую пристань, построить болѣе галеръ, посадить на свои флоты воиновъ, ремесленниковъ, земледѣльцовъ, и множество со всѣхъ сторонъ собранныхъ имъ иностранцовъ. Присовѣтовавъ щадить народы твердой земли, соединившіеся со Ксерксомъ, напалъ самъ безъ пощады на острова, которые принуждены были уступать силѣ Персовъ; онъ похищалъ сокровища ихъ, и возврашясь въ отечество свое, подкупалъ оными единомысленниковъ, которыхъ своею пышностію обуздывалъ и возмущалъ. Кимонъ и прочіе полководцы, обогатившіеся такимъ же образомъ, величалися дотолѣ неизвѣстнымъ великолѣпіемъ. Они не имѣли другаго предмета, по примѣру

Θемистокла, какъ вспомоществовать распространенію республики. Сія мысль овладѣла всѣми сердцами.

Народъ, гордящійся тѣмъ, чтобъ видѣть полководцевъ своихъ повергающихъ къ ногамъ его корысти и добровольное или принужденное повиновеніе городовъ, присоединенныхъ къ его владѣнію, распространился стремительно по всѣмъ морямъ и являлся на всѣхъ берегахъ; онъ умножалъ завоеванія, которыя примѣтно повреждали свойство народной храбрости. Въ самомъ дѣлѣ, сіи неустрашимые воины, пренебрегавшіе смертію на поляхъ Мараθонскихъ и Платейскихъ, употребляемы были, яко рабы, къ корабельнымъ работамъ, и упражнялись большею частію только въ томъ, чтобъ съ осторожностію дѣлать высадки на берега, нападать незапно на беззащитные города, грабить оставленныя земли; сіе есть родъ войны, научающей расчислять свои силы, приближаться къ непріятелю только съ трепетомъ, и безъ стыда обращаться въ бѣгство.

Нравы получили гибельное поврежденіе, которое производятъ въ правленіи, основанномъ на добродѣтели, обращеніе съ чужестранцами, соперничество во власти и славѣ, духъ

завоеванїй и надежда къ полученїю корыстей. Сїя толпа гражданъ самаго низкаго состоянїя, которые служили во флотахъ и которымъ республика обязана была снисхожденїемъ, поелику она одолжена имъ своею славою, навыкла въ своихъ разъѣздахъ порокамъ морскихъ разбойниковъ; и дѣлаясь день отъ дня дерзновеннѣе, господствовала на площади народной и предала верховную власть въ руки народа; что случается почти всегда въ такомъ государствѣ, въ которомъ мореплаванїе процвѣтаетъ. Два или три случая доказываютъ, сколь стремительно правила честности и правоты ослабѣли въ народѣ.

Послѣ Платейской битвы, Ѳемистоклъ объявилъ торжественно, что предпрїялъ онъ важное намѣренїе, коего успѣхъ зависитъ отъ непроницаемой тайны. Народъ отвѣчалъ: „ чтобъ Аристидъ былъ хранителемъ „оныя; мы полагаемся на него:„ Ѳемистоклъ, „отведши его къ сторонѣ, сказалъ ему: флотъ „нашихъ союзниковъ пребываетъ безъ опасе„нїя въ пристани Пегазской; я предлагаю его „сжечь, и мы будемъ владычествовать надъ „Грецїею. „ Аѳиняне, сказалъ тогда Ари„стидъ, „ нѣтъ ничего полезнѣе Ѳемисто-

„клова намѣренія; но нѣтъ ничего и неправеднѣе.„ Мы не приемлемъ онаго, закричало единогласно все собраніе.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, Самїяне предложили Аѳинянамъ нарушить одну статью договора, учиненнаго съ союзниками. Народъ требовалъ мнѣнія Аристидова.„ Предложеніе „Самїянъ несправедливо, отвѣчалъ онъ, но „полезно. Народъ одобрилъ намѣреніе Самїянъ.

Наконецъ по прошествіи краткаго времени и при Периклѣ, Аѳиняне во многихъ случаяхъ не стыдились признаваться, что они не знаютъ инаго народнаго права, кромѣ силы.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Вѣкъ Перикловъ, съ 444 года по 404 до Р. Хр.

Периклъ.

Периклъ давно примѣтилъ, что рожденіе и богатство его давали ему нѣкоторыя права и дѣлали его подозрительнымъ. Другая побудительная причина умножала его

безпокойство. Нѣкоторые престарѣлые мужи, знавшїе Пизистрата, находили его въ юномъ Периклѣ; у него были такїя же черты лица, такой же голосъ и такой же даръ слова. Надлежало ему стараться вывесть изъ подозрѣнїя сїе сходство и сопряженныя съ онымъ преимущества. Периклъ посвятилъ первыя свои лѣта любомудрїю, не мѣшаяся въ дѣла народныя, и не стараясь искать себѣ инаго отличїя, кромѣ единой храбрости.

По смерти Аристидовой, и по изгнанїи Ѳемистокла, Кимонъ принялъ бразды правленїя, но часто занимаясь отдаленными походами, содержалъ довѣренность Аѳинянъ въ колебанїи между многими соперниками, не могущими оную утвердить. Тогда Периклъ началъ удаляться отъ общества, оставлять увеселенїя, привлекать на себя вниманїе народное тихою поступью, благопристойною осанкою, скромною наружностїю и нравами непорочными. Наконецъ явился онъ на мѣстѣ ораторскомъ, и первые его опыты удивили Аѳинянъ. Природа произвела его краснорѣчивѣйшимъ человѣкомъ; а раченїе, быть первымъ ораторомъ въ Грецїи.

Славные учители, образовавшіе юность его, продолжали просвѣщать его своими совѣтами, и доходили съ нимъ до началъ нравоученія и политики: умъ его присвоялъ себѣ ихъ познанія; и отъ сего возрасла та глубокая прозорливость, та полнота разума, та сила слога, который умѣлъ онъ умягчать по обстоятельствамъ, тѣ пріятности, которыхъ онъ никогда не пренебрегалъ, и никогда не обнаруживалъ и множество другихъ качествъ, которыя приводили его въ состояніе склонять тѣхъ, коихъ не могъ онъ убѣждать, и привлекать самыхъ тѣхъ, которыхъ не могъ онъ ни убѣдить, ни склонить.

Въ разговорахъ его находилась важная величественность, которой всѣ умы покорялись. Се былъ плодъ бесѣдъ его съ мудрецомъ Анаксагоромъ, который открытіемъ ему начала существъ и явленій природы, казалось, усугубилъ величіе его души, отъ природы возвышенной.

Неменшее удивленіе возбуждала способность, которою угнеталъ онъ своихъ сопротивниковъ, и уклонялся отъ ихъ гоненій. Ею обязанъ онъ былъ мудрецу Зенону Элейскому, который неоднократно вводилъ его въ ухищренія заманчиваго умословія (діа-

лектики), чтобъ открыть ему тайныя уловки; почему одинъ изъ величайшихъ противоборцевъ Перикла часто говаривалъ:,, Когда я повергаю его на землю, и уже держу ,,подъ собою, то кричитъ, что онъ не побѣ- ,,жденъ, и удостовѣряетъ въ томъ всѣхъ.,,

Периклъ зналъ весьма хорошо свой народъ, и потому надѣялся на даръ своего слова; онъ зналъ также изящества сего дара, и былъ первымъ почитателемъ онаго. Прежде нежели являлся въ народъ, то помышлялъ самъ въ себѣ, что идетъ говорить предъ народомъ свободнымъ, предъ Греками, предъ Аѳинянами.

Однакоже удалялся онъ, колико могъ, отъ ораторскаго мѣста; поелику, всегда будучи ревностенъ слѣдовать медлѣнно намѣренію своего возвышенія, опасался новыми успѣхами истребить впечатлѣніе первыхъ, и довесть преждевременно удивленіе народа до той степени съ которой оно паки низойти можетъ. Судили тогда, что витія, презирающій рукоплесканія, о которыхъ онъ былъ увѣренъ, заслуживалъ довѣренность, которой онъ не искалъ; и что предлагаемыя имъ дѣла должны быть весьма важны, для того что они принуждали его прерывать молчаніе.

Слѣдующій случай подалъ высокое понятіе о власти его надъ самимъ собою. Нѣкогда собраніе продолжилось до ночи; простый гражданинъ безпрестанно прерывалъ его рѣчь, поносилъ и провожалъ его съ ругательствомъ до самаго его дома; а Периклъ приказалъ хладнокровно одному изъ своихъ рабовъ взять свѣтöчъ и проводить сего человѣка до двора его.

Когда видѣли наконецъ, что всюду показывалъ онъ не токмо дарованіе, но и добродѣтель свойственную обстоятельству; въ домашней жизни скромность и воздержность древнихъ временъ; въ должностяхъ правленія непоколебимое безкорыстіе и правосудіе; въ повелительствѣ войскъ осторожность ничего не оставлять слѣпому случаю, и отваживать скорѣе славу свою, нежели благо государства; тогда думали, что душа, умѣющая презирать похвалы и оскорбленіе, богатство, избыточества и самую славу, должна имѣть для общей пользы такой жаръ, который пожираетъ всѣ прочія страсти, или по крайней мѣрѣ соединяетъ ихъ въ семъ единственномъ чувствованіи.

Сія то мечта наипаче вознесла Перикла, и онъ умѣлъ поддерживать оную почти сорокъ

лѣтъ сряду у народа просвѣщеннаго, властолюбиваго, и которой столъже легко упомлялся удивленїемъ, какъ и повиновенїемъ своимъ.

Прежде нежели снискалъ онъ совершенную довѣренность отъ народа, раздѣлялъ оную съ другими. Кимонъ былъ главою у благородныхъ и богатыхъ; Периклъ прилѣпился къ простому народу, который онъ презиралъ, и который усилилъ знатно его сторону; Кимонъ приобрѣлъ законнымъ образомъ въ походахъ своихъ безмѣрное богатство, употреблялъ оное на украшенїе города и на вспоможенїе несчастнымъ. Периклъ силою власти своей располагалъ народною казною Аѳинянъ и казною союзниковъ, наполнилъ Аѳины превосходнѣйшими произведенїями художествъ, опредѣлялъ на содержанїе бѣднымъ гражданамъ жалованье, раздавалъ имъ часть завоеванныхъ земель, умножилъ празднества, назначилъ судїямъ плату за присутствїе, и тѣмъ, которые приходили въ Ѳеатръ и въ народное собранїе. Народъ видѣлъ только руку раздающую, но не смотрѣлъ на источникъ, изъ котораго она черпала. Онъ соединялся болѣе и болѣе съ Перикломъ, который, чтобъ привязать его къ себѣ тверже, дѣлалъ его сообщникомъ своихъ неправдъ, и употреблялъ его для нанесенїя

тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые обнаруживая силу, умножаютъ оную. Онъ принудилъ изгнать Кимона, ложно обвиненнаго въ подозрительныхъ связяхъ съ Лакедемонянами; и подъ неосновательными предлогами опровергъ власть Ареопага, сильно противоборствовавшаго необузданности нравовъ и новостей.

По смерти Кимона, Ѳукидидъ, деверь его, старался подкрѣплять колеблющуюся сторону знатныхъ гражданъ. Хотя не имѣлъ онъ воинственныхъ дарованій Перикла; однако былъ толикоже искусенъ какъ и онъ въ управленіи умами, поддерживалъ нѣсколько времени равновѣсіе, и наконецъ подвергся строгости десятилѣтней ссылки или изгнанію.

Съ сего времени перемѣнилъ Периклъ свое расположеніе; онъ поработилъ сторону богатыхъ, лаская простому народу; поработилъ простой народъ, обуздывая его затѣи, то непреодолимымъ сопротивленіемъ, то мудростію своихъ совѣтовъ, или сладостію своего краснорѣчія. Все исполнялось по его волѣ; все дѣлалось по видимому на законныхъ установленіяхъ; и вольность, обезпеченная соблюденіемъ республиканскихъ обрядовъ, умирала непримѣтно подъ бременемъ великаго ума.

Чѣмъ болѣе возрастало могущество Перикла, тѣмъ менѣе расточалъ онъ довѣренность свою, и тѣмъ рѣже показывался народу. Заключенный въ маломъ кругѣ родственниковъ и друзей, бдѣлъ онъ, среди уединеннаго своего убѣжища, надъ всѣми частями государственнаго правленія, когда думали, что занимается онъ или примиреніемъ или низверженіемъ Греціи. Аѳиняне склонные ко влекшему ихъ стремленію, чтили виновника онаго для того, что рѣдко видѣли просящаго о ихъ согласіи; и толикоже умѣренны въ выраженіяхъ своихъ, колико въ своихъ чувствованіяхъ, представляли они Перикла не иначе, какъ въ образѣ могущественнѣйшаго изъ боговъ. Слышали ль гласъ его при важныхъ случаяхъ? то говорили, что Юпитеръ ввѣрилъ ему громъ и молнію. Дѣйствовалъ ли онъ въ другихъ, посредствомъ своихъ приверженцевъ; то напоминали, что владыка небесъ оставляетъ подвластнымъ духамъ входить въ подробное управленіе вселенною.

Периклъ распространилъ блистательными побѣдами владѣнія республики; но когда увидѣлъ онъ могущество Аѳинянъ на нѣкоторомъ возвышеніи, то почиталъ онъ безчестіемъ допустить ослабѣвать оному, и несча-

стїемъ болѣе его увеличиватъ. Сїя мысль управляла всѣми его дѣянїями; и торжествомъ политики его было то, что онъ столь долгое время содержалъ Аѳинянъ въ недѣйствїи, союзниковъ своихъ въ независимости, а Лакедемонянъ въ почтенїи.

Аѳиняне, исполненные чувствованїемъ своихъ силъ, такимъ чувствованїемъ, которое въ вышшихъ чинахъ производитъ надменность и гордость, въ простомъ народѣ дерзость и свирѣпость, не ограничивались болѣе владычествомъ надъ Грецїею; они помышляли о завоеванїи Египта, Карѳагена, Сицилїи и Этрурїи. Периклъ давалъ имъ свободу заниматься сими обширными и пустыми предпрїятїями, и тѣмъ внимательнѣе примѣчалъ за поступками союзниковъ Аѳинскихъ.

Республика разрывала исподоволь узы равенства, которыми сопряженъ былъ ихъ союзъ; она обременяла ихъ игомъ болѣе уничижительнымъ, нежели иго варваровъ, потому что въ самомъ дѣлѣ легче привыкать къ насилїю, нежели къ неправдѣ. Между прочими жалобами, союзники упрекали Аѳинянъ, что они употребляютъ на украшенїе города своего тѣ деньги, которыя даютъ они ежегод-

но для войны съ Персами. Периклъ отвѣчалъ на сіе, что республика флотами своими предохраняетъ союзниковъ отъ нападенія варваровъ, и что она никакой другой обязанности на себя не пріемлетъ. Сей отвѣтъ возмутилъ Эввею, Самосъ и Византію, но вскорѣ послѣ того покорилась Эввея паки Аѳинянамъ; Византія принесла имъ обыкновенную дань; Самосъ послѣ сильнаго сопротивленія заплатилъ имъ военныя издержки, отдалъ свои корабли, раззорилъ свои стѣны и далъ заложниковъ. Пелопонисскій союзъ видѣлъ въ семъ примѣрѣ строгости новый опытъ самовластія, которое Аѳиняне надъ своими союзниками оказывали, и что когда нибудь заставятъ они своихъ непріятелей оное почувствовать. Съ давняго времени востревоженный быстрыми ихъ успѣхами, никоимъ образомъ необезпеченный договорами, которые онъ съ ними заключилъ, и которые утверждены были тридцатилѣтнимъ перемиріемъ, остановилъ бы уже многажды теченіе побѣдъ ихъ, ежели бы могъ преодолѣть чрезвычайное отвращеніе Лакедемонянъ отъ всякаго рода войны.

Въ 445 году до Р. Хр.

Въ такомъ расположеніи находились Греческіе народы. Периклъ былъ нѣкоторыми изъ нихъ ненавидимъ, но всѣмъ страшенъ.

Царствованіе его, ибо такъ можно назвать его правленіе, не колебалось отъ крика зависти, и еще менѣе отъ ругательствъ или глумленій позволяемыхъ противъ него на позорищѣ или въ бесѣдѣ. Но по семъ родѣ мщенія, которымъ народъ утѣшается въ безсиліи своемъ, послѣдовали наконецъ скрытныя роптанія, смѣшанныя съ смутнымъ безпокойствіемъ, которыя предвѣщали близкую перемѣну. Враги его, не смѣвшіе прямо на него напасть, испытывали оружіе свое противъ тѣхъ, кои заслужили его покровительство и дружбу.

Фидій, имѣвшій присмотръ за великолѣпными памятниками, украшающими Аѳины, обвиняемъ былъ похищеніемъ части злата, которымъ долженствовалъ украсить истуканъ Минервы. Онъ оправдался, однакожъ умеръ въ оковахъ. Анаксагоръ, можетъ быть благочестивѣйшій изъ мудрецовъ, приведенъ былъ въ судъ за преступленіе въ нечестіи, и принужденъ убѣжать. Супруга, нѣжный другъ Перикла, славная Аспасія, бывъ обличаема, что она поругала вѣру разговорами своими, а нравы своимъ поведеніемъ, защищала дѣло свое сама; и слезы ея супруга едва спасли ее отъ строгости судей.

Сіи нападенія были только предначинаніемъ тѣхъ, кои бы онъ самъ испыталъ, естьли бы нечаянное происшествіе не возстановило его надежды и не утвердило его власти.

Пелопонисская война.

Корцира нѣсколько уже лѣтъ вела войну съ Коринѳомъ, откуда имѣетъ она свое происхожденіе. По народному праву Греціи, не должна чужестранная держава мѣшаться въ ссоры первопрестольнаго града и его поселенія. Но Аѳинянамъ нужно было соединиться съ такимъ народомъ, коего морская сила находилась въ цвѣтущемъ состояніи, и который могъ положеніемъ своимъ споспѣшествовать плаванію ихъ флотовъ въ Сицилію и Италію. Они приняли его въ свой союзъ, и послали ему помощь. Коринѳяне обнародовали, что Аѳиняне нарушили перемиріе.

Потидея, другое населеніе Коринѳянъ, приняла сторону Аѳинянъ. Сіи послѣдніе подозрѣвая вѣрность ея, приказали ей нетолько дать заложниковъ, но еще раззорить свои стѣны, и выгнать градоначальниковъ, которыхъ получала она по обыкновенію ежегодно отъ своея столицы. Потидея приступила къ Пелопонисскому союзу, и Аѳиняне ее осадили.

Нѣсколько времени прежде, Аѳиняне подъ маловажнымъ видомъ запретили Мегарянамъ, союзникамъ Лакедемонскимъ, входъ въ пристани свои и въ торговыя мѣста. Прочїе города воздыхали о потерянїи своихъ законовъ и вольности.

Коринѳъ, желавшїй возжечь общую войну, вступился въ ихъ ссоры и склонилъ ихъ просить надлежащаго удовлетворенїя у Лакедемонянъ, главныхъ начальниковъ Пелопониsскаго союза. Посланники сихъ разныхъ городовъ прїѣзжаютъ въ Лакедемонъ; призываютъ ихъ: они предлагаютъ свои обиды съ толикимъ же огорченїемъ какъ и жаромъ, изображаютъ то, что они претерпѣли, и то, чего еще страшиться должны; сказываютъ все, что предписываетъ праведное мщенїе, все, что внушаютъ неудовольствїе и ненависть. Когда умы приготовлены были къ воспрїятїю сильнѣйшихъ впечатлѣнїй, то одинъ изъ Коринѳскихъ пословъ начинаетъ рѣчь, и упрекаетъ Лакедемонянъ тѣмъ праводушїемъ, которое не позволяетъ имъ подозрѣвать другихъ въ неправодушїи; сею умѣренностїю, которая вмѣняется имъ въ достоинство и дѣлаетъ ихъ столь безпечными въ пользахъ сосѣдственныхъ государствъ. „Коликократно извѣщали

„мы васЪ о замыслахЪ АѲинянЪ? и какая ну-
„жда еще напоминать вамЪ о семЪ? Корци-
„ра, коея морская сила могла бы во всякомЪ
„случаѣ намЪ помогать, вступила сЪ ними вЪ
„союзЪ: Потидея, сія крѣпость, которая огра-
„ждала наши владѣнія во Ѳракіи, скоро до-
„станется вЪ ихЪ руки. Мы жалуемся на
„васЪ за нашу потерю, на васЪ позволившихЪ
„послѣ Мидійской войны нашимЪ врагамЪ укрѣ-
„пить свой городЪ и распространить свои
„завоеванія; на васЪ, покровителей вольно-
„сти, но молчаніемЪ своимЪ благопріятствую-
„щихЪ рабству; на васЪ, совѣтующихЪ когда
„дойдетЪ до брани, и только тогда о защи-
„щеніи своемЪ думающихЪ, когда непріятель
„нападетЪ на васЪ со всею своею силою; мы
„памятуемЪ еще то, какЪ Мидяне вышедЪ изЪ
„среды Асіи прошли Грецію и дошли до Пе-
„лопониса, когда вы были спокойны вЪ ва-
„шихЪ жилищахЪ. Вы будете сражаться не
„противЪ отдаленнаго народа, но противЪ на-
„рода предЪ вратами вашими; противЪ АѲи-
„нянЪ, которыхЪ пособій и свойства вы ни-
„когда не знали, и теперь еще не знаете. Умы
„пылкіе вЪ расположеніи замысловЪ способны
„принаравливать ихЪ кЪ случаямЪ; столь ско-
„ры вЪ исполненіяхЪ, что владѣть и желать

„есть для нихъ одно; столь надменны, что „почитаютъ у себя похищенными тѣ завоеванія, которыхъ завоевать не могли; столь „жадны, что не ограничиваются никогда „тѣмъ, что завоевали; народъ смѣлый и на„глый, коего дерзость опасностію, коего на„дежда несчастіемъ возрастаетъ; который „почитаетъ праздность мученіемъ, и коего „боги разгнѣванные бросили на землю, чтобъ „никогда самъ онъ не былъ спокоенъ, и ни„когда не оставлялъ бы другихъ въ покоѣ.„

„Чтоже противоположите вы столь мно„гимъ преимуществамъ? Замыслы ниже вашихъ „силъ; нидовѣрчивость къ предпріятіямъ „благоразумнѣйшимъ, медлѣнность въ дѣй„ствіяхъ, уныніе при малѣйшемъ несчастіи, „страхъ отъ распространенія вашихъ вла„дѣній, нерадѣніе въ сохраненіи оныхъ. Все „сіе, и самыя ваши правила столь же „вредны спокойствію Греціи, сколько безо„пасности вашей. Ни на кого не нападать, „привесть себя въ состояніе, чтобъ не „быть никогда нападаему; сіи средства ка„жутся вамъ всегда недостаточными для „утвержденія благополучія народнаго: вы „не хотите отмщать за обиду, когда отъ „нее никакого предосужденія отечеству

„произойти не можетъ. Гибельное правило, „которое будучи принято отъ сосѣдственныхъ народовъ, едвали защититъ васъ отъ „ихъ нашествій.

„О Лакедемоняне! поведенїе ваше слишкомъ много являетъ простоты прежнихъ „вѣковъ. Другїя времена, другїе нравы, другое расположенїе. Непоколебимость правилъ „свойственна только такому городу, который наслаждается вѣчнымъ миромъ; но „сколь скоро, по положенїямъ своимъ съ „прочими народами, отношенїя его стали „запутаннѣе, то требуетъ онъ искуства „правленїя тончайшаго. Итакъ оставьте, „по примѣру Аѳинянъ, сїе прамодушїе, которое не знаетъ примѣняться къ обстоятельствамъ; оставьте сїю безпечность, „заключающую васъ въ окружности стѣнъ „вашихъ. Сдѣлайте нападенїе на Аттику: „не принуждайте союзниковъ, вѣрныхъ друзей, ввергнуться въ руки непрїятелей вашихъ; и ставъ предводителями Пелопониских народовъ, явите себя достойными „того господствованїя, которымъ отцы наши почтили ваши добродѣтели."

По другимъ дѣламъ въ Лакедемонѣ находившїеся Аѳинскїе послы требовали поз-

воленія говорить, не для того, чтобѣ отвѣчать на обвиненія, ими слышанныя, ибо Лакедемоняне не были ихѣ судіи; но желали только убѣдить собраніе кѣ отложенію рѣшенія, могущаго имѣть ужасныя слѣдствія.

Они воспомянули сѣ учтивостію о сраженіяхѣ при Мараѳонѣ и Саламинѣ. Аѳиняне ихѣ выиграли, выгнали варваровѣ, спасли Грецію. Народѣ способный кѣ толь великимѣ дѣламѣ заслуживаетѣ безѣ сомнѣнія уваженіе. Зависть вмѣняетѣ ему нынѣ вѣ преступленіе ту власть, которую оказываетѣ онѣ надѣ частію Греческихѣ народовѣ; но Лакедемонѣ уступилѣ ему оную; онѣ блюдетѣ ее потому, что не можетѣ оставить ее безѣ опасности? Однакоже предпочитаетѣ онѣ при исполненіи сей власти, кротость строгости; и, ежели принужденѣ употреблять иногда жестокость, то для того, что слабѣйшій не можетѣ удержанѣ быть инако вѣ зависимости, какѣ силою. „Да „престанетѣ Лакедемонѣ слушать неправедныя жалобы Аѳинскихѣ союзниковѣ, за „вистную лютость собственныхѣ своихѣ „союзниковѣ; прежде рѣшенія своего да помыслитѣ о важности нуждѣ, разбиратель-

„ству подлежащихъ, о неизвѣстности слу-
„чаевъ, которымъ себя подвергнуть можетъ.
„Да удалится сїе упоенїе, недозволяющее
„народамъ внимать гласу разума, доколѣ не
„ввергнутся въ бездну золъ; которое про-
„изводитъ то, что всякая война оканчива-
„ется тѣмъ, чѣмъ бы она начинаться дол-
„женствовала! Еще есть время; мы можемъ
„распри наши прекратить дружески, какъ
„предписываютъ договоры. Но ежели вы, не
„взирая на ваши клятвы, нарушите переми-
„рїе; то призовемъ во свидѣтели боговъ,
„мстителей клятвопреступства, и приго-
„товимся къ сильнѣйшей оборонѣ. „

По окончанїи сея рѣчи, вышли послы изъ собранїя; но царь Архидамъ, соединявшїй долговременную опытность съ глубокою мудростїю, примѣтивъ по жестокому движенїю мыслей, что война неизбѣжна, хотѣлъ по крайней мѣрѣ оную на нѣкоторое время остановить.

„Народъ Лакедемонскїй, говорилъ онъ,
„я былъ, такъ какъ многїе между вами, сви-
„дѣтелемъ разныхъ браней, и для того тѣмъ
„паче опасаюсь сей, которую вы нынѣ пред-
„принимать готовитесь. Безъ предуготовле-
„нїй и безъ пособїй желаете вы напасть на

„такой народъ, который искусенъ въ „мореходствѣ, страшенъ числомъ своихъ „воиновъ и кораблей, богатъ произведенія„ми своей земли и данїю своихъ союзни„ковъ. Что можетъ внушать вамъ сїе упо„ванїе? Флотъ ли вашъ? Но колико времени „потребно на то, чтобъ возстановить его? „Состоянїе ли вашихъ доходовъ? Но мы „не имѣемъ государственной казны, а ча„стные граждане бѣдны. Надежда ли отвлещи „союзниковъ отъ Аѳинъ? Но, поелику боль„шая часть суть островитяне, то надле„житъ намъ быть прежде властелинами „моря, чтобъ возбудить и подкрѣпить ихъ „отложенїе. Намѣренїе ли опустошить Ат„тическія равнины, и кончить сїю великую „распрю въ одномъ походѣ? Ахъ! уже ли вы „думаете, что потеря единой жатвы, ко„торую страна цвѣтущею торговлею столь „легко вознаграждаетъ, принудитъ Аѳинянъ „просить васъ о мирѣ? Ахъ! страшусь тѣмъ „паче, чтобъ не оставить намъ сїю войну „чадамъ нашимъ, яко несчастное наслѣд„ство! Непрїятельскія дѣйствїя городовъ и „частныхъ гражданъ суть временныя; но „когда возгорится война между двумя силь„ными государствами, то столько же труд-

„но предвидѣть слѣдствіе ея, какъ и пре-
„кратить оную съ честію.

„Я не того мнѣнія, чтобъ оставить
„союзниковъ нашихъ въ обидѣ; я сказываю
„только, что прежде ополченія, должны мы
„отправить пословъ къ Аѳинянамъ и всту-
„пить въ переговоры. Они предлагаютъ намъ
„сей способъ, и было бы не справедливо въ
„ономъ отказать. Между тѣмъ можемъ мы
„обратиться къ Греческимъ народамъ и, по-
„елику нужда требуетъ, то и къ самимъ вар-
„варамъ, чтобъ получить вспоможеніе день-
„гами и кораблями. Ежели Аѳиняне отверг-
„нутъ наши жалобы, то повторимъ оныя
„чрезъ два или три года по учиненіи
„приготовленій и можетъ быть найдемъ ихъ
„тогда склоннѣе.„

„Медлѣнность приписываемая намъ со-
„дѣлывала всегда нашу безопасность; ни
„похвалы, ни упреки не побуждали насъ ни-
„когда къ дерзскимъ предпріятіямъ. Мы не-
„разумѣемъ унижать витіеватыми словами
„могущество непріятелей нашихъ; но зна-
„емъ, что, дабы побѣжденіе ихъ сдѣлать
„себѣ возможнымъ, должны мы ихъ почи-
„тать, судить о поведеніи ихъ по нашему
„поведенію, предостерегать себя противъ

„ихъ благоразумія такъ какъ и противъ ихъ „храбрости, и менѣе полагаться на ихъ по-„грѣшности, нежели на мудрость нашихъ „предосторожностей. Мы думаемъ, что „одинъ человѣкъ не разнствуетъ отъ дру-„гаго человѣка; но страшнѣйшій есть тотъ, „который въ сомнительныхъ случаяхъ по-„ступаетъ съ бóльшимъ благоразуміемъ и „прозорливостію.

Да не удалимся отъ правилъ, получен-„ныхъ нами отъ отцевъ нашихъ, и соблюд-„шихъ сіе государство. Посудите о томъ „тщательно, что одно мгновеніе не рѣшитъ „о вашемъ имуществѣ, о вашей славѣ, о кро-„ви толикаго множества гражданъ, о судьбѣ „толь многихъ народовъ. Показывайте из-„дали войну, но не объявляйте ея: дѣлайте „свои приготовленія такъ, какъ бы вы ничего „выгоднаго не ожидали отъ вашихъ переговоровъ, „и будьте увѣрены, что сіи мѣры полезнѣе „для вашего отечества и приличнѣе для „устрашенія Аѳинянъ.„

Архидамовы разсужденія остановили бы можетъ быть Лакедемонянъ, ежели бы для отвращенія дѣйствій его, Сѳенелаидъ, одинъ изъ Эфоровъ, не возгласилъ вдругъ:

„Я не разумѣю ничего изъ многословнаго краснорѣчія Аѳинянъ: они не оскудѣвают въ похвалахъ своихъ, и не говорятъ ни слова въ свое защищеніе. Чѣмъ непорочнѣе былъ поступокъ ихъ въ Мидійской войнѣ, тѣмъ постыднѣе онъ нынѣ; и я объявляю ихъ сугубо наказанія достойными за то, что они были добродѣтельны, а нынѣ уже не таковы. Что касается до насъ, то мы все тѣ же, мы не измѣнимъ союзникамъ нашимъ, и защищать будемъ ихъ съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ на нихъ нападаютъ. Впрочемъ, здѣсь дѣло идетъ не о рѣчахъ и не о разбирательствахъ; союзники наши обижены были не словами. Скорѣйшее мщеніе, сіе-то принадлежитъ Спартанскому достоинству; и да не скажутъ намъ, что мы должны разсуждать послѣ претерпѣнной обиды, другимъ надлежало разсуждать прежде нежели насъ поругали. Теперь подумайте о войнѣ, о Лакедемоняне, и дабы поставить наконецъ преграду несправедливостямъ и честолюбію Аѳинянъ, пойдемъ, подъ покровительствомъ боговъ, противъ сихъ притѣснителей вольности.„

Сказавъ сіе, тотчасъ пригласилъ народъ къ собиранію голосовъ. Многіе изъ присущ-

ствующихъ были согласны съ царемъ: большая часть рѣшила, что Аѳиняне нарушили перемиріе; сего ради положено было созвать общій съѣздъ, дабы учинить послѣднее рѣшеніе.

По приѣздѣ всѣхъ посланниковъ, предложено дѣло вновь на разсужденіе, и война положена была большинствомъ голосовъ. Между тѣмъ какъ ничего еще въ готовности не было, то поручено Лакедемонянамъ отправить повѣренныхъ къ Аѳинянамъ, и представить имъ жалобы Пелопонисскаго союза.

Первое посольство имѣло только намѣреніе, удалить Перикла, или сдѣлать его у народа ненавистнымъ. Послы употребляли для сего причины совсѣмъ не соотвѣтствующія происходящей ссорѣ, и не произвели въ Аѳинянахъ никакого впечатлѣнія.

Новые повѣренные представляли о продолженіи перемирія: они предлагали нѣкоторыя условія, и ограничивались наконецъ на требованіи, чтобъ уничтожено было опредѣленіе, запрещавшее жителямъ Мегары отправлять торговлю въ Аттикѣ Периклъ отвѣчалъ: что законы не позволяютъ снять доску, на коей написано сіе опредѣленіе.„ „Когда вы не можете ее снять, сказалъ

„одинъ изъ пословъ, такъ оборотите ее толь-„ко: сего не запрещаютъ законы ваши.„

Наконецъ въ третьемъ посольствѣ сказали только посланники слѣдующее:„ Лаке-„демоняне желаютъ мира, и дѣлаютъ его за-„висящимъ только отъ одной вещи. Позволь-„те городамъ Греческимъ управляться соб-„ственными законами.„ Сїе послѣднее предложенїе, такъ какъ и прежнїя разсматриваны были въ народномъ собранїи. А какъ мнѣнїя были не согласны; то Периклъ спѣшилъ взойти на ораторское мѣсто. Онъ представилъ, что послѣ договоровъ, распри между условившимися городами должны разбираться дружелюбїемъ, и что между тѣмъ каждый городъ долженъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ.„ Вопреки сего точнаго опре-„дѣленїя, говорилъ Периклъ, Лакедемоняне „обЪявляютъ намъ повелительно свои жела-„нїя; и не позволяя намъ инаго избирать, какъ „войну или покорность, повелѣваютъ намъ от-„речись отъ всѣхъ преимуществъ, которыя „получили мы надъ ихъ союзниками. Не сказываютъ ли они явно, что миръ зависитъ „единственно отъ учиненнаго опредѣленїя про-„тивъ Мегары? и многїе изъ васъ не вопїютъли, „что столь маловажная причина не должна

побуждать насЪ кЪ воспрїятїю оружїя? НѣтЪ, Аѳиняне, такїя предложенїя суть только явныя сѣти; надлежитЪ ихЪ отвергать, доколѣ не будутЪ поступать сЪ нами какЪ равный сЪ равнымЪ. Каждый народЪ, желающїй предписывать законы соперничествующему народу, предлагаетЪ ему оковы. Когда уступите вЪ единой вещи, то подумаютЪ, что вы ужѐ трепещете; и сЪ самой той минуты будутЪ васЪ обязывать условїями уничижительнѣйшими.,,

,,И чегожЪ можете вы опасаться нынѣ отЪ сея толпы народовЪ, толикоже разнствующихЪ происхожденїемЪ, колико и правилами? Какая медлѣнность вЪ созыванїи ихЪ сеймовЪ! Какое замѣшательство вЪ разбирательствѣ ихЪ дѣлЪ! Единую минуту занимаются они общимЪ благомЪ; прочее же время частными своими выгодами. Одни думаютЪ только о своемЪ мщенїи; другїе только о безопасности своей; а всѣ почти, полагаясь другЪ на друга вЪ своемЪ сохранѣнїи, ввергаются непримѣтно вЪ общую гибель.,,

ПериклЪ объяснялЪ потомЪ, что когда союзники Пелопониса не вЪ состоянїи выдержать многихЪ походовЪ, то лучшее сред-

ство къ ослабленію ихъ есть сіе, чтобъ утомить ихъ и противопоставить морскую войну войнѣ сухопутной. Они будутъ дѣлать нападеніе на Аттику, но флоты наши опустошать будутъ берега ихъ; они не возмогутъ вознаградить своей потери, а мы между тѣмъ воздѣлывать будемъ поля, то на островахъ, то на твердой землѣ. Владычество на море даетъ столь великое превосходство, что если бы вы обитали на островѣ, никакая держава не смѣла бы на васъ напасть. Почитайте Аѳины такою только крѣпостію, которая нѣкоторымъ образомъ отдѣленною лежитъ отъ земли, наполните воинами и стѣны, которыя ее защищаютъ, и корабли, которые находятся въ ея пристаняхъ. Область, ее окружающая, да будетъ вамъ чуждою, и да содѣлается предъ глазами вашими добычею непріятелей. Обуздайте безразсудное рвеніе противополагать вашу храбрость превосходному числу. Одна побѣда навлекла бы вскорѣ на васъ гораздо большія воинства. Одно пораженіе подвигло бы къ возмущенію тѣхъ союзниковъ, коихъ теперь удерживаемъ мы только силою. Не потерю имуществъ вашихъ должны вы будете оплакивать, но

потерю воиновъ, которыхъ подвергнете вы опасности на сраженіи. Ахъ! если бы вы совѣту моему послѣдовали, то опустошили бы вы въ ту же минуту мечемъ и огнемъ поля наши, и самые домы, покрывающіе ихъ, и Лакедемоняне перестали бы тогда почитать ихъ залогами нашего рабства.„

„Я могъ бы представить вамъ другихъ поручителей побѣды, когда бы увѣренъ былъ, что вы, опасаясь умножить новыми бѣдствіями бѣдствія войны, не пожелаете сражаться для завоеванія; ибо я опасаюсь болѣе погрѣшностей вашихъ, нежели непріятельскихъ умысловъ.„

„Теперь надлежитъ отвѣчать повѣреннымъ слѣдующее: 1) Что Мегаряне могутъ отправлять торговлю въ Аттикѣ, ежели Лакедемоняне не запретятъ намъ и нашимъ союзникамъ входить въ ихъ городъ. 2) Что Аѳиняне возвратятъ покореннымъ ими народамъ вольность, которою они прежде пользовались, когда Лакедемоняне поступятъ такимъ же образомъ съ зависящими отъ нихъ городами. 3) Что союзъ Аѳинскій предлагаетъ союзу Пелопонисскому прекратить дружески ссоры, нынѣ ихъ разстроивающія.„

Послѣ сего отвѣта послы Лакедемонскїе удалились, и съ обѣихъ сторонъ занимались вооруженїями къ продолжительнѣйшей и бѣдственнѣйшей войнѣ, каковая никогда еще толико Грецїи не опустошала. Она продолжалась двадесять семь лѣтъ. Поводомъ оныя было честолюбїе Аѳинянъ и справедливый страхъ, который они Лакедемонянамъ и ихъ союзникамъ внушили. Непрїятели Перикла обвиняли его, яко виновника сей войны. Сїе кажется истинною потому, что она была полезна къ возстановленїю его власти.

Весною въ 431 году до Р. Х.

Лакедемоняне имѣли на своей сторонѣ Вїотїянъ, Фокїянъ, Локрянъ, Мегарянъ, Амвракїянъ, Левкадянъ, Анакторїянъ и весь Пелопонисъ, выключая только Аргїянъ, не пристававшихъ ни къ которой сторонѣ.

Со стороны Аѳинянъ были города Греческїе, лежащїе на Асїйскихъ берегахъ, города Ѳракїи и Эллеспонта, почти вся Акарнанїя, нѣкоторые другїе маломощные народы, и всѣ островитяне, исключая жителей Мелоса и Ѳеры. Сверхъ сего могли они сами поставить союзникамъ 13,000 тяжеловооруженныхъ воиновъ, 1200 конницы, 1600 пѣшихъ сайдачниковъ и 300 галеръ: 16,000

человѣкъ самыхъ молодыхъ и престарѣлыхъ гражданъ, и живущихъ въ Аѳинахъ чужестранцовъ, которымъ поручено было защищать стѣны города и крѣпости Аттики. Шесть тысящъ талантовъ сохранялись въ замкѣ. Въ случаѣ нужды, можно было достать еще болѣе 500 талантовъ сплавкою священныхъ утварей, и другими способами, которые Периклъ предъявлялъ народу.

Таковы были силы Аѳинянъ, когда Архидамъ, царь Лакедемонскій, остановясь у перешейка Коринѳскаго, отъ каждаго союзнаго города Пелопонисскаго получилъ двѣ трети способныхъ оруженосцевъ, и потомъ приближался медлѣнно къ Аттикѣ, предводительствуя 60,000 человѣкъ. Онъ желалъ возобновить паки переговоры, и на сей конецъ отправилъ посла къ Аѳинянамъ, которые не хотѣли его слушать, и приказали тотчасъ выѣхать изъ областей республики. Тогда Архидамъ продолжалъ путь свой далѣе и распространился во время жатвы съ воинствомъ своимъ по полямъ Аттическимъ. Несчастные жители убѣжали при его приближеніи; они перенесли имущества свои въ Аѳины, гдѣ большая ихъ часть не нашли инаго убѣжища кромѣ гробницъ, башенъ, темнѣйшихъ хижинъ и мѣстъ

необитаемыхъ. Къ прискорбїю, что оставили прежнїя спокойныя свои жилища, присовокуплялась печаль, когда видѣли въ дали домы свои пламенемъ пожираемые, и жатвы свои преданныя непрїятельскому серпу.

Аѳиняне, принужденные сносить такїя огорченїя, которыя при воспоминанїи славныхъ ихъ подвиговъ еще прискорбнѣйшими содѣлывались, изнуряли себя воплемъ негодованїя и злобы противъ Перикла, державшаго храбрость ихъ окованною. Но онъ противуполагая прошенїямъ и угрозамъ ихъ молчанїе, отправилъ флотъ изо ста кораблей состоящїй въ Пелопонисъ и обуздывалъ народные вопли единою твердостїю своего нрава.

Архидамъ, не нашедъ болѣе съѣстныхъ припасовъ въ Аттикѣ, отвелъ войска свои добычею обремененныя обратно въ Пелопонисъ: они возвратились во свояси и въ теченїи сего года болѣе уже не являлись. Периклъ по отступленїи ихъ, послалъ противъ Локрянъ нѣсколько кораблей, получившихъ нѣкоторыя преимущества. Большїй флотъ произведя опустошенїе на брегахъ Пелопонисскихъ взялъ на возвратномъ своемъ пути островъ Эгину; и вскорѣ послѣ того выступили Аѳиняне совокупно противъ Мегарянъ, коихъ

область они раззорили. Въ слѣдующую зиму почтили они всенародными погребенїями тѣхъ, кои убиты были съ оружїемъ въ рукахъ; и Периклъ превознесъ славу ихъ краснорѣчивымъ словомъ. Коринѳяне вооружили 40 галеръ, учинили высадку въ Акарнанїи, и возвратились съ потерею. Такимъ образомъ кончился первый походъ.

Послѣдующїе походы не показываютъ равномѣрно ничего инаго, кромѣ продолженїя частыхъ сраженїй, скоропостижныхъ набѣговъ и предпрїятїй, которыя намѣренїю съ обѣихъ сторонъ предполагаемому кажутся совсѣмъ не сообразными. Какъ могли народы воинственные и столь смежные, древнею ревностїю и новою злобою воспаляемые, помышлять только о томъ, чтобъ другъ на друга нечаянно нападать, убѣгать другъ отъ друга, силы свои раздѣлять, и множествомъ мало значущихъ и неопасныхъ покушенїй размножать и продолжать бѣдствїя войны? Для того, что сїя война должнствовала производима быть по другому начертанїю, нежели прежнїя.

Пелопонисскїй союзъ былъ столь превосходенъ сухопутными войсками, что Аѳиняне не могли отважиться на общее сраженїе, не подвергаясь неизбѣжной потерѣ. Но народы соста-

влявшіе сей союзЪ, не разумѢли искуства осаждать крѢпостей; они имѢли неудачу при одной крѢпостцѢ вЪ АттикѢ; и овладѢли потомЪ городомЪ Платеею вЪ Віотіи, защищавшимся слабымЪ охраннымЪ войскомЪ, не прежде двухЪ лѢтняго облежанія, которое принудило наконецЪ жителей сдаться по недостатку сЪѢстныхЪ припасовЪ. КакЪ же могли они льститься когда либо взять приступомЪ или изнурить голодомЪ такой городЪ, какЪ Аѳины, который могЪ быть обороняемЪ 30-ю тысячами человѢкЪ, и который обладая моремЪ, по оному легко получалЪ всѢ свои потребности?

ИтакЪ непріятелямЪ не оставалось иного, какЪ опустошать жатвы вЪ АттикѢ; что они вЪ первые годы и исполняли. Но сіи набѢги долженствовали быть временные, для того что Пелопониссскіе союзники будучи весьма бѢдны и упражняясь единственно вЪ полевыхЪ работахЪ, не могли долго оставаться вооруженными, и еще вЪ отдаленной странѢ. ВЪ послѢдствіи предпріяли они умножить число своихЪ кораблей; но потребно было много лѢтЪ кЪ изученію мореходнаго искуства и кЪ полученію той опытности, которую пятидесятилѢтнее упражненіе едва могло

доставить Аѳинянамъ. Искуство сихъ послѣднихъ было столь извѣстно въ началѣ войны, что малѣйшїе отряды ихъ кораблей не страшились нападать на величайшїе Пелопонисскїе флоты.

Въ седьмомъ году войны, Лакедемоняне, для спасенїя четырехъ сотъ двадцати воиновъ своихъ, которыхъ Аѳиняне держали осажденными на одномъ островѣ, просили мира, и отдали около 60 галеръ съ тѣмъ, чтобъ оныя были возвращены, если плѣнные не освободятся. Ихъ не отпустили; а Аѳиняне удержали корабли, и такимъ образомъ Пелопонисская морская сила была истреблена. Разные случаи замедливали возстановленїе оной до двадцатаго года войны, когда царь Персидскїй обѣщанїями и договорами обязался доставлять ей содержанїе. Тогда союзники Лакедемонскїе покрыли море своими кораблями. Оба народа соперничествующїе нападали другъ на друга открытнѣе; и послѣ перемѣнныхъ успѣховъ и несчастїй, сила единаго преодолѣна была могуществомъ другаго.

Около 424 года до Р. Х.

Аѳиняне съ своей стороны столько же мало въ состоянїи были числомъ своихъ кораблей предписывать законы Грецїи, сколь-

ко непріятели ихъ могли сіе дѣлать числомъ своихъ войскъ. Ежели являлись они со флотами своими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Пелопонисцы имѣли владѣнія, то усилія ихъ ограничивались тѣмъ, чтобъ опустошить какой либо округъ, овладѣть беззащитнымъ городомъ, собрать дань, не дерзая входить во внутренность земель. Надлежало ли осаждать крѣпкое мѣсто въ странѣ отдаленной? то хотя и имѣли они больше пособій нежели Лакедемоняне, однако медлѣнность военныхъ дѣйствій истощевала какъ ихъ доходы, такъ и малое число находящихся въ повелѣніи ихъ войскъ. Взятіе Потидеи стоило имъ многихъ воиновъ, двухъ годичныхъ съ половиною трудовъ и 2000 талантовъ. Такимъ образомъ, при чрезвычайной неравности силъ и при чрезвычайной ихъ несоразмѣрности долженствовала война продолжаться на многое время. Сіе то предвидѣли оба искуснѣйшіе градоправители Греціи, Архидамъ и Периклъ, только съ тою разностію, что первый изъ нихъ заключалъ, что Лакедемоняне долженствовали войны опасаться, а вторый, что Аѳинянамъ надлежало ее желать.

Легко было такъже предвидѣть, что огнь войны у всѣхъ народовъ по временамъ

то возгораться, то утухать, то паки воспламеняться будетъ. Когда противоположныя выгоды ссорили сосѣдственные города, когда нѣкоторые подъ малѣйшимъ предлогомъ отторгались отъ своего союза, а прочїе оставались преданными тѣмъ крамоламъ, которыя Аѳины и Лакедемонъ безпрестанно возмущали; то произошло, что воевали народъ противъ народа въ одной и тойже области; городъ противъ города въ одномъ и томъ же народѣ; сторона противъ стороны въ одномъ и томъ же городѣ.

Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и другїе славные писатели изобразили тѣ несчастїя, которыя произведены были сими долговременными и гибельными раздорами. Не входя, подобно имъ, въ подробности, которыя занимаютъ нынѣ однихъ только Грековъ, приведу нѣкоторыя происшествїя, касающїяся особенно до Аѳинянъ.

Въ началѣ втораго года вошли непрїятели паки въ Аттику, и моровая язва появилась въ Аѳинахъ. Никогда сей ужасный бичъ не опустошалъ столь многихъ областей. Началась она въ Еѳїопїи, прошла Египетъ, Ливїю, часть Персїи, островъ Лемносъ, и еще другїя мѣста. Купеческїй корабль привезъ ее, безъ сомнѣнїя, въ Пирей, гдѣ она сперва и оказалась; от-

шуда распространилась съ свирѣпостію въ городѣ, а особливо въ бѣдныхъ и нездоровыхъ жилищахъ, гдѣ сельскіе жители въ великой тѣснотѣ находились.

Язва заражала мало по малу всѣ части тѣла; примѣты ея были страшныя, распространеніе стремительное, слѣдствія почти всегда смертоносныя. При первыхъ припадкахъ душа теряла свои силы, а тѣло по видимому получало новыя. И боровшіеся съ недугомъ терпѣли жестокое мученіе, не могши переносить боли. Безсонница, ужасъ, безпрестанное всхлипываніе, жестокія судороги, были не всѣ еще мученія претерпѣваемыя больными; несносный жаръ пожиралъ ихъ внутренность. Покрытые чирьями и багровыми пятнами, съ воспаленными глазами, съ стѣсненною грудію, съ мучительнымъ рѣзомъ въ утробѣ, испуская вонючее дыханіе изъ устъ запекшихся нечистою кровію, влачились они по улицамъ для вдыханія въ себя свѣжаго воздуха; но не могши утолить палящей и снѣдающей ихъ жажды, бросались въ рѣки, покрытыя льдинами.

Большая часть погибала въ седьмый или въ девятый день. Ежели продолжали они жизнь свою долѣе, то долженствовали претерпѣвать смерть самую мучительнѣйшую и медлѣнную.

Преодолѣвшіе сію болѣзнь не были почти никогда вторично ею одержимы. Слабая отрада! поелику они представляли взору только плачевные остатки самихъ себя. Нѣкоторые лишались употребленія многихъ своихъ членовъ; прочіе не помнили совсѣмъ о прошедшемъ: конечно счастливы, что не знали своего состоянія! но они не познавали еще и друзей своихъ.

Однакоже врачеваніе производило попремѣнно дѣйствія вредныя и спасительныя. Болѣзнь казалась упорствующею правиламъ и опытности. А какъ она заражала также многія области Персидскія, то царь Артаксерксъ рѣшился призвать для помощи ихъ славнаго Иппократа, бывшаго тогда на островѣ Косѣ. Тщетно предлагалъ онъ ему злато и достоинства: великій мужъ отвѣчалъ великому царю; что не имѣетъ онъ ни нуждъ, ни желаній, и принадлежитъ паче Грекамъ, нежели ихъ непріятелямъ. Потомъ представилъ онъ въ самомъ дѣлѣ услуги свои Аѳинянамъ, которые приняли его тѣмъ благодарнѣе, что большая часть ихъ врачей была жертвою своего усердія; онъ истощилъ всѣ способы искуства своего, и отваживалъ многократно жизнь свою. Если не получалъ онъ

совершенныхъ успѣховъ, которые заслуживали столь благороднаго пожертвованія и столь великихъ дарованій, то подавалъ по меньшей мѣрѣ утѣшеніе и надежду. Сказываютъ, что для очищенія воздуха, приказывалъ онъ возжигать огни по улицамъ Аѳинъ; прочіе же утверждаютъ, яко бы сей способъ употребляемъ былъ съ пользою Акрономъ, врачемъ Агригентскимъ.

Въ началѣ сего опустошающаго зла, оказаны были великіе примѣры сыновнія любви, великодушнаго дружества; но какъ они были почти всегда гибельны исполнителямъ оныхъ, то въ послѣдствіи весьма рѣдко возобновлялись. Тогда расторгнуты были самые священные узы; очи, готовые уже закрыться, зрѣли повсюду безмолвную пустыню, и смерть не была орашаема слезами.

Сіе ожесточеніе произвело совершенную необузданность. Лишеніе столь многихъ честныхъ людей, смѣшанныхъ съ злодѣями въ одной могилѣ, истребленіе столь многихъ семействъ, стяжаніе коихъ содѣлалось вдругъ удѣломъ или добычею самыхъ низкихъ людей, поразили сильно не имѣющихъ иныхъ основаній, кромѣ страха: увѣренные, что Боги не уважали болѣе до-

вродѣтели, и что мщенїе законовъ не можетъ быть столь скоропостижно, какъ угрожавшая имъ смерть, думали они, что бренность человѣческихъ вещей показывала употребленїе, каковое они изъ нихъ должны дѣлать, и что не имѣя болѣе времени жить, какъ нѣсколько минутъ, долженствовали они по крайней мѣрѣ проводить оныя въ нѣдрѣ удовольствїй.

Послѣ двухъ лѣтъ моровая язва казалась утихающею. Во время сего спокойствїя примѣчано было не однократно, что сѣмя заразы не было еще истреблено; оно открылось 18ть мѣсяцовъ послѣ того, и въ теченїе цѣлаго года, произвело паки тѣжъ явленїя печали и ужаса. И въ то и въ другое время погибло многое множество гражданъ, между которыми считать должно около 5000 способныхъ оруженосцевъ. Невозвратимою потерею было то, что Периклъ на третьемъ году войны отъ сея болѣзни умеръ. За нѣсколько времени предъ симъ, Аѳиняне огорченные чрезмѣрнымъ своимъ несчастїемъ, отняли у него верховную власть и даже наложили на него денежную пѣню; но они признались въ своемъ неправосудїи, а Периклъ имъ оное простилъ, хотя ему повелительство легкомыслїемъ народа, потерею его семейства и большей части

друзей его, моровою язвою похищенныхъ, омерзѣло.

Когда онъ при послѣднемъ былъ издыханiи, и не подавалъ болѣе никакаго знака жизни, то собравшiеся около его ложа знатные Аѳиняне облегчали прискорбiе свое, разсказывая о его побѣдахъ и исчисляя его трофеи. „Сiи подвиги, сказалъ онъ имъ, съ „трудомъ приподнявшись, суть творенiе „счастiя, и принадлежатъ обще со мною „другимъ полководцамъ. Единая похвала за„служиваемая мною есть та, что я ниеди„наго гражданина не заставилъ облещися въ „печальную одежду.„

Ежели бы Аѳиняне, сообразно начертанiю Перикла, продолжали войну наступательную съ моря, и оборонительную на матерой землѣ; когда бы отказавшись отъ всякой мысли завоеванiя, не подвергали опасности государственнаго блага дерзскими предпрiятiями; то рано или поздно восторжествовали бы они надъ своими непрiятелями для того, что дѣлали они имъ порознь болѣе вреда, нежели отъ нихъ получали; для того что союзъ, коего были они начальниками, былъ имъ почти совсѣмъ подчиненъ; когда Пелопониcскiй союзъ, состояв-

шїй изъ независимыхъ народовъ, могъ ежеминутно расторгнуться. Но Периклъ умеръ, и мѣсто его заступилъ Клеонъ.

Клеонъ былъ человѣкъ незнатной породы, безъ истиннаго дарованія, но тщеславенъ, дерзокъ, вспыльчивъ, а за сіе самое былъ любимъ отъ народа. Онъ привязалъ его къ себѣ своею щедростію и удерживалъ его, внушая ему великую мысль о могуществѣ Аѳинъ, и совершенное презрѣніе къ могуществу Лакедемона; онъ то собралъ нѣкогда друзей своихъ и объявилъ имъ, что готовясь управлять государственными дѣлами, долженъ отрещись отъ связей, которыя можетъ быть побудили бы его къ какой либо несправедливости. При семъ томъ былъ онъ человѣкъ самый корыстолюбивый и несправедливый.

Честные граждапе противополагали ему Никіа, единаго изъ первыхъ и богатѣйшихъ гражданъ Аѳинскихъ, повелѣвавшаго воинствами, и приобрѣтшаго многія преимущества. Онъ привлекалъ народъ празднествами и щедростію; но поелику онъ не полагался ни на самаго себя, ни на происшествія, и что успѣхи содѣлывали его еще боязливѣе, то хотя и получилъ онъ

почтенïе, однакожъ никогда не имѣлъ совершенной довѣренности. Разумъ говорилъ хладно его устами, когда народъ требовалъ сильныхъ движенïй души, которыя Клеонъ умѣлъ возбуждать произношенïемъ, крикомъ своимъ и неистовыми тѣлодвиженïями.

Нечаяннымъ образомъ удалось ему такое предпрïятïе, на которое Никïй не хотѣлъ отважиться: съ сего времени Аѳиняне, издѣвавшïеся надъ собственнымъ своимъ выборомъ, предались его совѣтамъ съ большею довѣренностïю. Они отвергли мирныя непрïятелей своихъ предложенïя, и сдѣлали его начальникомъ войскъ, посланныхъ во Ѳракïю для остановленïя успѣховъ Врасида, искуснѣйшаго полководца Лакедемонскаго. Здѣсь навлекъ онъ на себя презрѣнïе обоихъ воинствъ; и, приближась неосторожно къ непрïятелю, допустилъ на себя напасть, первый обратился въ бѣгство, и лишился жизни.

По смерти его Никïй не находя болѣе препятствïя къ миру, вступилъ въ переговоры, изъ которыхъ воспослѣдовалъ союзъ
Въ 421 году до Р. Х. наступательный и оборонительный, долженствовавшïй на 50 лѣтъ тѣсно соединять Аѳинянъ и Лакедемонянъ. Симъ договоромъ

дошли они паки до того же положенія, въ какомъ находились въ началѣ войны. Между тѣмъ прошло болѣе десяти лѣтъ, и оба народа безполезно себя ослабили.

Наконецъ они льстилися вкушать сладости покоя; но союзъ ихъ былъ поводомъ къ новымъ заговорамъ и къ новыхъ несогласіямъ. Многіе изъ союзниковъ Лакедемонскихъ жаловались, что не были помѣщены въ томъ договорѣ, и для того соединясь съ Аргіанами, дотолѣ никоторой стороны не державшимися, сдѣлались непріятелями Лакедемонянамъ. Съ другой стороны Аѳиняне и Лакедемоняне обвиняли другъ друга неисполненіемъ договорныхъ статей: отъ того происходили вражды и непріятельскія дѣйствія. Между тѣмъ не прежде дошло у нихъ до явнаго разрыва, какъ послѣ шести лѣтъ и десяти мѣсяцовъ; причина къ тому была весьма маловажна, и можно бы было легко оную отвратить, естьли бы не нужна была война для возвышенія Алкивіада.

Въ 414 году до Р. Х.

Алкивіадъ

Нѣкоторые дѣеписатели посрамили память сего Аѳинянина; другіе превознесли

оную похвалами, такъ что не можно ни тѣхъ ни другихъ обвинить въ несправедливости или въ пристрастіи. Кажется, что природа покушалась соединить въ немъ все, что можетъ она произвести сильнѣйшаго въ порокахъ и добродѣтеляхъ. Мы разсмотримъ его здѣсь въ разсужденіи государства, паденіе котораго онъ ускорилъ; и далѣе, въ его отношеніяхъ къ обществу, которое онъ совершенно развратилъ.

Знаменитое происхожденіе, великое богатство, сановитый видъ, пріятности прельщающія, разумъ быстрый и обширный, наконецъ честь, что былъ родственникомъ Периклу; вотъ преимущества, которыя сперва Аѳинянъ ослѣпляли, и коими онъ самъ первый ослѣпился.

Въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ потребно только снизхожденіе и совѣты, имѣлъ онъ ужедворъ и ласкателей. Онъ удивлялъ учителей своихъ великою способностію своею къ наукамъ, и Аѳинянъ необузданностію своего поведенія. Сократъ, благовременно предвидѣвшій, что сей отрокъ будетъ опаснѣйшимъ гражданиномъ Аѳинъ, ежели онъ не сдѣлается полезнѣйшимъ, искалъ его дружбы, получилъ ее усильнымъ ста-

ранїемъ, и не потерялъ ея никогда. Онъ предпрїялъ умѣрять то тщеславїе, которое не могло терпѣть въ свѣтѣ ни вышшаго надъ собою, ни равнаго себѣ; и столь велико было при сихъ случаяхъ могущество разума или добродѣтели, что ученикъ плакалъ о своихъ заблужденїяхъ, и терпѣливо укрощать себя попускалъ.

Когда вступалъ онъ въ поприще почестей, то желалъ въ успѣхахъ своихъ менѣе обязаннымъ быть сїянїю великолѣпїя своего и щедростямъ, нежели прелестямъ краснорѣчїя своего; онъ явился на ораторскомъ мѣстѣ. Малый недостатокъ въ произношенїи придавалъ рѣчамъ его неухищренныя прїятности дѣтства; и хотя останавливался онъ иногда для изысканїя свойственнаго слова, однакожъ почитаемъ былъ однимъ изъ величайшихъ Аѳинскихъ ораторовъ. Онъ показалъ уже опыты храбрости своей; и по первымъ его походамъ предвѣщали, что нѣкогда будетъ онъ искуснѣйшимъ полководцемъ въ Грецїи. Я не буду говорить о его кротости, о его ласковости, ни о многихъ другихъ свойствахъ, совокупно стекшихся, чтобъ содѣлать его любезнѣйшимъ человѣкомъ.

Не надлежало искать в сердцѣ его величія, которое производит добродѣтель, но находили в нем отважность, которую дает природная склонность к преимуществу. Никакая препона, никакое несчастіе не могло его привесть в ужас или уныніе. Он по видимому был убѣжден, что когда души нѣкотораго степени не производят всего, ими желаемаго; то происходит сіе от того, что онѣ не предпринимают всего им возможнаго. Когда обстоятельства принуждали его служить непріятелям отечества своего, то столько же было ему легко пріобрѣсть довѣренность их своим преимуществом, как и управлять ими мудростію своих совѣтов. Он имѣл сіе особенным дарованіем, что благопріятствуемую им сторону всегда дѣлал торжествующею, и что многочисленные его военные подвиги не были никогда помрачены никаким несчастіем.

В переговорах употреблял он то проворливость и глубокомысліе; то лукавство и вѣроломство, которых никогда государственныя причины оправдать не могут; иногда же гибкость своего свойства, которое нужда властвовать, или желаніе нра-

вишься легко приноравливали къ обстоятельствамъ. Онъ приобрѣлъ къ себѣ уваженїе у всѣхъ народовъ, и управлялъ всеобщимъ мнѣнїемъ. Лакедемоняне удивлялись его воздержности; Ѳракїяне его неумѣренности; Вїотїяне охотѣ его къ сильнѣйшимъ тѣлодвиженїямъ; Їоняне, склонности его къ лѣности и роскоши; Асїйскїе намѣстники пышному великолѣпїю, въ которомъ они съ нимъ равняться не могли. Онъ былъ бы человѣкъ наидобродѣтельнѣйшїй, если бы никогда не имѣлъ предъ собою примѣровъ порока; впрочемъ порокъ влекъ его за собою, не порабощая его. Кажется, что поруганїе законовъ и поврежденїе нравовъ не иное что было въ глазахъ его, какъ слѣдствїе побѣдъ надъ нравами и законами одержанныхъ. Можно бы было еще сказать, что погрѣшности его состояли только въ заблужденїяхъ его тщеславїя. Легкомыслїе, своевольство, безразсудность, происходившїя отъ его юности или праздности, изчезали въ случаяхъ, требовавшихъ размышленїя и твердости. Тогда совокуплялъ онъ мудрость съ дѣятельностїю; и увеселенїя не похищали у него ниединой минуты, которою обязанъ былъ славѣ своей, или своимъ выгодамъ.

Тщеславіе его рано или поздно превратилось бы во властолюбіе; ибо необходимо надлежало, чтобъ человѣкъ столь много прочихъ превосходившій, и толико терзаемый желаніемъ господствовать, не требовалъ наконецъ повиновенія, истощивъ къ себѣ удивленіе. Посему во всю жизнь свою былъ онъ подозрителенъ знатнымъ гражданамъ, поелику нѣкоторые опасались его дарованій, прочіе его распутствъ; и народъ, который безъ него обойтися не могъ, обожалъ, боялся и ненавидѣлъ его; а поелику чувствованія, коихъ былъ онъ предметомъ, содѣлались сильными страстями, то Аѳиняне съ изступленіями радости или бѣшенства, возвысили его въ чины, осудили его на смерть, призвали обратно, и паки его изгнали.

Нѣкогда бывъ на ораторскомъ мѣстѣ изторгъ онъ народное одобреніе, и возвращаясь въ свой домъ, провожаемъ былъ всемъ собраніемъ, то Тимонъ, прозванный нелюдимомъ, встрѣтившись съ нимъ, и пожавъ ему руку, сказалъ: *Дерзай мое чадо, продолжай тако возвышаться, тебѣ обязанъ буду я погибелію Аѳинъ.*

ВЪ другое время чернь, упоенная восторгомЪ, предлагала возстановить вЪ угодность его царское достоинство; а поелику быть только царемЪ было бы для него недовольно, то приличествовало ему не Аѳинское малое владѣніе, но обширная Имперія, которая привела бы его вЪ состояніе завоевать другія государства.

Яко рожденный вЪ республикѣ долженствовалЪ онЪ вознести оную превыше ея самой, прежде поверженія ея кЪ стопамЪ своимЪ. Сіе то есть, безЪ сомнѣнія, таинство блистательныхЪ предпріятій, вЪ которыя вовлекЪ онЪ АѳинянЪ. СЪ ихЪ воинами покорилЪ бы онЪ народы; и Аѳиняне пришли бы вЪ порабощеніе, не примѣтивЪ того сами.

Первая народная кЪ нему немилость, удержавЪ его почти при началѣ его поприща, явила только ту истинну, что умЪ и замыслы его были слишкомЪ обширны для блага его отечества. Говорили тогда, что Греція не могла терпѣть двухЪ АлкивіадовЪ; надлежитЪ кЪ сему присовокупить, что для АѳинЪ и одинЪ былЪ лишній. ОнЪ то былЪ причиною, что воспріята была война противЪ Сициліи.

* * *

Война Аѳинянъ въ Сицилїи.

Съ нѣкотораго времени помышляли Аѳиняне о завоеванїи сего богатаго и сильнаго острова. Честолюбїе ихъ, обузданное Перикломъ, подкрѣпляемо было сильно Алкивїадомъ. Каждую нощь лестныя сновидѣнїя напоминали ему безпредѣльную славу, которая его увѣнчаетъ. Сицилїя долженствовала быть позорищемъ первыхъ его подвиговъ: онъ покорялъ потомъ Африку, Италїю и Пелопонисъ, ежедневно бесѣдовалъ онъ о великихъ своихъ намѣренїяхъ съ пылкимъ юношествомъ, которое по стопамъ его слѣдовало и волею коего онъ управлялъ.

Въ самое сїе время, Сицилїйскїй городъ Эгестъ, который почиталъ себя утѣсненнымъ отъ городовъ Селинонта и Сиракузъ, просилъ помощи у Аѳинянъ, съ которыми былъ онъ въ союзѣ; онъ предлагалъ вознаградить ихъ убытки, и представлялъ, что, ежели не остановятъ успѣховъ Сиракузянъ, то сей народъ не укоснитъ соединить войска свои съ войсками Лакедемонскими. Республика отправила пословъ своихъ въ Сицилїю, которые по возвращенїи своемъ учинили невѣрное о состоянїи дѣлъ донесенїе. Походъ былъ воспрїятъ;

и полководцами назначены Алкивїадъ, Никїй и Ламахъ. Аѳиняне столько ласкали себя благополучными успѣхами, что Сенатъ напередъ уже располагалъ судьбою разныхъ Сицилїйскихъ народовъ.

Однако просвѣщенные граждане тѣмъ паче сего страшились, что прочїе имѣли тогда только слабое понятїе о великости, силѣ и богатствѣ сего острова. Не взирая на законъ, запрещающїй вторично разсматривать всѣми государственными чинами рѣшенное дѣло, Никїй представлялъ собранїю, что, поелику республика не могла еще окончить распрей своихъ съ Лакедемонянами, нынѣшнїй миръ есть только перемирїе; что настоящїе ихъ непрїятели находятся въ Пелопонисѣ; что сїи ожидаютъ только вступленїя войска, дабы напасть на Аттику; что ссоры между Сицилїйскими городами не касаются до Аѳинянъ; что сїе совершенно есть крайнее безумїе, чтобъ жертвовать благомъ государства тщеславїю или выгодамъ юноши, жадно ищущаго блистать великолѣпїемъ своимъ предъ воинствомъ; что такїе граждане до основанїя раззоряютъ только государство, раззоряя самихъ себя; что имъ столь же мало приличествуетъ совѣтовать о такихъ важныхъ предпрїятїяхъ, сколько и исполнять оныя.

,, Я взираю съ ужасомъ, присовокупилъ ,,къ сему Никїй, на сїе мночисленное окружающее его юношество, коего голосами ,,онъ управляетъ. Почтенные старцы, ,,прошу вашего согласїя именемъ отечества; ,,а вы градоправители созовите паки народъ ,,къ объявленїю мнѣнїй; и ежели законы ваши ,,сїе запрещаютъ, то помыслите, что первый ,,законъ есть спасать отечество.,,

Алкивїадъ представилъ на сїе: что Аѳиняне защищенїемъ притѣсненныхъ народовъ достигли до высочайшей степени славы и величества; что имъ не позволяется предаваться спокойствїю, могущему весьма ослабить храбрость войскъ; что они нѣкогда порабошятся сами, если не будутъ нынѣ порабощать другихъ; что многїе города Сицилїи населены только варварами, или иноплеменными, которые не чувствуютъ славы своего отечества, и всегда готовы перемѣнять своихъ повелителей; что прочїе, будучи удручены своими раздорами, ожидаютъ только прибытїя флота, дабы предаться Аѳинянамъ; что завоеванїе сего острова облегчитъ имъ завоеванїе всей Грецїи; что при малѣйшемъ несчастномъ случаѣ найдутъ они убѣжище въ корабляхъ своихъ; что единая слава сего по-

хода приведетъ Лакедемонянъ въ изумленіе; и ежели бы сей народъ отважился учинить нашествіе на Аттику, то оное такъ же было бы неудачно, какъ и прежнее.

Что касается до личныхъ его укоризнъ, то отвѣчалъ онъ, что великолѣпіе его до сего дня служило только къ тому, чтобы подать народамъ Греціи высокое понятіе о могуществѣ Аѳинянъ, а ему самому доставить столько важности, чтобъ онъ могъ цѣлые народы отвлекать отъ союза Пелопонисскаго.,, Сверхъ ,,сего, говорилъ онъ, когда опредѣлено мнѣ ,,раздѣлять начальство надъ воинствами съ ,,Никіемъ, то ежели моя младость и временемъ непристойные поступки мои произво- ,,дятъ въ васъ нѣкоторое безпокойство, можете вы надежны быть на счастіе, кото- ,,рое всегда увѣнчавало свои предпріятія.,,

Сей отвѣтъ воспалилъ Аѳинянъ новымъ жаромъ. Первое намѣреніе ихъ было послать въ Сицилію только 60 галеръ. Никій, дабы отклонить ихъ отъ сего искуснымъ образомъ, предложилъ, что кромѣ флота потребно сухопутное воинство, и представилъ ихъ взору страшное изображеніе приуготовленій, издержекъ и числа войскъ, потребныхъ для сего похода. Тогда нѣкто возо-

пилЪ изЪ среды собранія,, Никій! оставь всѣ „сіи околичности; изъяснись прямо о числѣ „воиновЪ и кораблей, которые тебѣ потре- „бны?„ Никій отвѣчалЪ, что онЪ посовѣтует о томЪ сЪ прочими военачальниками, и собраніе уполномочило ихЪ располагать всѣми силами республики.

Все находилось вЪ готовности, когда донесено было на Алкивіада, что онЪ сЪ нѣкоторыми товарищами вЪ своихЪ распутствахЪ во время нощи исказилЪ истуканы Меркуріевы, поставленные вЪ разныхЪ мѣстахЪ города, и что по выходѣ изЪ вечери представлялЪ страшныя таинства Элевсинскія. НародЪ, который простилЪ бы ему все во всякомЪ другомЪ случаѣ, дышалЪ тогда яростію и мщеніемЪ. АлкивіадЪ, сЪ начала возмущеніемЪ устрашенный, и вскорѣ паки успокоенный благопріятными кЪ нему расположеніями воинства и флота, является предЪ собраніе, истребляетЪ подозрѣнія на него возведенныя и требуетЪ смерти, если наказанія достоинЪ; удовлетворенія отличнаго, если не виноватЪ. Враги его настоятЪ, чтобы судЪ отложенЪ былЪ до его возвращенія, и принуждаютЪ его отправиться неоправдан-

нымъ отъ обвиненія, держащаго мечъ надъ его главою вознесенный.

Общее сборное мѣсто какъ для Аѳинянъ такъ и союзниковъ ихъ было въ Корцирѣ. Оттуда вышелъ флотъ, составленный почти изъ 300 кораблей, и прибылъ въ Регіумъ лежащій на краю Италіи. На флотѣ было 5000 человѣкъ тяжело вооруженныхъ войскъ, между которыми находились отборные воины Аѳинскіе. Къ симъ присовокуплено 480 стрѣлковъ, 700 пращниковъ, нѣсколько другихъ легкихъ войскъ и небольшее число конныхъ. Въ лѣто 415 до Р. Х.

Полководцы не требовали большихъ силъ: Никій не помышлялъ о завоеваніи Сициліи; Алкивіадъ думалъ, что для покоренія ея довольно посѣять въ ней несогласіе. Оба обнаружили намѣренія свои въ первомъ совѣтѣ, держанномъ прежде открытія дѣйствій. Данные имъ наказы предписывали располагать вообще дѣлами Сициліи выгоднѣйшимъ образомъ въ пользу республики, особливо же повелѣвалось имъ защищать Эгестенянъ противъ Селинонтянъ; и буде позволятъ обстоятельства, то принудить Сиракузянъ, чтобъ возвратили Леонтинянамъ владѣнія, которыя у нихъ были отняты.

Никїй держался точно сего опредѣленїя, и хотѣлъ, по исполненїи онаго, отвести флотъ обратно въ Пирей. Алкивїадъ утверждалъ, что столь великїя вооруженїя со стороны Аѳинянъ должно ознаменовать великими предпрїятїями, и для того надлежитъ отправить посланниковъ въ главные города Сицилїи, чтобъ возмутить ихъ противъ Сиракузянъ, получить отъ нихъ съѣстные припасы и войска; и по обстоятельствамъ сихъ различныхъ переговоровъ, рѣшиться или осадить Селиноншу или Сиракузы. Ламахъ, третїй военачальникъ предлагалъ немедлѣнно идти къ сему послѣднему городу, чтобъ воспользоваться изумленїемъ, которое распространило въономъ пришествїе Аѳинянъ. Въ близи къ Сиракузамъ лежащая пристань Мегара могла вмѣщать флотъ ихъ, а побѣда произвела бы перемѣну въ Сицилїи.

Успѣхъ оправдалъ бы, можетъ быть, Ламахово мнѣнїе. Сиракузяне не взяли никакой осторожности противъ несчастїя имъ угрожающаго. Трудно было имъ увѣриться въ такомъ неблагоразумїи Аѳинянъ, чтобы они помышляли о завоеванїи токого города, каковъ Сиракузы.„ Они должны почитать себя „счастливыми, вопїялъ одинъ изъ ихъ ора-

„торовъ, что намъ никогда еще не вздума-
„лось поработить ихъ законамъ нашимъ.„

А какъ сiе предложенiе не было принято прочими двумя полководцами, то Ламахъ рѣшился послѣдовать мнѣнiю Алкивiада. Между тѣмъ, когда сей послѣднiй нечаяннымъ нападенiемъ бралъ Катану, когда Наксосъ отворялъ ему врата свои, когда хитрости его открывали ему путь въ Мессину, и какъ надежда его начинала исполняться; тогда изъ Пирея отправлена была галера, которая долженствовала привезти его въ Аѳины. Непрiятели его преодолѣли, и требовали къ отвѣту на то обвиненiе, изслѣдованiе котораго было отложено. Не дерзали взять его подъ стражу, опасаясь возмущенiя воиновъ и отступленiя союзныхъ войскъ, которыя, большею частiю, по его прозбѣ пришли въ Сицилiю. Сперва предпринималъ онъ ѣхать, чтобъ посрамить своихъ доносителей; но когда прибылъ въ Турiумъ, то размысливъ о неправосудiи Аѳинянъ, обманулъ бдительность провожатыхъ и удалился въ Пелопонисъ.

Удаленiе его произвело унынiе въ воинствѣ. Никiй, который не страшился ничего, когда надлежало исполнять, а боялся всего,

когда надлежало предпринимать, попускалЪ утухать вЪ спокойствіи или вЪ легкихЪ завоеваніяхЪ тотЪ жарЪ, который воспалилЪ АлкивіадЪ вЪ сердцахЪ воиновЪ. Однако увидѣлЪ онЪ то время, когда блистательнѣйшій успѣхЪ долженствовалЪ оправдать предпріятіе, коего слѣдствій онЪ всегда боялся: наконецЪ рѣшился онЪ осадить Сиракузы, и сію осаду велЪ сЪ такимЪ благоразуміемЪ, что жители располагались сдаться. Многіе народы Сицилійскіе и Италійскіе приставали ужè кЪ его сторонѣ, какЪ полковецЪ Лакедемонскій, по имени ГилиппЪ, вошелЪ вЪ осажденный городЪ сЪ нѣкоторымЪ числомЪ войскЪ, приведенныхЪ изЪ Пелопониса, или набранныхЪ вЪ Сициліи. Никій хотя бы и могЪ воспрепятствовать ему пристать кЪ сему острову, однако пренебрегЪ сію осторожность, и сія незагладимая погрѣшность была источникомЪ всѣхЪ его несчастій. ГилиппЪ возбудилЪ паки бодрость СиракузянЪ, разбилЪ АѳинянЪ и держалЪ ихЪ запертыми вЪ ихЪ окопахЪ.

Аѳины отправили, подЪ повелительствомЪ Димосѳена и Эвримедона, новый флотЪ, состоявшій изЪ 73 галерЪ; и второе воинство изЪ 5000 человѣкЪ тяжело вооруженныхЪ, и нѣкотораго

числа легкихъ войскъ. Димосѳенъ потерялъ при нападенiи на одно важное мѣсто 2000 человѣкъ; онъ разсудилъ, что вскоръ по морю плавать будетъ не можно, и что войска истребляются отъ болѣзней, того ради предположилъ оставить предпрiятiе, или перевезти воинство въ мѣста здоровѣйшiя. Когда уже готовились отправиться въ море, то Никiй будучи устрашенъ луннымъ затмѣнiемъ, распространившимъ ужасъ въ станъ, вопросилъ прорицателей, которые повелѣли ему ждать еще 27 дней.

До истеченiя сихъ дней Аѳиняне, побѣжденные на сушѣ и на морѣ, не могши болѣе оставаться подъ стѣнами Сиракузъ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, ниже́ выдти изъ пристани, которую Сиракузяне заградили, приняли наконецъ намѣренiе оставить свой станъ, больныхъ, корабли, и удалиться сухимъ путемъ въ какой нибудь Сицилiйскiй городъ: такимъ образомъ выступили они въ походъ въ 40,000 человѣкъ, включая въ то число не токмо присланныя къ нимъ войска отъ народовъ Сицилiи и Италiи, но и гребцовъ галерныхъ, рабочихъ людей и невольниковъ.

Между тѣмъ Сиракузяне занимаютъ тѣ-

сные пути горъ и переправы рѣкъ; раззоряютъ мосты, располагаются на высотахъ, и разставляютъ разные по равнинамъ отряды конницы и легкихъ войскъ.

Аѳиняне, тревожимые и при каждомъ шагѣ удерживаемые, безпрестанно подвергаются стрѣламъ непріятеля, котораго вездѣ находятъ, но нигдѣ улучить не могутъ: они ободряемы были примѣромъ полководцевъ своихъ и увѣщаніями Никіа, который, не взирая на изнуреніе, причиненное ему продолжительною болѣзнію, показывалъ мужество, всякую опасность превышающее. Цѣлые восемь дней долженствовали они бороться съ препятствіями, всегда возраждающимися. Но Димосѳенъ, повелѣвавшій заднимъ отрядомъ, изъ 6000 состоящимъ, сбился съ пути, загнанъ былъ въ узкое мѣсто, и по оказаніи чудесной храбрости, отдался въ плѣнъ съ такимъ договоромъ, чтобъ дарована была жизнь воинамъ его, и избавлены они были отъ ужаснаго заключенія въ темницы.

Никій, не могши получить успѣха въ начатомъ переговорѣ, препроводилъ остатокъ воинства до рѣки Азинара. Дошедши до сего мѣста, большая часть воиновъ, мучимыхъ по-

жирающею жаждою, мечутся въ безпорядкѣ въ рѣку; другїе свергаются въ оную непрїятелемъ; желающїе спастися плаванїемъ находятъ на другой сторонѣ берега утесистые и стрѣлками уставленные, которые ужасное содѣлываютъ кровопролитїе. Восемь тысячъ человѣкъ погибло въ семъ сраженїи, и Никїй обратясь къ Гилиппу сказалъ:,, дѣлай со ,,мною, что хощешь, только спаси по крайней мѣрѣ сихъ несчастныхъ воиновъ.,, Гилиппъ тотчасъ повелѣлъ прекратить убїйство.

Сиракузяне возвратились въ Сиракузы съ 7000 плѣнниковъ, которые ввержены въ каменоломни, гдѣ претерпѣвали многїе мѣсяцы мученїя неизрѣченныя: многїе изъ нихъ тамъ погибли, прочїе же проданы были яко невольники. Еще большее число плѣнниковъ сдѣлалось добычею чиновниковъ и воиновъ; всѣ скончали жизнь свою въ оковахъ, исключая нѣкоторыхъ Аѳинянъ, обязанныхъ свободою своею сочиненїямъ Эврипида, которыя едва были тогда въ Сицилїи извѣстны, и изъ которыхъ пересказывали они наилучшїя мѣста своимъ господамъ. Никїй и Димосѳенъ были казнены смертїю, колико Гилиппъ о спасенїи жизни ихъ ни употреблялъ старанїя.

Аѳины, обремененныя толь неожидаемымъ несчастіемъ, предвидѣли вящшія еще бѣдствія. Союзники готовы были свергнуть съ себя ихъ иго; прочіе народы дѣлали заговоръ на ихъ пагубу. Пелопонисцы мнили уже имѣть право, по примѣру Аѳинъ, разорвать перемиріе. Въ ихъ дѣйствіяхъ, лучше распоряженныхъ, видны были духъ отмщенія и превосходный умъ, ими управлявшій. Алкивіадъ имѣлъ въ Лакедемонѣ довѣренность, которую вездѣ приобрѣталъ. По его совѣтамъ Лакедемоняне рѣшились послать помощь къ Сиракузянамъ, чтобъ возобновить набѣги свои на Аттику и укрѣпить за 120 стадій отъ Аѳинъ мѣстечко Дикилію, державшее сей городъ съ сухаго пути въ осадѣ.

Для уничтоженія могущества Аѳинъ, надлежало пособствовать возмущенію союзниковъ ихъ и истребить морскую ихъ силу. Алкивіадъ отправляется на брега малой Асіи. Хіо, Милетъ и другіе процвѣтающіе города приемлютъ сторону Лакедемонянъ. Онъ снискиваетъ приятностями своими дружбу Тиссаферна, правителя Сардовъ; и царь Персидскій обязывается содержать своимъ иждивеніемъ флотъ Пелопонисскій.

Сія вторая война, съ большимъ устрой-

ствомЪ производимая, нежели первая, вскорѣ бы кончилась, если бы АлкивіадЪ, гонимый Лакедемонскимъ царемЪ АгисомЪ, котораго супругу онЪ обольстилЪ, и другими начальниками союзныхЪ городовЪ, завидовавшихЪ славѣ его, не позналЪ наконецЪ, что послѣ содѣяннаго отечеству своему мщенія, не остается ему ничего болѣе, какЪ сохранить оное отЪ явной погибели. ВЪ семЪ намѣреніи, остановилЪ онЪ напряженія Тиссаферновы и вспоможеніе Персидское, подЪ предлогомЪ, что для великаго царя полезнѣе оставить Греческіе народы, чтобЪ они другЪ друга взаимно обезсиливали.

Когда вскорѣ послѣ того Аѳиняне уничтожили опредѣленіе о его изгнаніи, то АлкивіадЪ воспріявЪ надЪ ними начальство, покоряетЪ крѣпости Геллеспонтскія, принуждаетЪ одного изЪ правителей царя Персидскаго подписать договорЪ полезный АѳинянамЪ, а ЛакедемонЪ просить у нихЪ мира. Сія прозьба была отринута потому, что почитая себя впредь непобѣдимыми подЪ предводительствомЪ Алкивіада, Аѳиняне скоропостижно перешли изЪ глубочайшаго страха кЪ дерзновеннѣшей кичливости. Вмѣсто ненависти, которою пылали они противЪ сего полководца, заступила столь-

же скоро безмѣрная къ нему благодарность и необузданнѣйшая любовь.

Когда возвратился онъ въ отечество свое, то прибытіе его, пребываніе его, и употребленное имъ стараніе оправдаться въ своемъ поступкѣ, были для него непрестаннымъ торжествомъ и празднествомъ для народа. Когда при восклицаніяхъ всего города, видѣли его отъѣзжающаго изъ Пирея съ флотомъ, во 100 корабляхъ состоящимъ, то не сомнѣвались болѣе, что быстрота его подвиговъ вскорѣ принудитъ Пелопониссkіе народы подвергнуться закону побѣдителя; каждую минуту ожидали гонца съ извѣстіемъ о истребленіи непріятельскаго воинства и о завоеваніи Іоніи.

Среди сихъ лестныхъ упованій получено извѣстіе, что 15 галеръ Аѳинскихъ достались во власть Лакедемонянъ. Сраженіе происходило въ отсутствіе и въ противность точныхъ повелѣній Алкивіада, котораго необходимость собирать подати на содержаніе войска принудила отлучиться въ Іонію. По первомъ возвѣщеніи о семъ уронѣ, возвратился онъ, и пошелъ сразиться съ побѣдителемъ, который не осмѣлился вступить въ бой. Такимъ образомъ возставилъ онъ честь Аѳинъ;

потеря была малозначуща, но довольно велика для зависти его враговъ. Они огорчили противъ него народъ, который съ такимъ же жаромъ лишилъ его опять главнаго начальства надъ воинствами, съ какимъ ему вручилъ оное.

Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ всегда на морѣ, и окончана сраженіемъ при Эгосъ Потамосѣ, на которомъ Пелопонисцы одержали побѣду въ проливѣ Геллеспонтскомъ. Спартанецъ Лисандръ, ими повелѣвавшій, напалъ нечаянно на флотъ Аѳинскій, состоявшій изо 180 кораблей, овладѣлъ онымъ, и взялъ въ плѣнъ 3000 человѣкъ. 405 года до Р. Х.

Алкивіадъ, который по удаленіи своемъ жилъ въ ближайшей оттуда странѣ, предувѣдомлялъ Афинскихъ полководцевъ о опасномъ ихъ положеніи, и о худомъ наблюденіи военнаго порядка между воинами и корабельными служителями. Однако они презрили совѣты человѣка, въ немилость пришедшаго.

Взятіе Аѳинъ.

Потеря сраженія привлекла потерю города Аѳинъ, который по осадѣ, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшейся, сдался по недостат- Въ концѣ Апрѣля 404 года до Р. Х.

ку съѣстныхъ припасовъ. Многія изъ союзныхъ державъ предложили истребить его. Лакедемонъ, внемля болѣе своей славѣ, нежели своей выгодѣ, отрекся ввергнуть въ оковы такой народъ, который оказалъ Греціи столь великія услуги; онъ повелѣлъ Аѳинянамъ не токмо раззорить укрѣпленія Пирея, равно какъ и длинную стѣну, соединяющую пристань съ городомъ, да и отдать себѣ галеры, выключая двѣнадцати; возвратить изгнанныхъ; вывесть войска свои изъ тѣхъ городовъ, которыми они овладѣли; сдѣлать союзъ наступательный и оборонительный съ Лакедемонянами, и слѣдовать за ними на морѣ и на сухомъ пути, какъ скоро получитъ отъ нихъ о томъ повелѣніе. Стѣны были раззорены при звукѣ мусикійскихъ орудій, акибы Греція возвратила себѣ свободу; и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ потомъ, побѣдитель позволилъ народу избрать тридцать градоначальниковъ, которые долженствовали учредить иный образъ правленія, и которые наконецъ сами себѣ верховную власть присвоили.

Лѣтомъ 404 года до Р. Х.

Сперва поступали они строго противу множества доносчиковъ, ненавистныхъ для честныхъ людей; потомъ противъ своихъ частныхъ непріятелей; вскорѣ послѣ сего,

противъ тѣхъ, которыхъ богатство заграбить себѣ желали. Войска Лакедемонскія, полученныя ими отъ Лисандра, 3000 гражданъ приобщенныхъ ими для утвержденія своей власти, явно покровительствовали ихъ несправедливостямъ. Обезоруженный народъ низверженъ сталъ вдругъ въ крайнее рабство. Ссылка, оковы, смерть были участію тѣхъ, кои возставали противу тиранства, или которые казались въ молчаніи своемъ оное осуждающими. Оно продолжалося только восемь мѣсяцевъ; но въ сіе краткое время болѣе 1500 гражданъ позорно умерщвлены и лишены погребательныхъ почестей; большая часть оставили городъ, гдѣ жертва и свидѣтели угнѣтенія не дерзали приносить жалобы; ибо надлежало, чтобъ горесть была безмолвною, а сожалѣніе казалось бы равнодушнымъ.

Единаго Сократа не поколебали ни мало беззаконія тогдашнихъ временъ; онъ отважился утѣшать страждущихъ, и противиться повелѣніямъ тиранновъ. Но не его добродѣтель тревожила ихъ; они страшились болѣе великаго ума Алкивіада, за поступками коего весьма тщательно наблюдали.

Онъ находился тогда въ одномъ Фри-

тїйскомъ мѣстечкѣ, въ намѣстничествѣ Фарнабаза, отъ котораго получилъ онъ знаки отличія и дружбы. Узнавъ, что младшїй Киръ набиралъ войска въ малой Асїи, заключилъ изъ того, что сей царевичъ умышлялъ воевать противъ брата своего Артаксеркса; сего ради предпрїялъ онъ отправиться къ царю Персидскому, увѣдомить его о угрожающей опасности, и получить отъ него помощь для освобожденїя своего отечества: но незапно посланные отъ сатрапа убїйцы окружаютъ его домъ, и не имѣя дерзновенїя на него напасть, зажигаютъ оный. Алкивїадъ имѣя въ рукѣ мечъ, бросается сквозь пламень; прогоняетъ варваровъ и падаетъ мертвъ подъ тучею стрѣлъ. Тогда было ему 40 лѣтъ. Смерть его есть вѣчное пятно для Лакедемона, если то правда, что градоначальники съ Аѳинскими тираннами одинакїй страхъ чувствовали, и преклонили Фарнабаза къ исполненїю сего гнуснаго злодѣйства. Но другїе увѣряютъ, что онъ самъ себя и по особеннымъ причинамъ подвергъ оной смерти.

Слава спасенїя Аѳинъ предоставлена была Ѳразивулу. Сей великодушный гражданинъ, по достоинству своему первенствуя надъ удалившимися изъ отечества, и не внимая предложенїямъ тиранновъ, хотѣвшихъ избрать его

сообщникомъ своея власти, овладѣлъ Пиреемъ, и воззвалъ народъ къ свободѣ. Нѣкоторые изъ тиранновъ погибли съ оружїемъ въ рукахъ, другїе осуждены были на смерть. Всеобщее прощенїе соединило обѣ стороны и возстановило спокойствїе въ Аѳинахъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Аѳины свергли Лакедемонское иго, возстановили паки народоправленїе (демократїю) и приступили къ мирному договору съ Артаксерксомъ заключенному Спартанцемъ Анталкидомъ. По сему договору, который обстоятельства сдѣлали необходимымъ, Греческія поселенія въ малой Асїи, и нѣкоторые сосѣдственные острова, уступлены были Персїи; прочїе народы возвратили паки свои законы и свою независимость; но они остались въ слабомъ состоянїи, изъ котораго можетъ быть никогда уже не выдутъ. Такимъ образомъ кончились распри, произведшїя войну Мидїйскую и Пелопонисскую.

Въ 387 году до Р. Х.

Историческїй опытъ, мною предложенный, оканчивается взятїемъ Аѳинъ. Въ описанїи моего путешествїя упомяну я о главныхъ происшествїяхъ, случившихся послѣ сей Эпохи до отъѣзда моего изъ Скиѳїи. Теперь отва-

жусь я сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія о вѣкѣ Перикловомъ.

Разсужденія о вѣкѣ Перикловомъ.

При началѣ Пелопониской войны долженствовали Аѳиняне чрезвычайно удивляться, что они столь непохожими на своихъ предковъ содѣлались. Всѣ законы, постановленія, правила и примѣры, кои въ прошедшіе вѣки для соблюденія добрыхъ нравовъ утверждены были, все то, въ нѣкоторые годы разрушено и уничтожено было. Никогда еще не было доказательства сильнѣе сего, что великіе успѣхи толикоже гибельны для побѣдителей, сколько и для побѣжденныхъ.

Въ 387 году до Р. Х.

Я показалъ выше, какія погубныя дѣйствія произвели надъ Аѳинянами ихъ завоеванія, и цвѣтущее состояніе морской ихъ силы и торговли. Вдругъ распространились владѣнія республики, и въ нѣдра ея внесены добычи союзныхъ и покоренныхъ народовъ; отъ сего возрасли постепенно успѣхи раззорительной роскоши, и ненасытное желаніе къ празднествамъ и зрѣлищамъ. Какъ правительство предавалось изступленію гордости, почитавшей все себѣ позволеннымъ, для того что она могла на все дерзать; то по примѣру его, частные

люди свергали съ себя всякое принужденіе, предписуемое природою и обществомъ.

Вскоръ достоинство получало одно только почтеніе, величайшее же уваженіе предоставлялось только человъку многомощному; всъ страсти стремились къ личной пользъ; и всъ источники развращенія разлились обильно по государству. Любовь, которая прежде облекалась покровомъ брака и стыдливости, пылала явно пламенемъ беззаконнымъ. Прелестницы размножились въ Аттикъ и во всей Греціи. Онъ пріъзжали изъ Іоніи, изъ сей прекрасной страны, въ которой искуство любострастія получило свое произхожденіе. Однъ привлекали къ себъ многихъ обожателей, которыхъ всъхъ любили онъ безъ предпочтенія, а обожатели любили ихъ безъ соперничества; другія, довольствуясь единою побъдою, снискали наружнымъ благоповеденіемъ уваженіе и похвалы сего народа, который вмънялъ имъ въ достоинство то, что онъ върны въ своихъ обязательствахъ. Периклъ, свидътель сего злоупотребленія, и не помышлялъ о истребленіи онаго. Чъмъ строже былъ онъ въ своихъ нравахъ, тъмъ болъе старался развратить нравы Аѳинянъ, ко-

торыхъ разслаблялъ онъ непрерывною перемѣною игрѣ и празднествѣ.

Славная Аспасія, рожденная въ Милетѣ Іонійскомъ городѣ, пособствовала намѣреніямъ Перикла, коего была она прежде любовницею, а потомъ супругою. Она имѣла надъ нимъ такую власть, что обвиняли ее неоднократнымъ возбужденіемъ войны для отмщенія за личныя свои обиды. Она отважилась учредить общество прелестницъ, пріятности и ласки коихъ долженствовали привязывать младыхъ Аѳинянъ къ выгодамъ основательницы онаго. За нѣсколько лѣтъ прежде и единая мысль о такомъ предпріятіи возмутила бы весь городъ; но нынѣ исполненіе онаго произвело только нѣкоторое роптаніе. Комическіе стихотворцы нещадно ругали Аспасію; но она не взирая на то, имѣла въ домѣ своемъ лучшую бесѣду въ Аѳинахъ.

Периклъ дозволялъ вольное обхожденіе; Аспасія распространила; Алкивіадъ сдѣлалъ оное пріятнымъ. Жизнь его посрамлена была всякими распутствами, но оныя сопровождались столь многими блистательными свойствами, и столь часто смѣшивались съ дѣяніями благородными, что блюстители народнаго

благочинія не доумѣвали, что имъ дѣлать. Сверхъ того, какъ можно сопротивляться прелестямъ такаго яда, который, казалось, сами граціи раздѣляли? какъ осуждать человѣка, въ которомъ не было никакого недостатка, чтобъ умѣть нравиться, и который не упускалъ ничего для прельщенія другихъ; который первый осуждалъ самъ себя, который исправлялъ малѣйшія огорченія столь усердною услужливостію; и казалось, что онъ меньше имѣлъ намѣренія дѣлать погрѣшности, нежели пропускать случаи къ онымъ. По сей то причинѣ привыкли поставлять оныя въ число тѣхъ забавъ, или тѣхъ шалостей; которыя изчезаютъ съ пылкостію лѣтъ. И какъ снисхожденіе къ пороку есть злоумышленіе противъ добродѣтели; то и послѣдовало, что выключая малаго числа гражданъ, прилѣпленныхъ къ древнимъ правиламъ; весь народъ, соблазняемый прельщеніями Алкивіада, сдѣлался сообщникомъ его заблужденій; и часто ихъ извиняя, началъ защищать.

Молодые Аѳиняне непрестанно взирали на сей опасный образецъ; и не умѣя подражать красотамъ, мнили къ оному приближиться, перенимая, и наипаче превышая его пороки. Они сдѣлались вѣтреными, потому что

онъ былъ легкомысленъ; наглыми, потому что онъ былъ смѣлъ; пренебрегателями законовъ, потому что онъ пренебрегалъ нравы. Нѣкоторые, не столь богатые какъ онъ, но столь же расточительные, тщеславились пышностію, которая подвергла ихъ посмѣянію, и раззорила ихъ семейства; они предали сіи распутства своимъ потомкамъ, и вліяніе Алкивіада существовало долгое время послѣ его смерти.

Нѣкто благоразумный дѣеписатель примѣчаетъ, что война производитъ перемѣну во нравахъ народа и дѣлаетъ оные суровѣе, по мѣрѣ золъ ими переносимыхъ. Пелопонисская война была столь продолжительна, и Аѳиняне столько претерпѣли бѣдствій, что свойство ихъ измѣнилось ощутительно. Мщеніе ихъ не удовлетворялось, ежели оно не превосходило обиды. Неоднократно присуждали они на смерть островитянъ, кои отступали отъ ихъ союза; неоднократно ихъ полководцы предавали ужаснымъ мученіямъ плѣнниковъ, въ руки ихъ попадавшихся. И такъ не помнили уже они древняго установленія, по которому Греки торжествовали радостными пѣснями побѣды надъ варварами

одержанныя; слезами и рыданїемъ, преимущества приобрѣтенныя надъ прочими Греками.

Писатель, мною упоминаемый, замѣчаетъ еще, что въ теченїе сея бѣдственныя войны такая произошла превратность въ мысляхъ и правилахъ, что слова самыя извѣстныя приняли другое знаменованїе. Чистосердечїе назвали глупостїю, двоедушїе проворствомъ, благоразумїе и умѣренность слабостїю и малодушїемъ; напротивъ того наглыя и насильственныя дѣянїя почитались подвигами души твердыя и пламеннымъ усердїемъ ко всеобщему благу. Такое замѣшательство въ языкѣ есть можетъ быть одинъ изъ ужаснѣйшихъ признаковъ развращенїя народныхъ нравовъ. Въ другїя времена хотя и повреждается добродѣтель; однакожъ предписывать ей предѣлы, значитъ признавать еще ея власть; но когда лишаютъ ее даже и имени ея, то низвергается она со престола, порокъ на оный восходитъ, и возсѣдаетъ на немъ спокойно.

Сїи столь убїйственныя брани, которыя надлежало Грекамъ выдержать, истребили великое число семействъ, привыкшихъ издревлѣ сопрягать славу свою со славою отечества. Чужестранцы и новыя семейства,

мѣста ихъ заступившія, вдругъ склонили вѣсы власти къ сторонѣ народа. Слѣдующій примѣръ покажетъ, до какой крайности довелъ онъ дерзость свою. При концѣ Пелопониссхія войны, нѣкоторый лирщикъ, бывшій прежде рабомъ, потомъ чрезъ пронырства свои сдѣлавшійся гражданиномъ, и за его щедрость обожаемый чернію, представъ въ народное собраніе съ сѣкирою въ рукѣ, угрожалъ нагло оною каждому, кто первый подастъ голосъ о мирѣ. Нѣсколько лѣтъ послѣ, Аѳины взяты были Лакедемонянами, и не умедлили покориться оружію царя Македонскаго.

Такая долженствовала быть судьба, на нравахъ основаннаго государства, и любомудрцы, вникающіе въ причины великихъ произшествій, сказали, что каждый вѣкъ нѣкоторымъ образомъ носитъ въ нѣдрѣ своемъ вѣкъ за нимъ слѣдующій. Сіе смѣлое уподобленіе содержитъ въ себѣ важную истинну, которую подтверждаетъ бытописаніе Аѳинское. Вѣкъ законовъ и добродѣтелей предуготовлялъ вѣкъ храбрости и славы. Сей послѣдній произвелъ вѣкъ завоеваній и роскоши, который кончился съ разрушеніемъ республики.

Отвратимъ нынѣ взоры наши отъ сихъ оскорбительныхъ явленій, дабы устремить ихъ на предметы пріятнѣйшіе и привлекательнѣйшіе. Предъ началомъ Пелопонисскія войны, природа усугубила силы свои, и вдругъ произвела множество мужей, украшенныхъ отличными дарованіями во всѣхъ родахъ. Многіе изъ нихъ были Аѳиняне; но большее еще число оныхъ приходило въ сей городъ, для снисканія его одобренія.

Не упоминая о Горгіѣ, Парменидѣ, Протагорѣ и многихъ другихъ краснорѣчивыхъ хитрословахъ, (софистахъ), которые разсѣвая сомнѣнія свои въ обществѣ, размножили въ немъ разныя понятія; Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ блистали на позорищѣ, бывъ окружены соперниками, славу ихъ раздѣлявшими. Звѣздозаконникъ Метонъ вычислялъ движенія небесъ, и полагалъ предѣлы году; витіи Антифонъ, Андокидъ, Лисій отличали себя въ разныхъ родахъ краснорѣчія; Ѳукидидъ, поражаемый еще радостными рукоплесканіями произведенными въ честь Иродоту, когда читалъ онъ свое бытописаніе Аѳинянамъ, готовился заслужить подобную почесть. Сократъ предавалъ высокое ученіе своимъ ученикамъ, изъ которыхъ многіе

основали училища; искусные полководцы доставляли оружїю республики славныя побѣды и великолѣпнѣйшїя зданїя воздвигаемы были по начертанїямъ ученѣйшихъ зодчихъ; кисть Полигнота, Паррасїя и Зевксиса, ваяло Фидїя и Алкамена украшали наперерывъ храмы, крытые переходы и народныя площади. Всѣ сїи великїе мужи, всѣ тѣ, кои славились въ прочихъ округахъ Грецїи, возраждались въ питомцахъ, достойныхъ заступить ихъ мѣсто; и легко можно было усмотрѣть, что развращеннѣйшїй вѣкъ скоро содѣлается вѣкомъ просвѣщеннѣйшимъ.

Итакъ, когда угрожаемы были разные народы сея страны потерянїемъ владычества на моряхъ и на сухомъ пути, трудилася миролюбивая степень гражданъ утвердить навсегда владычество ума; они сооружали въ честь народа своего храмъ, коего основанїе положено было уже въ минувшемъ вѣкѣ, и который долженствовалъ сопротивляться силѣ будущихъ вѣковъ. Науки ежедневно славились новыми открытїями, а художества новыми успѣхами. Хотя стихотворство не умножило своего блеска, однако сохраняя оный, употребляло его преимущественно къ

украшенію трагедіи и комедіи, которыя вдругъ приведены были къ своему совершенству. Бытописаніе, законамъ сужденія подвергнутое, отвергало чудесности, разыскивало событія и содѣлывалось сильнымъ поученіемъ, каковое сообщалось минувшимъ временемъ будущему времени. По мѣрѣ того, какъ зданіе возвышалось, видимы были вдали поля необработанныя, и еще такія, которыя ожидали лучшаго воздѣланія. Правила умословія (логики) и витійства, отвлеченности метафизики, и нравоученіе объяснены были въ сочиненіяхъ, въ которыхъ съ правильностью расположенія, сопряжена была точность мыслей и красивость слога.

Греція одолжена сими преимуществами отъ части вліянію любомудрія, которое произошло изъ мрачности своей послѣ побѣдъ надъ Персами. Явился Зенонъ, и Аѳиняне упражнялись въ тонкостяхъ Элейскаго училища. Анаксагоръ принесъ имъ познаніе изъ Ѳалесова училища; и нѣкоторые были удостовѣрены, что солнечныя и лунныя затмѣнія, чудовища, и всѣ другія отступленія природы, не должны почитаться чудесами; однако они принуждены были говорить о семъ между собою въ тайнѣ; ибо народъ, привыкшій при-

знавать нѣкоторыя явленія предвозвѣщеніями небесными, возставалъ противъ любомудрцевъ, желавшихъ исторгнуть у него изъ рукъ сію вѣтвь суевѣрія. Бывъ гонимы, изгнаны, познали они, что истинна, дабы между людьми быть терпимою, не должна являться откровенною, но вкрадываться тайно вкупѣ съ заблужденіемъ.

Художества, не находя себѣ въ предразсудкахъ народныхъ противоборства, вдругъ возвысились. Храмъ Юпитеровъ, начатый при Пизистратѣ, храмъ Ѳисеевъ, сооруженный при Кимонѣ, представляли зодчимъ образцы подражанія достойные; но живописи и истуканы, которыя тогда существовали, доставляли живописцамъ и ваятелямъ только опыты, требующіе усовершенствованія.

За нѣсколько лѣтъ до войны Пелопониской Паненій, братъ Фидіевъ, написалъ красками въ одномъ крытомъ переходѣ Аѳинскомъ, сраженіе Мараѳонское, и удивленіе зрителей было чрезвычайное, когда узнавали въ сихъ живописяхъ предводителей обоихъ воинствъ. Онъ превзошелъ своихъ предшественниковъ, но почти тогдаже самъ помраченъ былъ Полигнотомъ Ѳазскимъ, Аполло-

доромъ Аѳинскимъ, Зевксисомъ Ираклійскимъ и Паррасіемъ Ефесскимъ.

Полигнотъ былъ первый, который далъ разныя перемѣны лицу, и удалился отъ сухаго и рабскаго вкуса своихъ предшественниковъ; онъ первый также украсилъ виды женщинъ, и облекъ ихъ одеждою, блестящею и легкою. Лица его носятъ напечатлѣніе нравственной красоты, коея воображеніе глубоко начертано было въ душѣ его. Не должно порицать Полигнота, что степень его красокъ не имѣла довольной многоразличности; сей недостатокъ былъ въ самомъ художествѣ, которое, такъ сказать, тогда только раждалось.

Аполлодоръ имѣлъ для сей части всѣ пособія, которыхъ Полигноту не доставало; онъ распорядилъ удачное смѣшеніе тѣней и свѣта. Зевксисъ скоро усовершенствовалъ сіе открытіе; и Аполлодоръ, желая основать свою славу, возвысилъ славу соперника своего; онъ говоритъ въ одномъ изданномъ своемъ стихотворномъ сочиненіи: „Я нашелъ, „для разпредѣленія тѣней таинства, кото„рыя до нащихъ временъ были не извѣстны. „У меня оныя похитили. Сіе искуство нахо„дится теперь въ рукахъ Зевксиса.„

Сей послѣднїй наблюдалъ природу также тщательно, какъ и оканчивалъ свои работы; онѣ блистаютъ красотами; въ изображенїи Пенелопы, кажется, представилъ онъ довольно живо нравы и свойство сея царицы; но, вообще, менѣе успѣлъ онъ въ сей части, нежели Полигнотъ.

Зевксисъ ускорилъ успѣхи художества изящностїю своихъ красокъ; Паррасїй, соперникъ его, чистотою черты, и правильностїю рисунка. Онъ имѣлъ знанїе въ размѣрахъ. Размѣры, которые далъ онъ богамъ и ироямъ, казались столь приличными, что художники безъ сомнѣнїя приняли оные, и приписали ему имя законодателя. Другїя его преимущества долженствовали возбудить ихъ удивленїе: онъ въ первый разъ написалъ головы съ весьма выразительными чертами лицъ, съ устами прїятностїю украшенными, и съ власами легко выработанными.

За сими двумя художниками слѣдовали: Тиманѳъ, котораго работы болѣе даютъ доразумѣвать, нежели что онѣ выражаютъ, изъявляютъ великаго художника, а еще болѣе мужа разумнаго; Памфилъ, который прiобрѣлъ достоинствомъ своимъ толикое почтенїе, что во многихъ Греческихъ городахъ

завелъ училища рисовальныя, которыя запрещены были рабамъ; Евфраноръ, который, всегда самъ себѣ равенъ, отличился во всѣхъ частяхъ живописи. Я зналъ нѣкоторыхъ изъ сихъ художниковъ, и свѣдалъ послѣ, что одинъ воспитанникъ, котораго видѣлъ я у Памфила, и который называется Апеллесомъ, всѣхъ ихъ превзошелъ.

Успѣхи ваяльнаго художества не менѣе были удивительны, какъ и живописи. Для доказательства сего, довольно особливо упомянуть имена Фидїя, Поликлета, Алкамена, Скопа, Праксителя. Первый жилъ во время Перикла: съ послѣднимъ имѣлъ я обхожденїе. Итакъ, въ теченїе менѣе одного вѣка, достигло сїе художество до такой степени преизящности, что древнїе ваятели стыдилися бы нынѣ своихъ произведенїй и своей славы.

Ежели къ симъ разнымъ временамъ, въ кои отличались дарованїя, присовокупимъ времена прошедшїя, начиная отъ Перикла до Ѳалеса, древнѣйшаго Греческаго любомудрца, то найдемъ, что разумъ человѣческїй больше приобрѣлъ во время 200 лѣтъ, нежели въ продолжительное теченїе минувшихъ вѣковъ. Какая могущественная рука впечатлѣ-

да ему вдругъ, и сохранила въ немъ донесь движенїе столь обильное и столь быстрое?

Я думаю, что отъ времени до времени, даже можетъ быть въ каждомъ поколѣнїи, природа разсыпаетъ по землѣ извѣстное число дарованїй, которыя остаются погребенными, когда ничто не вспомоществуетъ къ открытїю ихъ, и которыя аки отъ глубокаго сна возбуждаются, какъ скоро одно изъ нихъ открываетъ нечаянно новое поприще. Первыя дарованїя вступающїя въ сїе поприще, раздѣляютъ между собою, такъ сказать, области сего новаго царства; преемники ихъ имѣютъ достоинство воздѣлывать оныя, и предписываютъ имъ законы. Но какъ просвѣщенїе разума, такъ и предпрїятїя завоевателей и путешественниковъ имѣютъ свои предѣлы, то великїя открытїя содѣлываютъ безсмертными тѣхъ, которые произвели оныя и тѣхъ, которые оныя усовершенствовали; въ послѣдствїи, люди отличныхъ дарованїй не имѣя тѣхъ пособїй, не имѣютъ и тѣхъ успѣховъ, и почти остаются въ числѣ людей обыкновенныхъ.

Къ сей общей причинѣ надлежитъ присовокупить многія особыя. Въ началѣ великой перемѣны, о которой я говорю, любомудрецъ Ферекидъ Сироскій, бытописатели Кадмъ и Экатей Милетскій, ввели въ свои писмена употребленіе прозы, болѣе способной, нежели стихотворство, къ сообщенію мыслей. Около того же времени, Ѳалесъ, Пиѳагоръ и другіе Греки принесли изъ Египта и нѣкоторыхъ восточныхъ странъ познанія, которыя предали они своимъ ученикамъ. Между тѣмъ, какъ оныя распространялись въ тишинѣ въ училищахъ, учрежденныхъ въ Сициліи, Италіи и на брегахъ Асіи, все споспѣшествовало къ открытію художествъ.

Художества, зависящія отъ воображенія, особенно опредѣлены у Грековъ ко украшенію празднествъ и храмовъ, также къ прославленію знаменитыхъ подвиговъ народовъ, и именъ побѣдителей на торжественныхъ играхъ Греціи. Художества яко раздаватели славы, въ которой сами участвуютъ, нашли, въ послѣдовавшіе годы послѣ Персидской войны, болѣе случаевъ къ своему упражненію, нежели прежде.

Грецїя, наслаждавшаяся нѣсколько времени благополучїемъ, которое умножило ея могущество, предана была раздорамъ, которые произвели чрезвычайную дѣятельность во всѣхъ умахъ. Видѣли въ одно и тоже время въ нѣдрахъ ея размножающїяся брани и побѣды, богатства и пышность, художниковъ и памятники. Празднества содѣлались блистательнѣе, зрѣлища обыкновеннѣе: храмы наполнились живописью, а окрестности Делоѳ и Олимпїи истуканами. При малѣйшемъ успѣхѣ, благочестїе, или паче тщеславїе народное, платило дань досужеству, которое сверхъ того установленїемъ къ пользѣ художествъ возбуждалось. Надлежало ли украсить площадь, народное зданїе? многїе художники трудились надъ тѣмъ же предметомъ; они выставляли свои работы или чертежи, и преимущество отдавалось тому, который получалъ большее число голосовъ народа. Таковыя торжественныя совмѣстничества въ пользу живописи и мусикїи учреждены были въ Делѳахъ, Коринѳѣ, Аѳинахъ и въ другихъ мѣстахъ. Города Грецїи, знавшїе только соперничество въ оружїи, познали оное и въ дарованїяхъ; большая часть изъ нихъ возпрїяли отъ сего новый видъ, по примѣру Аѳинъ, ко-

торые всѣхъ ихъ въ великолѣпіи превзошли.

Периклъ, желая занять народъ, который въ праздномъ времени былъ начальникамъ страшенъ, предпріялъ посвятить на украшеніе города большую часть податей, которыя платили союзники для продолженія войны Персидской, и которыя сохраняемы были дотолѣ въ замкѣ. Онъ представилъ, ежели богатства будутъ въ обращеніи, то доставятъ народу изобиліе въ настоящемъ времени, и безсмертную славу въ будущемъ. Тотчасъ домы рукодѣлій и художествъ, народныя площади наполнились множествомъ ремесленниковъ и работниковъ, трудами которыхъ управляли знающіе художники по рисункамъ Фидія. Сіи работы, которыхъ не осмѣлилось бы предпріять великое государство, и для окончанія которыхъ, казалось, потребно было долгое время, совершены были малою республикою, въ нѣсколько лѣтъ, подъ управленіемъ единаго человѣка, такъ что столь удивительная поспѣшность не вредила ни мало красотѣ ихъ или прочности. Онѣ стоили около 3000 талантовъ.

Во время сихъ работъ, непріятели Перикловы упрекали его, что расточаетъ доходы

государственные.,, Развѣ думаете вы, сказалъ ,,онъ нѣкогда въ общемъ собранiи, что из- ,,держки велики? Слишкомъ велики, отвѣчали ,,ему.—Хорошо, продолжалъ онъ, они будутъ ,,производиться все на мой счетъ; и я надпи- ,,шу мое имя на сихъ памятникахъ. -- Нѣтъ ,,нѣтъ! закричалъ народъ; пусть они сози- ,,даются на иждивенiе казны; и не щади ни- ,,чего для окончанiя ихъ.,,

Вкусъ художествъ начиналъ входить между малымъ числомъ гражданъ; вкусъ живописей и истукановъ, у богачей. Народъ судитъ о силѣ государства по великолѣпiю, которое оно оказываетъ. Отъ сего произошло почтенiе къ художникамъ, отличавшимся удачною смѣлостiю. Нѣкоторые изъ нихъ работали безмездно для республики, и имъ назначены были почести; другiе обогащались, либо обучая учениковъ или требуя платы отъ тѣхъ, которые приходили къ нимъ удивляться искуснѣйшимъ ихъ рукотворенiямъ. Нѣкоторые, возгордясь общимъ одобренiемъ, находили награду себѣ еще лестнѣйшую въ чувствованiи своего превосходства, и въ томъ почитанiи, которое сами они воздавали собственнымъ своимъ дарованiямъ: они не стыдились надписывать

на своихъ живописныхъ изображенїяхъ,, легче будешъ объ нихъ судишь, нежели имъ подражашь.,, Зевксисъ приобрѣлъ себѣ шакое великое богашство, что, къ концу своей жизни, дарилъ свои живописныя изображенїя, подъ шакимъ видомъ, что никшо не въ состоянїи плашишь за нихъ. Паррасїй шакъ много о себѣ мнилъ, что почишалъ себя произшедшимъ отъ боговъ. Ко упоенїю ихъ гордости, присовокуплялось упоенїе народнаго удивленїя.

Хотя въ словесныхъ наукахъ ранѣе упражняться начали, и съ шакимъ же успѣхомъ, какъ и въ художествахъ; однако можно ушверждашь, что они, исключая стихотворства, получили менѣе одобренїя у Грековъ. Они оказывали уваженїе къ краснорѣчїю и бытописанїю, потому что первое необходимо для разбирашельства ихъ выгодъ, а вторoе для ихъ тщеславїя: но прочїя вѣтьви словесности одолжены своимъ распространенїемъ болѣе поспѣшествующему мѣстоположенїю, нежели покровительству правленїя. Во многихъ городахъ находятся на содержанїи народномъ училища борцовъ: но нигдѣ нѣтъ прочныхъ заведенїй для упражненїй разума. Съ нѣкотораго только врмени, что ученїе Ариѳме-

тики и Геометріи составляетъ часть воспитанія, и начинаютъ люди не пугаться познаній естественныя науки.

При Периклѣ, любомудрственныя изслѣдованія запрещены были строго у Аѳинянъ, и между тѣмъ какъ прорицатели иногда съ нѣкоторымъ отличіемъ принимаемы были въ Пританеѣ, любомудрцы едва осмѣливались открывать свои ученія вѣрнымъ ученикамъ. Не лучше поступали съ ними и прочіе народы. Повсюду, яко предметы ненависти или презрѣнія, не иначе избѣгали отъ люшости изувѣрства, какъ сокрывая истинну отъ зависти, произвольною или принужденною нищетою. Будучи болѣе терпимы нынѣ, находятся они въ толь строгомъ надзорѣ, что при малѣйшей вольности ихъ, любомудріе подверглось бы прежнимъ оскорбленіямъ.

Изъ ихъ разсужденій можно заключить: 1е, что Греки всегда болѣе почитали дарованія къ ихъ увеселеніямъ служащія, нежели споспѣшествующія къ ихъ просвѣщенію; 2е, что причины болѣе естественныя, нежели нравственныя, дѣйствовали надъ успѣхами словесныхъ наукъ; но нравственныя болѣе, нежели естественныя, надъ успѣхами художествъ; 3е, что Аѳиняне не имѣютъ права

приписывать себѣ начáла, или по меньшей мѣрѣ усовершенствованія художествъ и наукъ. Тщетно льстятся они открыть прочимъ народамъ блистательные пути къ безсмертію; природа, кажется, въ раздаваніи своихъ даровъ, не отличила ихъ отъ прочихъ Грековъ; они выдумали драмматическій родъ; они имѣли славныхъ витій, двухъ или трехъ бытописателей, весьма малое число искусныхъ живописцевъ, ваятелей и зодчихъ; но, почти во всѣхъ родахъ, прочая Греція можетъ имъ противопоставить множество славныхъ именъ. Я даже не знаю, столько ли Аттическая страна благопріятна произведеніямъ ума, сколько Іоническая и Сицилійская.

Городъ Аѳины есть не столько отечество, какъ обиталище дарованій. Богатство его приводитъ въ состояніе употреблять ихъ; а просвѣщеніе его ихъ цѣнить; блескъ его празднествъ, кротость законовъ, число и обходительное свойство жителей, довольнымъ бы могли быть побужденіемъ къ удержанію въ нѣдрахъ его людей жаждущихъ славы, и которымъ надобно имѣть зрѣлище, соперниковъ и судей.

Периклъ привлекалъ ихъ къ себѣ великою своею знатностію; Аспасія прелестями своего обхожденія, оба благоразумнымъ почитаніемъ. Не можно Аспасію ни съ кѣмъ сравнить, какъ только съ нею самою. Греки менѣе удивлялись ея красотѣ, нежели ея краснорѣчію, глубокому проницанію и пріятностямъ ея разума. Сократъ, Алкивіадъ, славнѣйшіе ученые и художники, Аѳиняне и Аѳинянки любезнѣйшія собирались къ сей отмѣнной женѣ, разговаривающей съ каждымъ его языкомъ, и привлекавшей на себя взоры всѣхъ.

Сіе общество было образцемъ тѣхъ, которыя послѣ составлялись. Любовь къ наукамъ, художествамъ и забавамъ, которая сближаетъ людей и смѣшиваетъ состоянія, заставила почувствовать достоинство удачнаго выбора въ выраженіяхъ и въ обращеніяхъ. Тѣ, которые получили отъ природы даръ нравиться, желали дѣйствительно нравиться; и сіе желаніе присовокупило новыя пріятности дарованію. Вскорѣ отличилось обхожденіе хорошей бесѣды. Поелику оное основано частію на произвольныхъ пристойностяхъ, и предполагаетъ тонкость и спокойствіе ума; то долгое время оно очища-

лось, и никогда не могло проникнуть во всѣ состоянія. Наконецъ, учтивость, бывшая сперва выраженіемъ почтенія, содѣлалась не примѣтно выраженіемъ притворства.

Каждый тщился оказывать другимъ услуги, чтобъ получить отъ нихъ себѣ бо́льшія, и щадить ихъ самолюбіе, чтобъ не подвергнуть безпокойствію свое собственное.

КОНЕЦЪ ВВЕДЕНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I.

О нарѣчіяхъ или діалектахъ, которыя употреблялъ Омиръ. стран. 77.

Омиръ употребляетъ часто разныя нарѣчія Греческія, въ чемъ его много и обвиняютъ. Сїе, говорятъ они, есть тоже самое, если бы какой писатель въ сочиненїи своемъ употреблялъ нарѣчїя разныхъ областей своего отечества. Упреканїе кажется весьма основательно. Но какъ вообразить себѣ, что бы Омиръ, имѣя разумъ самый гибкїй и плодовитый, позволилъ себѣ такія вольности, на которыя не отважился бы самый послѣднїй стихотворецъ, и осмѣлился къ составленїю своихъ стиховъ употребить языкъ странный, и удобный къ произведенїю отвращенія не токмо въ потомствѣ, но даже въ самый его вѣкъ, сколько бы ни почитали оный невѣжественнымъ? Итакъ естественнѣе можно думать, что онъ употреблялъ языкъ обыкновенный тому времени.

У древнихъ народовъ Грецїи, тѣже буквы издавали звуки то болѣе или менѣе острыя, то болѣе или менѣе отверзстыя, тѣ же слова имѣли разныя окончанія буквъ, и перемѣнялись различнымъ образомъ. Сїи были, безъ сомнѣнія неправильности, но довольно обыкновенныя въ дѣтствѣ языковъ, и которыя могли удержаны быть между Греками долгое время отъ частыхъ переселенїй народовъ. Когда сїи поселенцы на-

всегда утвердились на мѣстѣ, то извѣстные образы выражать свои мысли содѣлались нѣкоторымъ округамъ собственными; и тогда то раздѣлился языкъ на нарѣчія, въ которыхъ могли еще быть подраздѣленія. Частыя перемѣненія словъ, являющїяся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего языка, заставляютъ заключать, что самое тоже случилось и съ языкомъ Греческимъ.

Къ сей общей причинѣ можно прибавить еще одну, относительную къ той странѣ, въ которой писалъ Омиръ. Поселенїе Іонїйское, которое за два вѣка до сего стихотворца утвердилось на брегахъ малой Асїи, подъ предводительствомъ Нелея, сына Кодрова, состояло большею частїю изъ Іонянъ Пелопонисскихъ; но къ нимъ присовокупились также жители Ѳивъ, Фокиды и нѣкоторыхъ другихъ странъ Грецїи.

Я думаю, что изъ взаимнаго смѣшенїя ихъ языковъ съ языками Эолянъ и другихъ Греческихъ поселенїй, съ Іонїею сосѣдственныхъ, составился сей языкъ, который употреблялъ Омиръ. Но, въ послѣдствїи по причинѣ постепенныхъ перемѣнъ, каковымъ подвержены бываютъ всѣ языки, нѣкоторыя нарѣчїя ограничены были въ извѣстныхъ городахъ, приняли свойства болѣе отличительныя, и удержали по крайней мѣрѣ различїя, древнее смѣшенїе доказывавшїя. Въ самомъ дѣлѣ Иродотъ, который 400 лѣтъ жилъ послѣ Омира, признаетъ четыре подраздѣленїя въ нарѣчїи, которымъ говорили вЪІонїи.

ПРИМѢЧАНІЕ II.

О Эпименидѣ. стран. *97.*

Все касающееся до Эпименида покрыто мракомъ. Нѣкоторые древніе писатели утверждаютъ, что онъ пришелъ въ Аѳины около 600 году до Р. Хр. Единый Платонъ опредѣляетъ время сего путешествія въ 500 году до сей же Эры. Сіе затрудненіе мучило новѣйшихъ разыскателей. Они сказали, что подлинникъ Платоновыхъ сочененій испорченъ; но кажется, что сіе неправда. Они же сказали, что надлежитъ полагать двухъ Эпименидовъ; и сіе предположеніе не имѣетъ вѣроятности. Наконецъ, по нѣкоторымъ древнимъ писателямъ, полагающимъ, что Эпименидъ жилъ 154, 157 и 299 лѣтъ, не убоялись сказать, что онъ два раза путешествовалъ въ Аѳины, во первыхъ, будучи 40 лѣтъ; а потомъ имѣя 150 лѣтъ. Конечно возможно, что сіе сугубое путешествіе быть могло; но еще возможнѣе, что Платонъ обманулся. Впрочемъ можно справиться о семъ съ Фабриціемъ.

ПРИМѢЧАНІЕ III.

О власти отцовской въ Аѳинахъ. стран. *115.*

Когда видимъ, что Солонъ отнялъ у отцовъ власть продавать своихъ дѣтей, какъ то бывало прежде; то трудно увѣриться, чтобъ онъ при-

своилъ имъ власть убивать ихъ, какъ то утверждали древніе писатели, послѣ сего законодателя бывшіе. Я полагаюсь лучше на свидѣтельство Діонисія Аликарнасскаго, который въ Римскихъ своихъ древностяхъ замѣчаетъ, что по законамъ Солона, Питтака и Харонда, Греки позволяли только отцамъ лишать наслѣдства своихъ дѣтей, или изгонять ихъ изъ своихъ домовъ, но не могли они налагать на нихъ наказанія тягчайшія. Ежели Греки распространили послѣ отцовскую власть болѣе, то надобно думать, что они почерпнули сію мысль изъ законовъ Римскихъ.

ПРИМѢЧАНІЕ IV.

О пѣсни Армодія и Аристогитона. стран. *141*.

Аѳиней соблюлъ намъ одну изъ пѣсней, сочиненныхъ въ честь Армодія и Аристогитона, которая есть слѣдующаго содержанія:

,, Я буду носить мечъ мой прикрытый мир-
,, товыми листвіями, подобно какъ Армодій и
,, Аристогитонъ, когда убили они тиранна и осно-
,, вали въ Аѳинахъ равенство законовъ.

,, Любезный Армодій! ты еще не умеръ: вѣ-
,, щаютъ, что ты обитаешь на островахъ бла-
,, женныхъ, гдѣ пребываютъ быстротечный
,, Ахиллъ и Діомидъ, сей храбрый сынъ Тидеевъ.

,, Я буду носить мечъ мой прикрытый мир-
,, товыми листвіями, подобно какъ Армодій и
,, Аристогитонъ, когда они убили тиранна Иппар-
,, ха во время Панаѳинеевъ.

,, Да будетъ слава ваша вѣчною, любезный ,, Армодїй, любезный Аристогитонъ; поелику ,, убили вы тиранна и основали въ Аѳинахъ ра- ,, венство законовъ. ,,

ПРИМѢЧАНІЕ V.

О сокровищахъ царей Персидскихъ. стран. 159.

Видно изъ того, что сказано въ подлинникѣ, по чему Александръ нашелъ столь великое множество собранныхъ денегъ въ сокровищахъ Персеполя, Сузы, Пасагарды, и проч: Однако не знаю я, должно ли полагаться на Юстина, когда онъ говоритъ, что Александръ, по завоеванїи Персїи, получалъ ежегодно отъ новыхъ своихъ подданныхъ по 300,000 талантовъ: что составляетъ около 1620 миллїоновъ Французской монеты.

ПРИМѢЧАНІЕ VI.

О судовыхъ мостахъ, наведенныхъ чрезъ Эллеспонтъ, по повелѣнїю Ксеркса. стран. 186.

Сїи два моста начинались у Авида, и кончились не много ниже Сеста. Въ новѣйшія времена найдено, что сей переѣздъ самый узкїй во всемъ проливѣ, не ширѣ $37\frac{1}{2}$ тоазовъ. А какъ мосты длиною были только въ 7 стадїй, то Г. Данвиль изъ того заключилъ, что сїи стадїи содержали въ себѣ только 51 тоазъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VII.

О числѣ войскъ Греческихъ, которыми повелѣвалъ Леонидъ при Ѳермопилахъ. стр. 201.

Здѣсь представляется читателю изчисленіе Иродотово, книга 7. глава 202; Павзаніево, книга 10, глава 20, страница 845; Діодорово, книга 11, стр. 4.

Изчисленіе

Иродотово		Павзаніево		Діодорово	
		войскъ Пелопонисскихъ.			
Спартанцовъ	- 300	Спартанц:	300	Спартанц.	300
Тегеатянъ	- 500	Тегеатянъ	500	Лакедемон.	700
Мантинеянъ	- 500	Мантинея:	500		
Орхоменянъ	- 120	Орхоменян:	120		
Аркадянъ	- 1000	Аркадянъ	1000		
Коринѳянъ	- 400	Коринѳянъ	400	другихъ народовъ Пелопонисскихъ	
Флїонтїянъ	- 200	Флїонтїянъ	200		
Микенїянъ	- 80	Микенїянъ	80		3000
Всѣхъ	- 3100	Всѣхъ	3100	Всѣхъ	4000
Другихъ		Народовъ		Греческихъ.	
Ѳеспїянъ.	- 700	Ѳеспїянъ	- 700	Милесїянъ	1000
Ѳивянъ	- 400	Ѳивянъ	- 400	Ѳивянъ	- 400
Фокїянъ	- 1000	Фокїянъ	- 1000	Фокїянъ	- 1000
Локрїянъ - Опонтїянъ		Локрїянъ	- 6000	Локрїянъ	1000
Всѣхъ	5200	Всѣхъ	11200	Всѣхъ	7400

Итакъ, по изчисленїю Иродотову, Пелопонисскїе города доставили 3100 воиновъ, Ѳеспїяне 700, Ѳивяне 400, Фокїяне 1000, всѣхъ 5200, не считая Локрїянъ - Опонтїянъ, которые шли особымъ отдѣленїемъ.

Павзаній, въ изчисленіи другихъ народовъ, слѣдуетъ изчисленію Иродотову, и заключаетъ, что Локріянъ было числомъ 6000, что и составляетъ всѣхъ 11200 человѣкъ.

По сказанію Діодора, Леонидъ выступилъ къ Ѳермопиламъ съ 4000 человѣкъ, между которыми находилось 300 Спартанцовъ и 700 Лакедемонянъ. Къ сему присовокупляетъ онъ, что сіе полчище вскорѣ подкрѣплено было 1000 Милесіянъ, 400 Ѳивянъ, 1000 Локріянъ, и почти равнымъ числомъ Фокіянъ; всѣхъ было 7400 человѣкъ. Съ другой стороны, Юстинъ и прочіе писатели сказуютъ, что Леонидъ имѣлъ только 4000 человѣкъ.

Таковыя сомнѣнія изчезли бы можетъ быть, если бы мы имѣли всѣ тѣ надписи, которыя вырѣзаны были послѣ сраженія на пяти столпахъ, поставленныхъ въ Ѳермопилахъ. Мы имѣемъ еще надпись прорицателя Мигистія, но она никакого не подаетъ свѣдѣнія. Прочія посвящены были воинамъ разныхъ народовъ. Въ надписи Спартанянъ сказано, что было ихъ 300, въ другой упомянуто, что 4000 воиновъ Пелопонисскихъ сражались противъ 3,000, 000 Персовъ. О надписи Локріянъ упоминаетъ Страбонъ: но не сообщаетъ оной. Число ихъ воиновъ должно въ ней находиться. Мы не имѣемъ послѣдней, которая безъ сомнѣнія была для Ѳеспіянъ; ибо не могла она касаться ни до Фокіянъ не сражавшихся, ни до Ѳивянъ перешедшихъ на сторону Ксерксову, когда воздвигались сіи памятники.

Слѣдующія разсужденія послужатъ къ согласованію помянутыхъ изчисленій.

1е. Ясно, что Юстинъ держался единственно по-

ставленной надписи въ честь народовъ Пелопонисскихъ, когда далъ Леониду только 4000 человѣкъ.

2е. Иродотъ не означаетъ числа Локріянъ. Только по нѣкоторой догадкѣ Павзаній полагаетъ оное до 6000. Можно противопоставить ему Стравона, который говоритъ точно, что Леонидъ получилъ отъ сосѣдственныхъ народовъ малое число воиновъ; потомъ Діодора Сицилійскаго, который во своемъ изчисленіи полагаетъ только 1000 Локрянъ.

3е. Въ изчисленіи сихъ войскъ, Діодоръ выпустилъ Ѳеспіянъ, хотя въ повѣствованіи своемъ о нихъ и упоминаетъ. Вмѣсто Ѳеспіянъ считалъ онъ 1000 Милесіянъ. На матерой Греческой землѣ не извѣстенъ никакій народъ, который бы назывался симъ именемъ. Полміеръ мнилъ, что должно поставить имя Маліянъ вмѣсто Милесіянъ. Сіи Маліяне тотчасъ покорились Ксерксу, и какъ удивительно бы было видѣть ихъ соединенныхъ съ Греками, то Полміеръ предполагаетъ, по нѣкоторому мѣсту Иродота, что они явно пристали къ Персамъ уже по сраженіи при Ѳермопилахъ. Однако можно ли помыслить, чтобъ они, обитая на открытой землѣ, дерзнули пріять оружіе противъ сильнаго народа, которому учинили въ повиновеніи присягу? Гораздо еще вѣроятнѣе, что при Ѳермопильскомъ сраженіи, не давали они помощи ни Грекамъ, ни Персамъ; и что послѣ онаго присоединили нѣсколько кораблей ко флоту сихъ послѣднихъ. Какимъ бы образомъ ни вкралась ошибка въ подлинникъ Діодоровъ, я болѣе вѣрю, что вмѣсто 1000 Милесіянъ должно читать 700 Ѳеспіянъ.

4е. Діодоръ присовокупляетъ 700 Лакедемонянъ къ 300 Спартанянъ; и доказательство его подтвер-

ждено ясно Исократовымъ. Иродотъ не упоминаетъ объ нихъ для того, можетъ быть, что они выступили уже послѣ Леонида. Я думаю, что должно ихъ включить. Кромѣ свидѣтельства Дїодорова и Исократова, Спартане не выступали почти никогда безъ препровожденїя полчища Лакедемонянъ. Сверхъ сего извѣстно что Пелопонисцы поставили 4000 человѣкъ: сїе число находится точно въ надписи ихъ гробницы; и однакоже Иродотъ считаетъ только 3100 для того что не почелъ надобнымъ упомянуть о 7000 Лакедемонянъ, которые чаятельно присоединились къ Леониду при Ѳермопилахъ. Изъ сихъ замѣчанїй сдѣлаемъ заключенїе. Иродотъ полагаетъ число сражавшихся до 5200. Ежели съ одной стороны приобщимъ 700 Лакедемонянъ, а съ другой Локрїянъ, которыхъ числа именно не означилъ, и которыхъ Дїодоръ считаетъ до 1000; то будемъ имѣть 6900 человѣкъ.

Павзанїй считаетъ 11200 человѣкъ. Когда приприсовокупимъ къ тому 700 Лакедемонянъ, которыхъ онъ по примѣру Иродота пропустилъ; то будемъ имѣть 11900 человѣкъ. Ежели уменьшимъ, такъ какъ Дїодоръ, 6000 Локрянъ до 1000, то всего будетъ 6900 человѣкъ.

Дїодоръ полагаетъ ихъ до 7400 человѣкъ. Ежели мы возмемъ 1000 Милесїянъ вмѣсто 700 Ѳеспїянъ, то выдетъ 7100 человѣкъ. Итакъ можно сказать вообще, что Леонидъ имѣлъ съ собою около 7000 человѣкъ.

Изъ Иродота видно, что Спартане, по обыкновенїю сопровождаемы были Илотами. Древнїе писатели не включили ихъ въ свои счисленїя; можетъ быть не превышали они числа 300.

Когда Леонидъ узналъ, что непрїятели готовятся напасть на него съ тылу; то отослалъ обратно большую часть своихъ войскъ, а оставилъ только Спартанянъ, Ѳеспїянъ и Ѳивянъ, что составляло 2400 человѣкъ; но большая часть погибли въ первыхъ приступахъ; и ежели повѣримъ Дїодору, то Леонидъ имѣлъ съ собою только 500 воиновъ, когда вознамѣрился напасть на станъ Персидскїй.

ПРИМѢЧАНІЕ VIII.

Сколько денегъ стоили памятники, сооруженные по повелѣнїю Перикла. стран. 367.

Ѳукидидъ пишетъ, что они стоили 3700 талантовъ, и полагаетъ въ сїе число не токмо издержки на Пропилеи и прочїя сданїя, строенныя по повелѣнїю Перикла, но и на осаду Потидеи. Осада сїя, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, стоила 2000 талантовъ; итакъ остается на произведенїе работъ, по повелѣнїю Перикла назначенныхъ, только 1700 талантовъ; но одинъ древнїй писатель объявляетъ, что одни Пропилеи стоили 2012 талантовъ.

Чтобъ разрѣшить сїе затрудненїе, замѣтимъ, что упоминаемое Ѳукидидомъ состоянїе Аѳинскихъ доходовъ относится только до того времени, когда Пелопонисская война была предпрїята; что осада Потидеи въ то время едва начиналась; что она продолжалась два года, и что бытописатель въ первомъ мѣстѣ говорилъ только о первыхъ издер-

жкахъ сей осады. И предполагая, что они простирались до 700 талантовъ, назначимъ прочїя 3000 на сданїя, которыми Периклъ украсилъ городъ. 3000 талантовъ, считая въ 5400 ливровъ талантъ, составляютъ Французскою монетою 16, 200, 000 ливровъ, но какъ во время Периклово талантъ стоилъ 300 ливрами больше, то выдетъ 17, 100, 000 ливровъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*стр.*	*напечатано*	*читай.*
8	23	обогощали	обогащали
11	15	знамѣнитыхъ	знаменитыхъ
12	17	возростшія	возрастшія
16	18	усугубляло	усугубляла
17	1	дальную	дальнюю
25	2	государства. Что	государства; что
—	27	до нынѣ	донынѣ
30	2	дальныхъ	дальнихъ
41	27	противуополчище	противополчище
46	25	подесяти лѣтномъ	по десятилѣтнемъ
49	10	.И	;и
58	27	нѣкоторые	нѣкоторыя
68	27	борятся	борются
69	14	обретаемъ	обрѣтаемъ
72	5	изобретшее	изобрѣтшее
73	14	соплетанія	соплетенія
74	26	рѣшѣлись	рѣшились
86	7	какое	какой
110	8	иародъ	народъ
115	2	ея	ее
—	20	отцеубицемъ	отцеубицею
116	9	при жизнѣ	при жизни
—	23	угнетѣнія	угнетенія
127	16	опасасались	опасались
143	24	мѣнѣе	менѣе
144	7	рождаются	раждаются
—	12	давнаго	давняго
145	1	недавнимъ	недавнымъ
148	5	возросло	возрасло
199	24	цѣли?	цѣли.
202	7	окончивающими	оканчивающими
204	7	окончивающаяся	оканчивающаяся

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.	*стр.*	*напечатано*	*читай.*
211	10	хладокровно	храднокровно
240	13	того	того
244	1	довѣренности.	довѣренности ?
261	14	союзниковъ	союзникамъ
268	6	Эоническихъ	Іоническихъ
295	14	нидовѣрчивость	недовѣрчивость
—	27	нее	нея
306	9	не море	на морѣ
319	11	примѣчано	примѣчаемо
335	24	то принудить	принудить

2010514803